

ГРАНИ

GRANI

156

1990

Verlagsort: Frankfurt/M., April - Juni

”ГРАНИ”

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в ”Граних” были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, В. Корнилова, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина...

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947 – 1952 Е. Р. Романов

1952 – 1955 Л. Д. Ржевский

1955 – 1961 Е. Р. Романов

1962 – 1982 Н. Б. Тарасова

1982 – 1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984 – 1986 Г. Н. Владимов

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLIV

№ 156

1990

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Наталья МАКСИМОВА. Стихи	5
Владимир БАТШЕВ. Ничтожность. <i>Начало романа</i>	18
Леонид ГРИГОРЬЯН. Стихи	63

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Леонид РЖЕВСКИЙ. Встречи с русскими писателями	68
Юрий КОЛКЕР. Изящные науки	103

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА

Наталья БАРАНСКАЯ. Автобиография
без умолчаний	122
Валерий СЕНДЕРОВ. Избранные места
из переписки с волей	149

ИСТОРИЯ

Герман АНДРЕЕВ. Причины поражения
антибольшевистских сил	191

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

- Сергей ВЕНЦЕЛЬ. Размышления о теократии
в России 232

ПУБЛИЦИСТИКА

- Фридрих НЕЗНАНСКИЙ, Александр ЮГОВ.
Девятый вал 256

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- Евгений Крохмаль. Приручение
(А. Авдеенко. "Отлучение") 289
- А. Роз. Война и мир, который ее вел
(В. Лемпорт. "Невидимый противник...") 299

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

- Отходная Тамиздату? 302
- Михаил УТЕВСКИЙ. Одним январским вечером... 304
- Валерий СЕНДЕРОВ. Письмо организаторам вечера 318
- Владимир БАТШЕВ. "Посев" в Москве 319
- КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 323

Обложка работы художника Н. Мишаткина

Наталья МАКСИМОВА

СЛОВО

Ответом звездам и луне
На зов всего живого
В почти предельной тишине
Встает над миром Слово.

Придет из леса и степей,
Презрев число и меру,
И в гул афинских площадей
Войдет строкой Гомера.

А петербургскою зимой
Так властно и жестоко
Становится строкой – бедой –
Прекрасной Дамой Блока.

Бог весть за что и почему,
Но на отвесном склоне
Оно сквозь снег и тишину
Спускается в ладони.

Шурша июньскою травой,
Оно бредет по свету,
И дождь над нашей головой
Становится сонетом.

И может, вспыхнув только раз,
Колдуя белым дымом,
Безжалостно уйдет тотчас
Строкой неуловимой.

Так недоступно и светло,
Щемяще и сурово...
О Господи, за что пришло
К земле такое Слово?

ВАЛААМ

Пугает птиц на высоте
Вид обезглавленного храма,
Где на невидимом кресте
Земля и скалы Валаама.
И все тревожней этот гам,
Темнее ствол упавшей ели,
Которая лежит, как шрам,
На чистом беззащитном теле.
И кажется: конец чудес
Пророчит сумрачная хвоя
Там, где встает твой мертвый лес
Сплошную рыжею стеною.

* * *

*"...Россия - страна, граничащая с Богом".
Р. М. Рильке*

"...Страна, граничащая с Богом..." -
Так про тебя сказал поэт -
Пусть истерзала нас тревога,
Богооставленности нет.

Я верю снова: Бог с тобою,
Он с теми, кто во всех краях
Под леденящею пургою
Живут в твоих концлагерях.

Он с ними там в любой напасти,
С тобой, запретный тайный стих –
Звучат стихи с разящей властью,
Раз убивают здесь за них.

Господь – он разве не с тобою? –
Он рядом вновь, страна моя,
Раз ты в беде, раз на земное
Уже надеяться нельзя.

Пусть нет ни отклика, ни звука –
Лишь без предела чернота –
Страна моя, ты снова с мукой
В тебе распятого Христа.

* * *

Ты оглушенной зоной
Раскинулась, Россия,
Ленивою и сонной
Под сапогом Батыя.
Свои взрывала храмы
И мерзость запустенья
Творила неустанно
По доброму хотенью.
Ты собирала рати
Свои под Магаданом,
Из мертвенных объятий
Не выпускала страны.

Живой души убийство
Творишь очередями,
Чиновничьим витийством,
Газетными стихами.
Как пережиток совесть,
И есть одна свобода -
Писать все дальше повесть
Великого исхода.
Ты вся в грязи и боли,
Боясь живого звука,
Зерном, зарытым в поле,
Ты прорастаешь в муках.

* * *

Не нам ли Пушкин написал:
"...Но мучаясь и негодуя,
Я не хотел, чтоб Бог послал
Мне где-то родину иную..."

* * *

Белея, поле Куликово
Лежит передо мною,
Занесено, прибито снова
Горчайшею пургою.
История, идя кругами,
Так беспощадно душит:
Хан Тохтамыш опять с войсками
Твою Москву разрушит.
И целый день дожди косые
Идут в широком поле,
И недоступны вновь России
Земля и воля.

Но где-то по лесам с утра
Зовет и кличет издаличе,
И замирают все ветра
В немеющий российский вечер.
Какие б вьюги ни мели,
Но устремленьем зодчих к Богу
Дана нам церковь у Нерли
На бесконечную дорогу.
От самой северной земли
Над миром сумрачным и сонным
Росли монастыри твои,
Перепоясав землю звоном.
От самой северной земли
Перед лицом беды великой
Вставали ратники твои,
Загородивши поле кликом.
Весь в пламени от гнева
Порывом к небесам
Среди ржаного хлеба
Вставал российский храм.
Хоть бесконечно льется кровь
Средь распрь владык и оргий,
Но повергает змия вновь
Твоей Москвы Георгий.
Пусть по российскому пути
Твои враги идут так долго —
Им двести метров не дойти
До самой Волги.
Стояла ты совсем одна,
Опять едва жива,
Недаром дней Бородина
Есть у России два,
Недаром бури полнота
Над целым миром:
Российский ветер не чета
Любым зефирам,

Недаром перед казнью вдруг
Ответят здесь почти стихами:
"Нас тьмы и тьмы, мильоны рук -
Попробуйте, сразитесь с нами".
На дне Непрядвы и Невы,
В предгорьях Карпат,
Не видя этой синевы,
Твои солдаты спят.
Преданья древние свежи,
Но Китеж - где же он?
Или онежские Кижы -
Лишь недоступный сон?
Судьба ли русских - до конца
Вот так ходить по кругу,
Уйти дорогою слепца
Опять в метель и вьюгу?
Ты ль скажешь миру новый звук
Или в бесчинстве диком
Так страшно повернешься вдруг
Антихристовым ликом?

* * *

Простите нас, как часто мы не знали,
Где вам кресты поставить на земле,
Простите, что нечаянно ступали
На травы те, что проросли в золе.

Писали вы на стенах одиночек,
Записки прикрывала горсть земли,
Спешащие, коротенькие строчки,
Боюсь, мы невнимательно прочли.

Салюты прогремят в начале мая,
А в тишине кладбищенских оград...

И черствый хлеб с земли не поднимая,
Тебя мы забываем, Ленинград.

Вновь говорят, что мы дошли до цели –
Под взглядом сорока миллионов глаз
Спросить не смеем: "То ли вы хотели,
Таковыми ль видеть вы хотели нас?"

* * *

Вознесся крест, одетый в иней,
Внизу оставив стаю вьюг,
Где встал нетронутой святыней
Пятисоборный спасский круг.
А белоснежные соборы
Московской юною зимой,
Как сестры северной Авроры
Взметнулись в пене снеговой.
Здесь каменное пятиглавье
Царит, рассеяв лунный дым,
И вот уже седое пламя
Снопам вспыхнуло над ним,
И белый ангел Воскрешенья
Простер незримую ладонь,
Храня подземное горенье –
В сугробы спрятанный огонь.
Сиянье ледяных просторов
Собрав в декабрьской снежной мгле,
Все пять твоих костров – соборов
Свой тайный свет несут земле.

СЕВЕРНАЯ ГРОЗА

Последним отблеском горя
Белы и немые,
Опять встают монастыря
Живые шлемы.
И среди этой тишины
Вдруг рядом море,
Раз отраженьем вышины
Цветет цикорий.
По облачной дороге
Спустились звезды вниз,
Лучом прозрачным строгим
Пронзив ночную высь.
И бой небесный длится,
Там, за багряной тучей,
И громом разразится
Над молнией летучей.
Вверху столкнулись горы,
Кипит травы прибой,
Рождаются соборы
Над самой головой.
Уходят тучи хмуро,
И вдруг у самых глаз
Брусничная Маура
Перед тобой зажглась.

ЗАКАТ У КИРИЛЛОВА

В бесчинстве солнца и сирени,
Как белоснежная волна,
Победой над вечерней тенью
Вставала Китежа стена.

Лежащие в одной ладони,
Слились опять река и лес,
И дерево вершиной тронет
Всю ширь распахнутых небес.

И только что рожденный снова,
Поднявшийся из первых вод,
Вобрав пророческое слово,
Землею дышит небосвод.

И Китеж наверху построен,
А мир, вобрав его лучи,
Вновь ал, торжественно спокоен,
Подобен пламени свечи.

* * *

О, Муза русского поэта!
Ты пушкинской была Татьяной
С ее малиновым берегом,
С ее заснеженной поляной.

Тебя крестьянкою избитой
Сквозь площадь страшную Сенную
С той мукой, и под пыткой скрытой,
Провел Некрасов, как святую.

Ты блоковской Прекрасной Дамой,
Как тайна Третьего Завета,
Прошла сквозь русские туманы
В сиянье северного света.

А перед Буниным явиться,
Где белая пылит дорога,

Московской юною черницей
Вдали людей, вблизи от Бога.

Но вечному верна союзу,
Роднясь со скорбными тенями,
Ты стала лагерною Музой
Шаламова и Мандельштама.

* * *

Тем строже спросится с меня,
Раз я пишу стихи,
За скудость прожитого дня,
За все мои грехи.

ВЕСНА

Наполнит все вокруг
Молчанья благодать,
Лишь почерневший луг
Зачавкает опять.
И юный терпкий клей
Застынет на листе.
Он в запахе ветвей,
В капли на кусте.
Вновь добрый светлый знак
На каждой встречной луже,
Где край земли обмяк,
Освободясь от стужи.
Где славит все вокруг
Любой бездомный прутик,
А под землю вдруг
Зашевелился лютик.

Пусть нет еще листвы
Среди оврагов рыжих,
Но торжество травы
Теперь гораздо ближе.

ДЕТСТВО

Как снова окунуться в детство,
Услышать тайные шаги,
И оказаться вдруг в соседстве
Старинной сказки и пурги,

Чтоб мальчик тот с планеты дальней
Понятным снова стал тебе,
Чтоб звон бубенчиков печальный
Напомнил о его судьбе.

В шкафу зарыться в платье мамы,
Стремглав влететь в поток травы
На солнце, у лесной поляны
Встать, не покрывши головы.

Раскроет зонт Оле-Лукойе,
Страны чудес даруя сны,
А от вопросов нет покоя
Средь шума или тишины.

Больную куклу укрывала,
Чтоб от беды ее спасти -
Как прикоснуться вновь к началу
Тебе сужденного пути.

И удивиться: ведь впервые,
Как будто чудо из чудес,

Возникли брызги дождевые,
Деревья, облако и лес.

Пусть Алладин уже далеко,
Но все-таки опять с тобой
То удивление высокое,
Что рядом с детской игрой.

* * *

Темнеют старческие вены
И все дается через силу.
За стиркой руки белой пеной
В который раз оденет мыло.
И вновь перекрестится тайно
За все, что ею так любимо,
Ведь для нее не жест случайный
Тот жест, душе необходимый.
И кажутся большими руки
Для легкого худого тела:
Вот только сыновья и внуки –
Единственное, что успела.
А от чего-то в удивленье,
Так по-особенному ахнет,
И свежим яблочным вареньем
От фартука и кофты пахнет.
Я эту согнутую спину,
С трудом ступающие ноги,
Пальто, забрызганное глиной,
Увижу ль снова на дороге?

* * *

На целый окоем
Полыни кустик чахлый,
Сиренью и дождем
Крапива вдруг запахла.
Пусть эта тишина
Вновь оборвется круто,
Но на века одна
Растянута минута.
Здесь слышен лишь прибой,
И в этой дымке мгlistой
Встречаем мы с тобой
Наш понедельник чистый.

* * *

Подводных Ладог нездешний звон
Вошел незримо в полночный сон,
Сквозь все преграды, сквозь все века
Течет прикрывшая Русь река.
Пылает Саров на самом дне,
Миры очищая в своем огне,
Леса и степи покинув давно,
Он опустился на белое дно
И, недоступен наземной беде,
Оставил России крест на воде.
Но схлынут воды, и в сизой мгле,
Открытый снова родной земле,
В огне заката, из темных вод
Увидят люди: собор встает.

Владимир БАТШЕВ

Ничтожность

(Начало романа)

Неудачникам, простым и взыскующим графomanам, бездарностям всех мастей, мелкой и крупной сволочи, интеллектуальным подонкам, духовным импотентам, ходячим мертвецам и живым памятникам - всем, кто хоть раз, пусть даже и во сне признался и назвал себя ничтожеством -

адресует свою вещь автор.

В пестрый плащ безответственных настроений любят облекать себя ничтожества...

К. Ясперс

...чтобы прикрыть свою внутреннюю пустоту внешним содержанием.

В. Поляков, психиатр

* * *

Ненависть первая

Тезисы развития

I

Я не люблю советскую власть.

Я не люблю свою жену, своих родных, свою работу, зарплату и Черемушки, где проживаю.

Можете представить себе, какая я редкая сволочь.

Жена моя, Марина, длинноногая блондинка, приходит с работы веселая и хитрая, будто умней и красивей нет во всей Москве. Она проходит в кухню, изящно кидает свою маленькую, как собачка, белую сумочку, которая тут же сворачивается, как собачка, клубком на мягком и продавленном стуле. И когда я кричу: "А раздеваться?" – она подходит и целует меня. Потом она раздевается медленно и долго, так долго, что можно половину "Литературки" прочитать, а она все раздевается, будто до конца, она дразнит меня тем, что снимает только пальто и платочек. Платочек у нее капроновый, розовый в горошек. В таких платочках все профурсетки с улицы Горького бегают, девочки из пригородов, для которых кафе "Молодежное" и тамошнее общество – центр интеллектуальной жизни.

Я ненавижу ее за этот платочек, за неумение одеваться, за то, что прикидывается идиоткой, за то, что прикидывается умной, за ее славу умной женщины среди моих друзей. Она умеет умно разглагольствовать, хотя я уверен, что она глупей нашей машинистки. Она

прикидывается умной, когда это выгодно, она любит, когда о ней говорят, когда меня унижают, ухаживая за ней на моих глазах. Моя мать утверждает, что без Марины я бы пошел по стопам старшего брата.

Мать моя — член партии, она участвовала в войне, что кажется мне абсурдным и непонятным, волосы красит хной, а губы неяркой, но заметной помадой. Не знаю зачем и для кого она это делает. Она желает выглядеть еще моложе, моложе, чем на тридцать пять. Ладно, в боях за отечество мать заслужила право выглядеть моложе своих сорока пяти.

Я ненавижу отца — хотя он и член партии, он бюрократ, ретроград и посадил Володьку. Володька — мой брат. Я уверен, что отец его посадил, он ненавидел Володьку, хотя нет никаких доказательств, что это он, но я уверен, что он виноват. Уверен потому, что я ненавижу.

Брата своего я тоже ненавижу. За то, что дурак — умный не стал бы два года не работать, а писать стихи и читать их у памятников. Только такой безмозглый дурак, как мой очкастый брательник, мог залететь на пять лет в Сибирь за тунеядство. Кому это надо? Никому. Ни мне, ни родителям, ни самому Володьке. Ах, ореол мученика! Вот за это выпендривание тоже ненавижу.

Власть не люблю потому, что сослали Володьку. Пусть власть мне лично ничего плохого не сделала, но хоть Володька и дурак и я его ненавижу, ссылать восемнадцатилетнего парня — позорно.

И может, у меня из-за брата неприятности по службе?

Служба...

Когда я только вхожу в этот просвечивающий, как письмо на сильный свет, небоскреб, у меня подкатывает к горлу тоска. В лифте меня начинает мучать раздражение и предчувствие скуки. А когда я выхожу на своем четырнадцатом, последнем этаже, и вижу эти похабные морды -

- ведь все бездари!

все - конъюнктурщики!

все - подхалимы!

- меня чуть не тошнит. Но я здороваюсь, мне ладошки протягивают, пожимаю, кланяюсь. А взглядишься в глаза - ненавидит тебя всякий, как и ты его. А потом дурнем торчать на глазах начальства до шести, переводить, редактировать чужое, делать умное лицо, поддакивать шефу - ух! ненавижу. И за всю мою восьмичасовую тоску, за восьмичасовое ничегонеделание - всего сто двадцать пять рублей пятого и двадцатого. Без премий.

В обед - гурьбой на третий этаж. Наш буфет - гордость небоскреба, завидуют даже окрестные кафе. Еще бы - буфет от центрального ресторана!

Я беру: рассольник, который горячий и вкусный, как у мамы; бифштекс по-деревенски с кровью цвета пасты шариковой ручки - моя мужская сила; цыпленка-табака - знак достатка и знакомства с приличными ресторанами; салатик из свежих огурцов - хрустящие зеленые кружочки витаминов, столь необходимые весной в борьбе с прыщами и фурункулами; компот из персиков - опять же витамины.

Буфет я тоже ненавижу.

Эта ежедневная процедура, эта видимость достатка и успеха стоит денег. А надо всем показать, что у тебя удача, успех, сила, иначе не то что относиться будут иначе, а просто спихнут.

После работы - в гнусный микрорайон, в перепетый сатириками блочный дом. Поганный район, где я живу, бесит, наверно, больше всего.

У пивных ларьков весь контингент обитателей нашего квартала - алкаши, рабочие, пенсионеры, темные личности без определенных занятий, светлые личности с явными намерениями, современные бюргеры. Они утром, сцепившись, как в летке-еньке, стоят у ларька, поправляя головку пивом. Им больше ничего и не надо - выпил, не закусил, пришел домой, поел, поимел жену, а утром, у желтого, как стертый пятак, ларька поправил головку пивом.

II

Ее выбрасывает из постели будильник.

Она вскакивает таким живчиком, сбрасывает с меня одеяло и закуривает сигарету. Я пытаюсь накрыться, но чистый и крахмальный пододеяльник ломается, как с мороза, а она специально пускает дым в лицо.

Я уже не могу заснуть, но спать хочу и гоню вонючую сигарету под душ, а она смеется и прыгает на одной ножке в ванную, а когда выходит в пестром халатике и сводит его на горле, будто хочет задушить, она такая свежая и мокрая, что я не могу и тяну ее к себе.

Но она отбивается, одевает длинные белые,

как бинты, чулки и белую кофточку, и белые брюки – и сразу пахнет больницей. В такие минуты она – врач, который будет резать мне грыжу. Я в испуге накрываюсь с головой, потому что она распахивает форточку: включает день и солнце, растаскивает по углам шторы.

Я должен вставать потому, что день щекочет светом и мокрым воздухом, и не хочется уже спать и не хочется еще читать. Мне приходится ставить на огонь джезу, потому что жена сидит перед зеркалом, занятая ремеслом – своим лицом.

Джеза у нас новая, купленная недавно, желтая, чистая, не закопченная. Когда наливаешь воду, она звенит, как незажженная лампочка, если ее потрясти.

Володька всю жизнь мечтал о такой штуке для кофе. Джеза, кофе, картины на стенах, матрац на полу – вот хрустальная мечта его юности, символ самостоятельности, личной свободы. Он был глупым мой брат, Володька. Он не жил дома, хотел матрац на полу и джезу. Марина уважала его. За что? Уважение вещь хрупкая – задел за стекло, упало и разбилось.

Она намазывает печенье маслом.

– Ты будешь?

Я сжимаю зубы. Она так ежедневно издевается надо мной, зная, что не буду – я завтракаю основательно: молоко, яичница, сулгуни, бутерброды, какао.

Она с усмешкой наблюдает, как я делаю зарядку, она так и смеется надо мной всем своим высшим образованием! Но я продолжаю зарядку: руки в стороны, ноги – вместе.

Пока она красит губы, поправляет парашют

волос, я - в душе. Душ изогнулся, как кобра. А вдруг кобра? Тьфу! - с ума можно сойти - откуда здесь кобры, в Москве холодный климат.

- Я спешу! Позвони! - хлопает дверью, и это опять издевательство: к ней невозможно дозвониться - коммутатор. И убежала - даже не простилась, не поцеловала - ах, губы у нее накрашены! Подумаешь!

Чистый и свеженький, оставляя на коричневом линолеуме кухни пальцы и пятки, я вжимаюсь в окно, на автобусной остановке она успевает махнуть мне рукой. Уезжает она в длинном двойном автобусе - "колбасе".

На этом автобусе и я еду к родителям в центр, который от дома кажется далеким, как столик с выпивкой, а на самом деле - полчаса езды. Я слезаю у театра и, опасливо оглядываясь, иду через скверик. В эти минуты я ненавижу шефа, который велел сбрить бороду, и Марину, возжелавшую видеть меня без усов.

А без бороды и усов я слишком молодо выгляжу. И румянец у меня на всю щеку, как у чахоточных, и губы неестественно красные и никому не докажешь, что они такие от природы, а не будто я мазался помадой. И мне страшно идти мимо Большого театра, потому что здесь, как известно всякому интеллигентному москвичу, собираются "голубые".

А венерических болезней, гомосексуалистов и холода я боюсь больше всего на свете.

III

- Привет, мать, - объявляю и отшвыриваю противную, как бенедиктин, портьеру.

- Ого, явление Христа народу - Славка... Давненько-давененько. Есть будешь? Раздевайся...

Я залезаю ногами в карманы материнских теплых тапочек, мою руки, а в кухне начинаю раскачиваться на табуретке, три ноги которой словно специально для этого созданы.

Мать рада. Мой приход, если не явление мессии, то по крайней мере - путевка на Золотой Берег. Сразу попадаешь на вокзал. Как путается у касс, а поезд вот-вот отходит, она бежит в коридорчик к ровеснику квартиры - холодильнику. Она мгновенно, как Сатурн кольцами, окружает меня тарелками, подает, убирает, моет, снова подает.

Она меня кормит на славу или на убой - не пойму, я сейчас лопну, я только что ел у себя... Но я не поезд, время есть. Однако она продолжает суетиться, считая, что с Мариной мы едим что попало и где придется, и вообще, не едим, а пьянствуем. В этом ее не разубедишь даже больными почками моей жены. Она на секунду по-старушечьи подпирает голову рукой, плаксиво всматривается в меня или в Володьку, и снова вскакивает.

Я ужасаюсь себе - только и делаю, что ем: дома, в гостях, на службе, на улице, а теперь и у родителей. Я не могу есть, я не бездонная бочка, и мой желудок, словно надувной крокодиль, уже не вмещает в себя.

В нашей бывшей комнате я сажусь за неве-

роятно лакированный, совсем не рабочий, как у меня на службе, стол. Стол мать купила к возвращению Володьки.

- Хорошо ему будет работать, - думает она.

Как же! Будет он работать! Опять начнет у памятника выступать да по бабам шататься. Но пусть мама верит, хорошо тому, кто это умеет. Я - пессимист.

- Тебе подошел бы тоже... - начинает она.

Я тут же сжимаюсь. Что значит "тоже"? Я ей не бумагомарака, водитель авторучки, если я в детстве стишки пописывал, то это не значит ничего, давно я этим не занимаюсь. Я - официальный человек, редактор международного отдела, пусть и без специального образования. Я всегда мечтал быть водолазом. И не буду писателем. Работать! Я работаю в конторе! Что я, Володька, что ли...

Но я сажусь за стол. Просто так. Чтобы маме было приятно. Смотрю в ящики - володькины письма, она их читает мне по телефону, мне брат пишет редко. Стихи, фотографии... Я рассматриваю знакомое лицо, и оно ухмыляется из глянцевої клетки. Морда у него худая, а волосы до плеч... Христос, да и только! Не меняется, дурак...

- Что у тебя нового расскажи как Марина нужен ли лук возьми отец хотел к вам захватить почему ты не звонил целых две недели?

Начинается. Она начинает играть в старую жизнь, в старое время, когда мы с Володькой живем дома, я не женат, а он не в Сибири. Я знаю: так маме легче, она не может жить жизнью пустой квартиры с ежедневными разглядываниями не глазами! - нервами - в поч-

товом ящике писем из села Большой Улуй Большеулуйского района Красноярского края.

Я постепенно втягиваюсь в ненужную, словно оперетта, игру. Я интересно и с подробностями вру, как готовлюсь в университет, как на фирменном бланке нашей конторы мне напечатали характеристику. Что учебники я купил новые, а характеристику хотел принести, но случайно забыл дома и принесу показать в следующий раз.

Она слушает, она знает правила игры и в характеристику верит, а в подготовку, как и в бодрую сибирскую жизнь Володьки, — нет. Я слежу за ее ногтями, с которых стирка сорвала маникюр, но который местами еще проглядывает, как старые афиши на щитах. Она штопает носки отца, одинаковые носки на левую ногу, которые протез сильно протирает. Она постепенно усложняет игру: она оставляет меня в прошлом, но вводит Володьку и его ссылку. Она это делает легко и привычно, так же, как и штопает.

IV

Бывает, что ты долго мечешься и не можешь найти себе места только потому, что не видишь этого своего места. Не видишь его из-за обычности — обычное, не став необыкновенным, не привлекает к себе внимания. Это как кошка бежит по квартире, толкается в закрытые двери и фортки, пока от случайного толчка рамы не распаивается все окно. Но кошка может улечься под стол, заснуть и даже, прекратив свои метания, стать глиняной кошкой—

копилкой, чей покой может быть нарушен лишь однажды, — когда поцарапанным с облезшей краской молотком ей разобьют голову, добиваясь до скрытых запасов.

Ненависть вторая

Развитие тезисов

I

Из метро меня вышвырнуло, как пробку из шампанского: час пик, все мчат на работу. Час служащих: полдевятого — полдесятого.

Улица пузырится шляпами, всплески портфелей доносятся от каждого поворота, от каждого дома, перекатываются и, не стихая, летят дальше.

Безногий на тележке, отталкиваясь двумя красными и огромными карандашами, как лыжник, мчался по мостовой через улицу. Он хотел завернуть, но так и поехал наискосок, где асфальт срезан для въезда машин.

Инвалид подобно машине въехал на тротуар и с той же велосипедной скоростью помчался по кромке, пугая людей. Черные короткие усы вырывались с лица и мчались на несколько сантиметров впереди.

Идущие навстречу испуганно уступали дорогу и оборачивались, следя за этим движением. Я потерял его из виду, оттолкнул женщину, похожую на перевернутый телефон. Ходячий телефон пискнул и уступил дорогу.

Инвалид чертиком крутился на своей тележке перед магазином и переругивался с без-

руким. Усы инвалида топорщились, вскакивали, готовые в бой.

Безрукий мотал пустыми и синими рукавами болоньи, красная улыбка прыгала с лица на лица стоящих у дверей. Двое были на костылях, непривычно желтых и неприлично деревянных на темном фоне плащей. Еще один доставал бутылку.

”Шабаш, - с ужасом подумал я, - шабаш инвалидов. Боже...”

За рукав потянули.

- На троих? - подмигнул козырьком шоферской фуражки Лейкапастырев.

Я его узнал - он вчера принес бездарный перевод, сегодня - другой, наверно.

- На троих? - подкатился инвалид на тележке.

А почему бы и нет? К такой-то маме всю эту службу - не помрут, если приеду позже.

Инвалид выпил и катался перед нами.

- Вы посмотрите, Слава, на этого индивидуума, - объяснил Лейкапастырев. - Они здесь ежедневно, - и он - неперемный участник. Вот где настоящие люди, подлинные, вот человек: у него нет ног, он инвалид, он герой войны...

- Старо, - занюхивая поданной корочкой, ответил я, - было. Все эти рассказы о том, что пьяные - самые истинные люди, бред.

- Да нет, Слава, вы меня не понимаете. Когда они здесь собираются, - у них нет различий. Нет разницы в пенсиях, выслуге лет, прошлых заслугах - они коллектив. Нигде нет такого крепкого и дружного коллектива, как у пивной. Здесь люди знают друг друга, они уважают друг друга. Разве здесь есть зависть, ложь, ханжество, как это бывает на

наших интеллигентных пьянках? Нет. Они сползаются сюда, к магазину, они берут на троих, потом пьют пиво и им не надо лгать, не надо приспособливаться к прихотям шефа или капризам жены, им не надо петь панегирики друг другу. Зачем? Здесь все на виду, здесь естественный отбор: кто сколько вкладывает, тот на столько и пьет.

- Черт возьми, вы в чем-то правы. Но не могу понять, пахнет чем-то нехорошим от ваших речей.

- А чего пахнет? - вмешался инвалид. - Правильно гражданин говорит: у нас тут никто не обманет, всяк другого знает. А ежели пиво разбавлено, так Милке тоже жить надо, небось мужик ее бросил...

Я оставил Лейкапастырева допивать пиво. В голове что-то передвигалось. Нет, разумеется, я с ним не согласен. И тут на кого-то наткнулся я, на ногу наступил словно, и забыл извиниться, и стою как дурак.

Но воображаемая машина уже переехала меня - я не мог оставаться в прежнем состоянии. Мысли перепрыгивали с висков на грудь, залезали во внутренности и маленьким, крошечным тигренком прыгали по желудку, изредка царапая тупыми коготками сердце. Я загнал его под лопатку - его обычное место жительства, и опять передо мной стоял Лейкапастырев.

II

Рабочий день катится к выходу на ходу одеваемыми плащами и пальто. Я выхожу и мне становится стыдно за свое старое коричневое

пальто, которое распирают коробки сигарет, ключи от разных квартир, чистые и грязные носовые платки. Пальто подтверждает, какой я молодой и худой. Я стыжусь вас, Пальто, потому, что навстречу течет Весенняя Шуба. Апрель – пальто можно носить через руку, дескать, смотрите, какой я закаленный, как тепло, как я иду апрелем. Но навстречу идет апрелем Весенняя Шуба.

– Привет, – дрожа, говорю я этой Шубе из прошлой жизни, из милой прошлой жизни, когда брат еще дома и мы живем с родителями.

– Привет, – говорю я, когда она меня не трогает даже, а лишь пробежали пальчики по клавишам.

– Куда ты дорогуша как живешь здравствуй вспоминала о тебе.

Надо показать успех, славу, прочность – как белый флаг – рука вверх.

– Шеф, в Клуб писателей.

– Ты большой человек – на такси разъезжаешь, – улыбается Шуба духами, Францией, счастьем.

– Ты счастлива?

– Ах, Славик, кто из нас счастлив на этом свете? – кокетничает она.

Вахтерши меня не съедят: со мной Шуба. Шуба – есть шуба, ее знают, здороваются, как с Марковым.

Надо держать марку, показать прочность, славу, успех, независимость от всяких шуб. Коньяк, кофе, пирожное, еще коньяк.

– Много получаешь? – интересуется она между прочим.

Киваю.

– Ты где сейчас работаешь?

- Редактор международного отдела. В журнале "Акушер-гинеколог".

- Я всегда знала, что ты умней, нет, счастливей своего брата.

Шуба - это не столько мое, сколько прошлое брата. У него ничего не вышло - из-за шубы. Но поскольку она есть и брат был, то я считаю ее "своей". В смысле знакомой.

Мы сидели с чужим прошлым и никого не обижали, и прошлое брата курило свои "Столичные", пугающие меня длиной и коричневыми перчатками фильтров. Нас никто не трогал, и я никого не обижал. Ничто не обещало драк, которыми славился Клуб. И тут сквозь коньяк меня укололи иголкой моего имени. Я сразу понял, что это не меня, а брата, но встал и подошел к толстым рожам, выдыхая требование объяснений по поводу произношения вслух моей фамилии.

Они засмеялись, особенно прыщавый в очках-гробиках. Они были сытые и подпитые.

- Я, вот, поэт Церковников, сижу в своем клубе и пью свой коньяк, а вы кто такие, сидите здесь, в моем Клубе и пьете кофе?

Не знать Шубу стыдно, но простительно такому олигофрену, как он. О том, что мы пили, я смолчал, а взял его стакан, тонкий, как ноготь, и сказал речь.

- Я - есть я. А сижу потому, что... Впрочем, это мое личное дело, почему я здесь сижу. А вас, поэт Церковников, случайно не вешали? Нет? Так за что же пьете? За то, что один написал за бутылку похвальной статью о другом и напечатал? Порядочных из себя корчите. Собрались, мафия...

- Правильно, Слава, - отозвался за сосед-

ним столиком Камил Александер, - правильно, говно мы все...

- Пейте, пейте! Ужритесь до потери пульса. Вам даже в пьяном виде расплата не придет... Порядочные... Ах, протестик подписали... Ах, какие мы честные... Петя сидит в "Знамени", а Коля в "Молодой гвардии". Петя печатает Колю, потому что Коля печатает Петю. Борцы за справедливость! За чистоту идеалов!.. Я не поэт и к вам не приду... А ты, набухшая шея, которая завтра лопнет, ты знаешь, что такое лесоповал? И кровь из носа, а давай кубы? А Володька знает. А ты, "поэт" Дунаев или Воняев, не помню, как тебя... Только своих, значит, тех, с кем пьешь... Правильно... А ты, прилизанный очкарик в Мандельштамах ходишь. А Сашу травил? Какого Сашу? Который тебе морду расквасил, вот какой! Жрете... Пейте! Под глотку нажритесь и напейтесь, пусть водопады коньяков залиют ваши желудки, которые не боятся язвы, и умрете вы не в тридцать семь, как Маяковский, а в постельке - в кругу семьи и учеников Литинститута... Мальчик пришел... Маразм! Буквочки с того света, вот кто вы! Лжепоэты. Ненавижу, когда поэзией называют ваши вирши... Но вы довольны. Слава-то есть. И книжечка. А кому-то восемь лет книжку мурыжат в издательстве... А вы лжепоэзией забили страницы и еще приколачиваете к месту своему, чиновничьему и - все... Нет, я вам все скажу, здесь, без Главлита... Без Клуба нет вам жизни. Да и чем вам жить, как не Клубом? Разве у вас есть другая жизнь? Здесь у вас свои проблемы, свои события, своя политика.

- Ты посмотри! - крикнул я Шубе. - Они

смеялись над братом! Я брата своего за то ненавижу, что он вас всех не сломал, не выбил в этом гигантском тире, он чистыми руками хотел, в перчаточках с вами бороться, своей литературой. А у вас лжелитература, конечно, вы забили, притом, без перчаток... Я ненавижу его за то, что он был слаб, что не стал таким монстром, как вы, не смог стать. Да и как же иначе? Разве я могу быть братом монстра? Значит, и я – монстр?

Я выплеснул его коньяк ему в лицо, он был главарем, он всех поил, и я понял, что ему будет неприятней других, когда я это сделаю. Выплеснул коньяк из стакана, целясь в лицо, но попал в рот и галстук. Он облизнулся, проглотил, и мне дали в морду.

Потом я успел ударить мордастого стулом, а потом мне показали, что из советских писателей выйдут отличные мордовороты и милиционеры. Я упал на сапог визжавшей женщины, одной из тех, что была с ними, и я впился в него собакой, зубами, и как собаку, меня отрывали от сапога, и, когда я опомнися, Шуба везла меня в такси.

– Слушай, – задохнулся, – я ненавижу всё и всех за то, что могут быть такие писатели, такая сволочь с книжкой высоких слов и кулаком штурмовика. Мне плевать, что меня били, они – каста, я не их бражки. Они так же бы били Володьку, хотя он и свой у них, и этот Воняев проталкивал володькины стихи. Я ненавижу их за то, что они пишут о прекрасном, а сами готовы растоптать это прекрасное...

– Это ты-то и прекрасное?

– ...растоптать красоту, когда та повернулась к ним задом и оказалась не моло-

денькой студенточкой, а прожженной шлюхой с Казанского вокзала. Они не люди, не звери, они не писатели. Ты видела зубы мордастого – это клыки, бивни, а женский сапог – копыто. В них нет литературы, у них нет литературы, они живут мелкими интересами Клуба, клубными выпивками, интригами, жизнью. Володька рассказывал, что все дела, все подборки и романы решаются не в редакциях, а в ресторане Клуба. Когда ему надо было пробить подборку, он просто в ресторане посидел с нужным человеком... Клуб – клубок. Клубок мерзости, блевотины и бездарности. Порядочные и талантливые писатели не бывают здесь. Я не литератор, мне плевать, но как Володька мог ходить сюда, в этот гадюшник? Неужели он думал, что эти люди живут? Они не живут – существуют. Им трудно сосуществовать друг с другом, но они не могут без этого жить. Но это не жизнь. Это – монстры.

Ненависть третья

Брат

I

В воздухе висело напряжение.

В табачных киосках исчезла махорка, ходили слухи, что ее экспортируют в Африку. Бастовала Франция.

Володя Паранов, выпущенный по амнистии, приехал в Москву.

II

Марина лежала на плече, положив на мой худой живот свою гладкую и длинную, похожую на бутылку ногу. А я прижался губами к ее лбу, зарылся носом в волосы и вдруг меня передёрнуло, будто во сне упал в ров.

Это звонок.

Марина спит очень чутко, как и я.

Она осторожно – думает, что сплю – встает, накидывает халат, а я натягиваю свои электрические, разбрасывающие во все стороны искры, плавки. Сажусь и одновременно включаю лампу.

Я слышу: она отшвыривает собачку замка и в следующий момент – шум и крики.

Я понимаю, встаю, и в меня упирается черный, как темнота в подъезде, чемодан. Мой брат тискает меня, стараясь переставить ребра местами, слюнявит щеки и только после этого усаживается, чтобы получше рассмотреть меня и мою жену.

III

Первое, что мы сделали, когда проснулись, – пошли пить пиво.

Мы идем по тротуарам нашего поганого 38-го квартала, мы ищем открытый ларек, но не находим. Мы ведем высокоинтеллектуальный разговор о порядочности – выпендриваемся, одним словом.

– Жарко, – подмигивает мне мой брат, хотя на самом деле ему не жарко, а просто хочется пива.

- Жарко, - говорю я, и мы ползем дальше по улице.

Действительно жарко.

Мы хотим выпить.

Мы пьем квас, цистерна которого стоит под окнами моей квартиры ежеминутным напоминанием об окрошке.

Мы такими пижонами идем по улице, словно не пиво пить, а впервые в ресторан. И чего мы такие гордые? От того, что вместе. Еще бы - три года!

Мы останавливаемся у палаток, зеленых, как и продающаяся в них зелень. Нам ничего не надо покупать, но присматриваемся к пальцам редиски, к веникам зеленого лука, который похож на полиэтиленовые трубочки для коктейля, только толще. Ждут, словно сейчас их наденут на шпильки игрушечных церквей, купола репчатого лука.

- Грузинский бизнес, - ухмыляется брат.

На горизонте возникает желтое и блестящее, словно гигантская кружка пива, здание пивного ларька.

- Гимн похмелью, - указываю я на очередь.

Нас отвлек звук разбиваемой кружки. Женщина с усталым, как после ночной смены, лицом, в плаще, который опоздал на моду не меньше, чем на десять лет, тянула мужа.

- Пойдем домой, Коля.

Мужик ухмыльнулся и с удовольствием разбил кружку о камень. Солнце мгновенно завладело осколками и качалось в лодочках стекла. Некоторые лодочки тонули под тяжестью желтой от песка воды, другие готовились плыть дальше под парусами бадузановой пены.

- Коля, хватит, пойдем.

Мужик развернулся и с видимым удовольствием врезал ей в лицо. Женщина молча утерлась и потащила его в сторону.

- Мы говорим о том, - продолжил брат, - что главное сохранить достоинство и порядочность.

- Достоинство - это дистанция, на которой ты держишь негодяев и прочую сволочь. А порядочность - подавать руку и помогать тем, кому сейчас очень плохо.

- И только? - захихикал он и вместе с ним захихикало пиво в его кружке. Моя кружка сохраняла спокойствие: без ряби, пены и грядок соли по ободку. Грязные очки прыгают над бородой брата, он закуривает "Приму". Пачка красная, как буквы на афишах, это ростовская или ейская "Прима" - в Москве не такие пачки, не такого цвета. Он мнет сигарету совсем не писательскими пальцами. Я начинаю злиться. Злюсь неизвестно от чего, и мне вдруг хочется обличать своего родного брата.

- Чего ты ухмыляешься? Старый разговор, да? Чего вы добились? Орала у памятника... Ты был поэтом, я и сейчас любому глотку перегрызу, кто скажет, что ты плохой поэт, ты писал, тебя издавали...

- Раз в год, - огрызается он, и я теряюсь. О чем это мы говорим?

- Мы с тобой враги, - выдвигаю я последний аргумент трехлетней давности.

- Брось, - ухмыляется он, - мы братья.

- По крови.

- По духу.

- Нет, - пытаюсь протестовать я.

- По духу, - утверждает он. Володька обнимает меня и мы начинаем напевать старые

крамольные песни, и мне становится жутко, как в детстве на лыжах: кто вернулся – я или он? Куда вернулся? В прошлое? В юность?

IV

Володька шел по своей юности.

Подошел к памятнику. По прежней привычке поздоровался с поэтом.

Но люди проходили мимо.

Он подождал, пока в "Москве" кончится сеанс, и, когда из душного зала толпа выкатилась на весеннюю улицу к метро, стал громко читать стихи.

Никто не остановился.

Подбежал мальчишка. Задержался, рассмеялся, побежал дальше.

Шли люди.

Они спешили домой. Они устали от нудного трудового дня, им хотелось отдохнуть на диване с газетой, женой, детьми и телящиком.

Они обходили памятник стороной. Стихи не нужны.

Стихи остались в прошлом, где не было детей, жены, телевизора, изматывающей и не изматывающей работы, ругани с тещей, неременной отдачи долгов и мучительного, как зубная боль, треска утреннего будильника.

Люди выросли.

Милиционер подошел, сделал замечание и даже не забрал.

Пораженный Володька уселся на камень. Поэт усмехнулся звериной челюстью.

... Он пошел дальше и остановился. Что-то новое: молоденькие мальчики с уважением – ведь в ссылке был! – смотрели на него, но стихов не воспринимали.

Они гордо пели свое, расплываясь в иррациональном, в королях и бригантинах, джунглях и потоках сознания, в литературщине и реминисценциях. И так же, как он, пришедший в этот салон в 63-м году, как и он, готовый тогда ниспровергнуть всех бывших до него, они скептически улыбались, глядя на поэтов старше всего на каких-то пять-семь лет.

”Мне уже двадцать четыре!” – впервые с ужасом схватил Володька убегающее время.

– Но это не поэзия – слякоть! – вырвалось и погасло. – Мы это делали в семнадцать лет! Вы же знаете поэзию – Губарев, Калейников...

Мальчики снисходительно усмехнулись.

– Ну, это прошлое. Когда мы не знали Цветаеву, Пастернака, Мандельштама, они действительно были.

– А кого же вы любите?

На удивленье они любили Тютчева, Анненского, Фета и Владимира Соколова.

Я вспомнил, как Усякин приходил на ”Маяк”, расстегивал болонью и заводил публику:

”Не высидел дома –

Тютчев,

Анненский,

Фет...”

Я слышал, как мальчики одевались!

- Жалко их всех - Паранова, Губарева, Калейникова.

- Да что ты, Мишк, возишься с этими живыми памятниками, не пойму, прошлое это.

- Брось, у них были хорошие стихи.

- Чепуха. Или риторика, или губаревский маразм.

- Там поэтов, вообще, не было, ну разве Губарев...

- А Паранов?

- Брось, старик. Разве он поэт? Так, деятель. А надо либо литературой заниматься, либо деятельностью.

- Нет, здорово они погудели! "Туман" создали - вот это литературное общество! За границей их печатали, демонстрацию у ЦДЛ устроили, тогда за демонстрации еще не сажали...

- Идиотизм. Стихи надо писать, а не демонстрации устраивать.

- А если для самоутверждения?

- Для самоутверждения побейся головой о стену.

Они засмеялись, примирились и вышли. Володька все слышал.

- Врете! - захотелось заорать вслед. - Я поэт! Я еще не живой покойник, я еще много смогу! Я же не напрасно в Сибири сидел.

- Напрасно, - нашептывал голос. - Не ври, не за стихи ты был в ссылке, а за деятельность.

- Нет, нет, эти мальчишки не знают жизни, они не знают, о чем писать, они не умеют писать.

- Умеют и хорошо.

- Они пришли на все готовенькое. Для нас большие поэты только-только родились, мы

воспитывались на вторичном – на Евтушенко и Вознесенском. А мальчики – на основах. Им легче.

– Так это твоя беда.

– Моя трагедия. Беда всего моего поколения поэтов.

– А предыдущего? У них не было Евтушенко и Вознесенского.

Это был мой голос. Может, мы разговаривали вслух.

– Прошло твое время. Время, когда ты взвинчивал аудиторию так, что она была готова за тобой в огонь и воду.

– Нет, врешь, не прошло.

– Прошло. Прошло время стихов. Прошло время площади Маяковского. Время памятника давно прошло, а ты пытался оживить памятник – создавал "Туман", шел с демонстрацией к ЦДЛ, читал на "Маяке".

– Врешь.

– Это ты себе врешь. А зачем врать себе?

– А выход? Кончить писать? Сбежать в прозаики? Эмигрировать в кино?

– Выход – жить. Нормальной полной жизнью. Любить женщин и собак, ездить на охоту, бегать по лужам Ленинского проспекта, работать – писать, писать стихи и... иди ты к черту. Пошли выпьем.

Ненависть четвертая

"Он шел по своей юности..."

I

Паранов старший смеялся про себя и вслух, слушая эти рассказы. Его так изменила борода, что некоторые бывшие знакомые рассказывали ему про него самого. Рассказы были забавны, криминальны, литературны до тоски.

- Однажды Паранов во главе литературной группы "Туман", собрав для массовости человек 100 приятелей, отправился к Клубу писателей с петицией. Солнечный день плескался в стеклах и лужах. 14 апреля, а Паранов оказался в новом костюме, хотя другие еще не сняли плащи. Выделялся легкостью и очками. Они несли петицию, чтобы их признали, дали журнал и помещение для собраний. Лозунги несли соответствующие: "Будем ходить босыми и горячими", "Лишим соцреализм девственности!", "По зубам литературным мародерам!" и т. п. И массу карикатур на литературных генералов.

У Клуба писателей толпу разогнали, а старшему Паранову вlepили пять суток исправработ. Времена тогда казались либеральными. Представив, как Паранов идет впереди своей шарашки, которая клином разрезает прохожих на правой стороне Садовой и орет речугу на ступеньках Клуба, многие завидовали и удивлялись смелости.

- В молодежной газете известный фельетонист прошелся по этому шествию и довольно

зло, сравнив Паранова с Глазуновым. Лит-группа "Туман", наняв на последние деньги десяток такси, поехала выяснять отношения с фельетонистом. К счастью, того не оказалось дома. В отместку весь подъезд разрисовали рисунками фривольного содержания. Фельетонист выступал в них главным героем.

- В другой раз, уже на Севере, Паранов встретил в тайге медведя, одурманил его дымом сигареты, затем самолично зарезал перочинным ножом, а шкуру снял и постелил в той клетушке, где жил (нож, подчеркивали, перочинный, вот такой, с два пальца).

- У него было три жены. Все красавицы. Одна - актриса, другая - поэтесса, третья - известная в Москве гетера. Поэтесса бросила всё (отец у нее - крупный генерал) и поехала за ним на Север.

Паранов смеялся вслух и про себя, слушая о себе байки.

- Было, было, хотя я и не люблю это слово. Алла, действительно, год прожила со мной в деревне. Потом мы разошлись - я сложный человек...

Москва встретила Володьку тепло, правда, не как героя - другие имена, увы, взошли за время его отсутствия, другие события волновали читателей, иные шквалы сотрясали литературный быт.

Х., пользуясь своим положением в "Издательстве писателей", дал ему много подстрочников кавказских поэтов. Две песни исполнили по радио. Известный драматург взял к себе секретарем.

То есть жил он почти безбедно.

Потихоньку нащупывал старых друзей и знакомцев, предварительно наведя через меня справки об их сегодняшнем социальном положении. Положение большинства оказалось прочным. Двое даже сидели в начальственных креслах, один – служил в солидной газете, а еще один – выпустил детскую повесть и настолько хорошую, что по ней снимали фильм.

Но что-то мешало встретиться.

Он листал журналы и не находил любимых имен. А когда натыкался на них, то любимые авторы говорили совсем не то, что он ожидал. Фильмы воспринимались только как развлечение. Театр давил скукой и полужнакомыми конфликтами.

– Может, я чего-то упустил? – тревожно интересовался у меня. – Может, я чего-то недопонимаю? Не так вокруг. Воздух иной. Гуще? Тяжелее.

– Ты просто взрослеешь, – говорил я.

– Старею? – удивлялся Володя. – Хотя – да, волосья пеплом посыпаны, душа поизносилась...

– Отдохни. Съезди на юг, в Прибалтику, на Оку – приди в себя, – советовали родители.

– Я в себе.

Он нуждался в ином. В общении. Впрочем, возможно, в тот момент этого он не понимал. Я советовал встретиться с ребятами. Кое-кого Паранов-старший видел, с другими перезванивался.

Но встречи побаивался. Точнее – опасался.

Чувствуя перемену литературного и нравственного климата, не находя причину перемены, суетился, нервничал, ошибался. Опасался войти в новую атмосферу, окунуться в нее, акклиматизироваться.

Могло не получиться.

Он стеснялся своей отсталости.

Он отстал от поезда, он остался там, за тремя годами и смотрел на всё и всех из-за этой трехгодичной стены.

Но вот все-таки решился.

II

Он шел по своей юности.

Юность была затоптана и захватана другими, давно чужими, выросшими. Чужие голоса отвечали в некогда знакомые телефоны: у юности были дети и квартиры, и нельзя, как раньше, вместе пошухариться, устроить кросс на одной ножке по Спартаковской или на четвереньках бежать по парапету Электрозаводского моста, да и просто босиком по лужам Ленинского проспекта...

Даже город изменился. Он стал суше, меньше эмоций проявлялось на его постаревшем за три года лице. Он почувствовал, что и ему, и городу катастрофически не хватает движения. Движения мысли, людей, времени. Он долго думал чего? И поняв, ужаснулся. Казалось, всё замерло фотографией, что движение, если даже не остановилось, то страшно замедлилось. Как в метро: случайно останавливается эскалатор и люди пошли пешком; они не верят, поломка серьезная, но вот одни сошли, идут к поездам, другие – по коричневым ступеням, вот эскалатор заработал – а ты уже не веришь в его непогрешимость.

Он мерил всё и всех старыми мерками шестьдесят пятого года, и никак не мог понять,

поверить, что для новых людей нужны новые мерки. Он не понимал новизны — люди для него остались старыми друзьями, которые любили его и которых он любил. Свои ребята.

Которые свои? Даже если удавалось в этом разобраться, то все равно он мерил старыми мерками порядочности шестьдесят пятого года. Он считал, что старых друзей нельзя мерить новыми мерками, да и не понимал появившегося отношения.

Но старые уже не были старыми, они даже не были "своими", если понимать так, как понимали несколько лет назад. Впрочем, он сам в этом вскоре убедился.

Мы пошли к его друзьям.

К тем, которые писали ему в ссылку, оставаясь друзьями, и к тем, которые не писали, — но он любил и уважал их за свою безалаберную и счастливую юность, атрибутами которой они являлись и без которых он пока не мыслил своего дальнейшего существования.

Мы приезжали к ним, и наигранная радость от встречи постепенно уступала место старой дружбе, старым интересам, они оттаивали, кляли себя за лень, и брат уходил успокоенный, обманутый минутным проявлением прежнего. Он не мог поверить, что изменились не только люди, но и время, а все сомнения относил за счет недавнего прибытия и незнакомства с обстановкой...

Мы углублялись в прошлое, в то прошлое, где он, как девчонку, всюду таскал меня с собой. Он таскал меня как прибор, проверяющий настроение аудитории, реакцию слушателей, восторг друзей и салонов. Он проверял на мне строки, он проверял их, как подсвечивают на

красный свет фотоснимки. Вот отпечаток еще серый, в темноте неясный, доходящий на красном свете, капли проявителя падают в кювету, строка разбивается, не хватает сонорных, вот четче – строка строже и "желтая кофта когда-то линяет", контрастно – в воду, и сразу – в закрепитель – отточенное стихотворение поблескивает серебром. Я тогда чутко, как собака на свежем следу, слышал шепот рифм, бег образов, пляски метафор.

Он потащил меня в прошлое, и мне забавно и больно было наблюдать за его встречей с этим ненужным, на мой взгляд, прошлым.

Для меня прошлое прошло. Не надо к нему возвращаться, кроме боли и нервной встряски оно ничего не дает.

– Таня Локтева пригласила.

– Та, что в "Юности"? – раньше я следил за периодикой.

– Была в юности она в "Юности", – каламбурит брат.

III

Как в иную страну – к Локтевой.

Красивая она баба, почище Маринки моей, правда, нервная вся и шизоидная. А я ненавижу играющих в шизофреников, красивые женщины не исключение. Слава Богу, братец мой наигрался в свое время.

Но тут всё было шизоидным. Настолько все заигрались, что сама атмосфера пахла сумасшедшим домом.

– Привет! – засмеялась, потрянув ахмадулинской челкой, Таня. – Я тебе, Славик, звони-

ла, но Мариша сказала, что Володя у родителей.

В комнате всё было черным: то ли от стен, то ли так показалось – давно я не посещал литературных салонов. Все пили водку. Принесенные нами две бутылки "Московской" приняли с радостью и даже с уважением.

– И тут, – склонился ко мне брат, – и тут пьют, и тут нельзя без водки. Без водки теперь никаких разговоров, никаких стихов... Раньше сначала шли стихи.

– И раньше пили.

– Нет-нет, три года назад *так* не пили. От безысходности пьют, что ли?

– А что же делать, если не пить, – услышал наш разговор и подсел на продавленную тахту Губарев.

Губарев – гений, он сам гениальный и похвалы его гениальные, он щедр на них. Поэт он странный, ассоциативный насквозь, его трудно подчас понять, но, слушая его, невозможно оторваться. Кивнул Володя Латушев, старый приятель брата, он уже заходил ко мне и спрашивал про Володьку. Он поманил меня и дал апельсин. Апельсин был невероятно огромный, какой-то красноватый, похожий на планету Венеру в планетарии и очень вкусный.

Кое-кого я знал: Губарева, Латушова, Калейникова, поэтов, которые три года назад вместе с Володькой создали литературное общество "Туман" и читали стихи у памятника Маяковскому. Но было много и новых ребят, молодых, смотрящих на Таню восторженными и влюбленными глазами.

Татьяна стала читать. Обычные, отрешенные от мира стихи шестьдесят пятого года, в той

манере, в которой тогда писали все: и брат, и Калейников, и Губарев. Вдосталь литературщины и реминисценций от Цветаевой до Ахматовой. Сначала мне показалось, что Володьке приятно почувствовать прошлое, но опомнился. Поэзия — не время! Она должна развиваться, обгонять время! То, что три-четыре года назад считалось новаторством, сегодня выглядело архаичным. По крайней мере мне. Поражение Володьки неминуемо — он давно не писал "ни о чем".

Между тем Таня читала, и образы забродили по комнате. Я даже стал мыслить ее метафорами.

Она отошла от окна, как бы забыв на подоконнике Луну. Она читала, ворожила голосом, ничему не удивляясь, никого не кляня, а просто недоумевая. Будто мы и она вместе с нами пришли не в её, в чей-то! дом, в великий гам своих шагов и ощущений. Она вся была недо-молвка. Всё и всех она принимала неизбежно, как деревья, снег, как тело мужа. А когда смеялась, то ее смех был оправлен в уста. Разве у нее мог быть рот? Только уста. И не глаза, а очи, и не слова — заклинания. Здесь даже вечность мира проходила стороной, и пальцы скликались к вискам.

Зажгли свечи, толстые, в красивых польских подсвечниках. Действительно, какой салон без свечей и кофе, который бесшумно внес очередной Танин муж. Но я уже не мог так просто вырваться из плена образов ее стихов и смотрел на всё и на всех через стекло нереальности, которую Таня умело нагнетала. Кто-то сунул стопарь водки, я залпом выпил, продолжая смотреть на рассказывающую по этой

странной комнате хозяйку, запил пивом и опять впал в иной мир.

Ночь отражалась в зеркале серебряным иероглифом. Стена становилась фиолетовой, и на ее фиолетовом фоне горел вечерний факел окна. Но Таня тут же поправила строй моих мыслей.

- Нет, - сказала она, - это не окно, это на древнем фоне сатаны только что рожденный ангел. И даже не стена, а моя вечная печаль, белая на черном.

Она оставалась центром, и когда она кончила, все, обсуждая стихи, крича и убеждая друг друга, не отрывали взглядов от нее. Она картинно уселась в окне, рассматривая в пепельном свете ночи неясный очерк города. Город молчал: подсвечники террас, леса, гамаюны, не помню, чем она еще его заселила. Лишь луна трогала свечи окон.

Володька читал стихи. И хотя я был рядом, и был красный свет, и негатив прекрасный, - отпечатка не получилось. Комната, комната не была темной!

- Хорошо, - прошелестела Таня. И все восторгнулись.

- Старик, гениально! - полез целоваться проснувшийся Губарев. - Давай еще по одной.

Я вышел на кухню, где в это время соседей не было, и, не зажигая света, открыл немытое весной окно. Дышал.

- Твоя судьба, - говорила Локтева в комнате, обращаясь к брату, - брошена перчаткой в лицо мгновенью.

Брат усмехнулся и, достав сигаретку, прикурил от Таниной.

- Да-да, - сказала Локтева. - Этот мир дает нам друг друга только для эксперимента.

И мир распинает сам себя. Ты вот за прошлые идеи держишься, за прошлых людей... А я, голубчик, ушла из того прежнего мира. А как мне вернуться в тот мир, где не высыхают дождевые капли фонарей, где небо разноцветно, словно сентябрьский лес вечером, а следы на траве, белой от росы, зелены, словно звезды...

Она встала, скрестила руки, прижалась к стене.

- Отсюда, где море мутит разум, как бесконечность, которую нельзя постигнуть... Давай, Паранов, про семнадцатый век, про Испанию. Ты шарманщик, ты идешь старыми улочками. Рядом разряженные мирские отребья. Твои башмаки поношены. Я на тебе отрепья залатаю. Над городом закаты. И пока ты тихонько поешь, мы с тобой всеильны, богаты, умны. О, как величав ты среди судорог быта! Твой ошпаренный ящик хохочет и стонет... Ты пьян, мой шарманщик...

Я не видел реакции слушателей, но представляю, как раскрытыми мордами ловили каждое слово! У, сволочи, прихлебатели... А Володька отличные стихи читал...

- Славик! - Локтева прижалась к моему плечу, как в троллейбусе. - Я не хотела при нем говорить, но он исписался. Он уже не поэт. А как начинал! Я помню памятник... Мы читаем... Народ... Он такой красивый... Ах, как давно это было.

- Старик, ты гениальный поэт! - закричала она, возвращаясь в комнату и целуя брата в щеку.

- Давай еще по одной трахнем, - сказал Губарев, надвигаясь с рюмкой. - Накурено, да и водки на всех не хватит.

Мы выпили, мне чуть плохо не стало - норма.

- Старик, я тебе по старой дружбе. Я очень люблю Вовку. Но это не то. Вот раньше у него было... А сейчас бескрылый бытовизм. Пишет под Алшутова и Кирсанова. Ну и что? Ты не думай, Славик, мы с Вовкой "Туман" делали. Но это не поэзия... Он каким-то советским писателем стал...

Перебрал я, больше не буду.

- Старик, мы с тобой еще погудим, - начал Губарев вдохновенно сочинять в комнате, - ты привез отличные стихи. Мне вчера звонили из Парижа...

Куда ему могли звонить, если у него нет телефона, подумал я, направляясь в уборную. В уборной я поднял сиденье и засунул два пальца в рот. Я задыхался...

IV

А потом, может, в другом месте, может, в другом дне - не помню даже, - он сцепился со своими старыми друзьями.

- Наше время прошло, - кричал он, - если не писать по-новому, нас выбросит на помойку! Пришли новые люди. Они не знают Губарева, Калейникова и Паранова. Они не знают о "Тумане". "Туман" для них - туман, атмосферное состояние... Им наплевать на бессмертные строфы и лозунг тех лет "Долой падежи". Им нужны конкретные, осязаемые вещи. Как песни Галича.

- Ты, Володь, не изменился, - усмехался Калейников, опухший, усталый, а Губарев не

слушал и листал репродукции. – Куда ты спешишь? Ты напишешь двадцать хороших стихов и умрешь. Разве еще что-нибудь надо?

Брат не любил пижонства между своими, позы, амбициозности, поэтому резанул.

– Так можешь говорить ты, для которого поэзия – хобби. Да-да, ты пишешь, я верю... Но легко писать в кооперативной квартире жены! Я – профессиональный литератор, каждодневная работа за машинкой – мой кусок хлеба! У меня нет ренты Ясной Поляны и Болдина!

– А я портной! – подал голос незнакомый мне, недавно явившийся в Москву Апельсинов.

Он задрал ноги на стену, волосатые и худые они вылезли из брюк, казалось, вылезают из носков, таких же зеленых, как и обои. Баба Апельсинова пузырилась на тахте. Он глянул на нее, потом на Калейникова и повторил:

– А я – портной. Никому не надо брюки шить? Я недорого беру...

– Ненавижу, как братец мой говорит! Ох, уж эти мальчишки, которые приезжают штурмовать столицу, литературные штурмовики, всякие апельсиновы из Харькова...

– Зачем же так, он – прекрасный поэт, – влез молчавший до этого неизвестный мне Клён – научный деятель и, как он себя именовал, поэтoved.

Мой брат продолжал накачивать себя и аудиторию.

– Апельсинов, ты не нов. Читай обэриутов. То, что делаешь ты, – было у них. Но лучше.

– Заговариваешься, – Апельсинов стащил ноги со стены и носки спрятались.

– Апельсинов! – взорвался Володька. – Кто

ты такой, чтобы нас, московских поэтов, оскорблять? Нуль, приехавший из провинции! Такие провинциалы и забили все страницы, все издания, всё у них в меру резко, в меру революционно... Но как бы ты ни пыжился, провинциализмом прет от творчества твоего и тебе подобных. Шил брюки - и шей...

Договорить ему не дали.

- Повтор, повтор! - хотелось закричать мне. - Было, совсем недавно было, со мной, в Клубе писателей...

Калейников помрачнел, и я понял почему: он вспомнил свой Кривой Рог, замечание брата разбередило комплекс.

Губарев откинулся на диване и захохотал, и захлопал в ладоши, когда Апельсинов и Калейников бросились на брата.

Ненависть пятая

Тапер в казино

I

- Вы знаете, Слава, - сказал Лейкапастырев, - я понял, что вы мой союзник?

- Но-но! Союзник, тоже скажете...

- Именно союзник, я вас узнал. Не по глазам. И не по дрожанию пальцев, пальцы могут дрожать и у алкоголиков. По скуке. Вы - ходячая скука. Вы опоздали родиться. Да-да, не перебивайте, как бы вы ни отнекивались, но опоздали. Но, с другой стороны, вы родились вовремя. Только в нашу эпоху могут жить та-

кие люди, как вы. Что бы вы делали при капитализме? Издавали журнал? Печатали бы стихи своего брата? Нет, Слава. Я вижу вас тапером в казино, вы небрежны, вам скучно, вы играете на фоне, пальцы болят, и вы от этого не любите зимних перчаток – они толстые, и больно кончикам пальцев. Игроки спускаются вниз, они хотят выпить, передохнуть перед очередной игрой, а вы бьете по клавишам, и девочка-певичка, которая развлекает гостей, влюбленными глазами ловит звуки. Да-да! Я не оговорился. Она видит эти звуки – они выскакивают из-под ваших пальцев, лезут в уши пьющим и жрущим, а вы скучаете. И девочка уходит – любовник бьет, если поздно приходит. О, Слава, подумайте: вы готовились в скрипачи, но скрипач из вас не вышел. Вы хотели стать пианистом, но это же адский труд, – и вот вы развлекаете гостей. А кто-то стреляется...

– Слушайте, Лейкапастырев, сколько вам лет? Откуда вы придумываете – откуда знаете это?

– Я, Слава, пять лет за границей прожил. Всю Европу изездил.

– А теперь? Носите по третьеразрядным журнальчикам бездарные переводы детективов?

Лейкапастырев хитро и мудро прихлебывал пиво. Пивной зал наполовину пуст. За окном мальчик целовался с девочкой, такой же школьницей, как и сам. Мальчик поднял воротник, он прилип к девочке, и дождик оставлял на его спине четкие черточки. Денег у мальчика не было, и он ждал приятеля, который сбежит с урока и напоит пивом юного влюбленного.

Эта сцена навела на меня умиление, я улыбался. А Лейкапастырев продолжал.

- Бездарные переводы, говорите? Бездарный читатель заслуживает не менее бездарного чтива. Я же не несу этот детектив в "Новый свет" или в "Молодость".

- А если гениальный детектив? Агата Кристи? Сименон?

- Детектив не может быть гениальным. Они все бездарны. Развлекательное чтение для отдыха после трудной работы. Но дело не в этом. Если появится гениальный роман или рассказ, я его не буду переводить. Почему?

- Понимаю, - бездарный читатель не поймет гениального?

- Вы - умница, Слава.

- Крепко ненавидите людей.

- Я ненавижу быдло: мещан, ханжей, обывателей, трусов и перестраховщиков. Кто читает ваш журнальчик? Доктора наук? Дудки! Молодежь? А какая она молодежь? Трусливая, подленькая...

- А я?

- А вы - не молодежь, Слава. Вы - тапер из казино. А сегодня - чиновник в журнале. Чего глаза выкатываете? Чиновник. Разве вам не льстит отдельный кабинет, личный телефон и фамилия на двери? Киваете, льстит. Довольны? Нет, конечно. А почему?

- Ненавижу я их.

- Ага, ищите порядочных людей, чистеньких? А где они, знаете?

- Нет.

- А я знаю. Но об этом позднее. Креветки будете? Еще креветки.

Мальчик за окном дождался приятеля, и они

втроем вошли в зал. Мальчик был высокий, худой и в очках. Он влюбленно держал девочку за руку, боясь, что приятель уведет.

- У девочки мама работает в ЗАГСе. Когда девочка вспоминает об этом, то замирает. Она представляет, как под фанфары она с мальчиком входит, как начнется новая и прекрасная жизнь...

- Ну и?

- После бара они пойдут гулять по Москве. Вечер будет струиться по лицам, стекать в лужи, первые весенние лужи, у девочки окажутся ключи от ЗАГСа - мама просила домой занести. Она откроет ЗАГС, они будут играть в запись актов гражданского состояния, а потом сядут на диван, и не будет фанфар - мальчик повалит девочку, и девочка станет женщиной.

- Пошло.

- А что не пошло, Слава? Вы мне не верите? Давайте подойдем к ним и спросим, а?

Я отрицательно повертел головой - он поверил сразу. Принесли еще пива. Пена выбивалась из кружки, и снова вспоминалась ванна с бадузаном.

- Вы ищете выход, а выхода нет. Есть только вход.

- Бред. Вымести всю грязь, не пожалеть парадных костюмов, огромный субботник - и все прекрасно.

- Хи-ха, как говорит знакомый адвокат, когда выигрывает дело. Вы ненавидите подлость, лицемерие, глупость. Вы хотите вымести грязь. А я говорю: нет, пусть уши и души зарастут грязью, пусть подлецы станут на место умных, пусть неудачи сделают столько

дырок в душе, что сама душа человеческая станет решетом – и тогда: ни хорошее, ни плохое не осядет в ней.

– Зачем? Зачем?!

– Свободный от хорошего и плохого человек станет настоящим.

– Это такая чепуха, что у меня мозга за мозгу заходит, мысли переплелись, как ноги у пьяного.

– Это – программа-максимум.

– А минимум?

Он не ответил. Он вышел в галльюн.

II

Когда он вернулся, рядом со мной сидел брат. Он сидел длинный и бородатый, уставившись очками в зал. Дождик за окном кончился, и у касс предварительной продажи появилась очередь.

Лейкапастырев разглядывал надпись на стене бара. Довольно забавно: "Был здесь. – И. Христос". И пониже: "Проследил. – И. Искарриот".

Прочтя, брат ухмыльнулся, даже не усмехнулся, а вроде подправил красным карандашом черточку губ.

Мимо нашего стола прошли вглубь две девушки. Одна – толстая и губастая, другая – крашенная блондинка, тонкая, высокая, длинноногая. Обернувшись, она что-то сказала подруге, и я узнал Шубу.

– Я сегодня очень-очень сексуально озабочен, – сказал брат, глядя на Шубу.

- Это... - начал я, но вмешался Лейкапастырев.

- Сублимируете, Слава.

- Надоело, - брат смотрел вслед Шубе.

Она села за свой столик и, взяв кружку двумя руками, медленно тянула пиво. Подружка шепталась с парнем боксерского вида, сидящим рядом.

- Какая женщина, Славка! - сказал брат, он тоже смотрел на Шубу. - Она мне нравится.

- Вон там лучше, - показал Лейкапастырев в другой конец зала.

Мы оглянулись, но остались недовольны.

- Вас прописали, Володя? - спросил Лейкапастырев.

- У родителей в родных Пенатах.

- Мама думала, ты примешься за старое...

- А милиция, армия и всё прочее?

Володька выложил на стол паспорт и военный билет. Лейкапастырев с удивленным уважением принялся изучать документы. Он рассматривал фиолетовые печати прописок и штампов о выселении, отметки милиции, размашистые начальственные подписи.

- Досталось вам, Володя.

- Досталось. А как поживает капитализм?

- Хиреет и процветает.

- Прекрасно! Нам еще шесть пива!

Шуба встала и прошла по залу, кого-то разыскивая. Проходя мимо нас, она посмотрела на брата, запнулась на секунду, но тут же прошла дальше.

- Дело не в пьянстве, а в исчезновении идеалов, - проповедовал Лейкапастырев. - Идеал большинства - кружка пива после работы, потом - чекушка, затем - квартира и теп-

лая жена под боком. О каких-либо духовных ценностях речи быть не может!

- То, что нужно им, нам не понять, - продолжал обращать брата в свою веру Лейкапастырев. - А что им нужно? Нуль.

- Я уже два месяца как вернулся и все никак не устоюсь...

- Кстати, вы, Володя, молодец. Я слышал в воскресенье вашу песню по радио. Квалифицированная халтура!

- Угу. Те, кто слушает эту передачу, достойны таких песен.

Брат говорил то же, что и Лейкапастырев, поразительно! Шуба опять прошла мимо нашего столика, мельком посмотрев на брата.

- Славка, какая женщина! Люблю блондинок. Даже искусственных. Нет, не могу, хочу эту женщину.

- Здесь их много.

Брат посолил пиво и медленными глотками вливал в себя драгоценную влагу. Шуба вдруг подошла к нашему столику.

- Простите, вы - не Володя Паранов? Здравствуй, Славик.

Брат растерянно кивнул.

- Вы меня не помните?

- Как же, конечно! Садись к нам... Будешь пиво?

Он сразу вспотел, лихорадочно подвигал пиво, кровати, соль, он не знал, куда деть руки.

- Хорошо, спасибо, - она села на свободный стул и улыбнулась.

- Кого видишь? - спросил брат, пытаясь через называемые ею имена узнать Шубу.

Та поняла это и потянулась за сигаретой.

- Володя, шестьдесят пятый год...

Он вздрогнул - лучше бы не вспоминала!

- "Маяк"... Ира с Сашей и две подружки Иры...

Брат вспомнил - две девочки, одна толстая, домогавшаяся его, другая вот эта, нет, не красавица, а гадкий утенок с дергающимся глазом...

- Глаз-то дергается?

- Вспомнил! - обрадовалась Шуба. - А я замужем, Володя. Дочка у меня, три года.

Мне стало стыдно, я обернулся к Лейкапастыреву, и мы принялись болтать о пустяках, стараясь не прислушиваться к разговору.

- Муж в армии. Нет, держусь... Бываю часто, я рядом работаю...

- Слушай, - в голосе брата появились идеи, - у тебя время есть? Поехали к одному приятелю художнику... я обещал... прекрасные картины... недалеко - десять минут на электричке?

Когда я обернулся, брата не было - он только махнул мне от дверей.

- Еще по кружечке? - поинтересовался Лейкапастырев.

Москва

ЗВЕНЬЯ

Страдальцы мои записные
С негромким набором имён,
Быть может, вы только связные
Былых и грядущих времен.

Сверкают державные даты
И тянется шлях ветровой.
И реют победно штандарты
Над бедной лихой головой.

Вдали от кичливых парадов,
Как слово иным временам,
Какая-то режется правда
Еще непонятная нам.

Омытая тысячекратно,
Морозами обожжена,
Над всеми неправдами правда –
Нелегкая правда звена.

* * *

Крепок сон всероссийских богов,
Вознесенных веками седыми,

Понастроивших чудо-твердыни
Много выше российских снегов.

Не доходят раскаты трубы,
Дым пожарищ редет и тает,
Окровавленный голубь мольбы
Как ни рвется, а не долетает.

Онемела благая рука,
Плотно сомкнуты вежды святые.
Много времени минет, пока
Неохотно пропустят века
Хриплый крик полонянки Батыя.

Только прежде, чем правда и суд,
Прах скудельный снега занесут,
И иные заплещутся крови,
И иные мольбы перекроют.

Так и будет. Во веки веков.
Крепок сон всероссийских богов.

* * *

Есть календарь привычный, ежегодный,
А есть другой – подпольный, подноготный.
Он движется в забытую страну –
В прошедшее, в былое, в старину...

Всё то, что потерял и проворонил,
Я вижу взглядом горьким, но сторонним.
Я весь в рубцах, а тот еще в крови,
Еще в слезах... Поди останови!

Вот он идет по замети морозной,
Вот женщина – покамест впереди.
О Господи, пока еще не поздно –
Перегони, помешкай, обойди!

Я знаю, чем за это ты заплатишь.
Захочешь воротить, а не вернешь.
Я знаю, как в отчаяньи заплачешь.
Благословишь и тут же проклянешь.

Что я могу? Застыть, как изваянье?
Поторопить летейскую струю?..
Меж нами нарастает расстоянье,
И я себя почти не узнаю...

СТАНСЫ

Ты жил от боли трепеща,
От отвращенья к ровным грядкам.
И вдруг – "со всеми сообща
И заодно с правопорядком?"*

Но как сыскать слова любви,
Когда убитых не отпели? –
О Господи, в такой крови!
В такой немислимой купели!

Позавчерашние псари
Галдят хитро и ненавистно?
Отпрянь, смолчи, не говори –
Одно молчанье бескорыстно.

* Б. Пастернак.

О нет, ты не забыл потрав,
Не поступился дерзким нравом.
Но если оказался прав
Тот, кто наследовал неправым?

Пусть жгутся слезы горячо,
Но ужасает край откоса...
Подставь же хилое плечо
Под немощь мощного колосса.

* * *

Дитя помоек, выползок лацуг,
Среди которых был и он не промах,
Свершает променад, что твой барчук,
В непостижимых храминах-хоромах.
И что ж! – Ему не нужно ничего,
И не с кем препираться и судиться,
И он стыда стыдится своего,
И сам не знает, отчего стыдится.
Он чувствует следы своих колод,
Он помнит ложь недавнего плаката.
Он трогает какой-то дивный плод
С причудливым названием "авокадо".
Он плоть от плоти родины самой,
Которая воздаст ему сторицей.
И рвется он бессмысленно домой,
И молится, а может, матерится...

* * *

Хотя магистраль, а не шаткий мосток,
Но я в заграницы уже не ездок:

Не то чтобы зависть и злоба
Клокочут и тычутся в клетке грудной,
А просто терзает от жизни иной
Стыдоба.

Почто сукин сын, изувер и юрод,
Играючи, взял мой народ в оборот,
И оптом глотая и розно?
Почто торжествует бесстыжая гнусь?
Пора бы встряхнуться, да только боюсь,
Что поздно.

Не хочет родить опоганенный грунт,
Грозит и пугает бессмысленный бунт
Соблазнами адского рая.

Но с дымного неба на нас неспроста
Без устали кроткие очи Христа
Взирают.

Провинция глухо вериги влачит,
И, пот утирая, угрюмо ворчит
И руки разводит столица.

А где-то восходит Господне зерно,
Да грустно, что мы разучились давно
Молиться.

Хотя магистраль, а не шаткий мосток,
Но я в заграницы уже не ездок,
Швыряю вам марки и франки.
Они пригодятся – на то и рвачи,
На то стукачи, трепачи, трубачи
Охранки.

Эй вы, прикипевшие жадно к рулю!
Я вас не люблю, я отчизну люблю,
А братьев по крови – тем паче.
И вот на ближайшие тысячу лет
Я вам возвращаю иудин билет
И плачу...

Леонид РЖЕВСКИЙ

Встречи и письма*

(О русских писателях Зарубежья
1940-1960-х гг.)

ИВАН БУНИН

Первая моя встреча с Иваном Алексеевичем Буниным была летом 1952 года – мы с женой приехали в Париж, где, в зале Шопен-Плейель, была у меня лекция о русской послеоктябрьской литературе. Иван Алексеевич пригласил нас к себе, на улицу Оффенбаха. "Уличка всего в два дома – первый и второй. В первом – мы", – писал он в пригласительной записке.

Но до этой первой встречи была у нас еще и довольно интересная переписка, о которой стоит рассказать.

В 1950 году вышли в Париже бунинские "Воспоминания". Помню, меня несколько покоробили его очень резкие иногда отзывы о литературных современниках – Александре Блоке, Маяковском – творчески высокоодаренном поэте, и других, – и я напечатал рецензию на эту книгу, изложив в ней мои недоумения. Был я

* Начало. Окончание в следующем номере.

тогда редактором журнала "Грани", который издавался (и издается еще) во Франкфурте-на-Майне, и я послал Бунину вместе со своей рецензией и новую книжку журнала, где, кстати сказать, напечатана была часть моего романа под названием "Девушка из бункера".

Бунин ответил разносным письмом от 23 февраля 51-го года; приведу его в сокращении, чтобы избежать излишних примечаний.

Дорогой Собрат, я страдаю многими болезнями людей моего возраста, был особенно болен, когда получил Ваше письмо и книгу "Граней", поэтому и не ответил на Ваше письмо, и его (вместе с книгой) сунули, среди всего прочего, в один из многих ящичков моего письменного стола, и я забыл и о том и о другом. Теперь вспомнил, нашел и отвечаю Вам: "Девушка из бункера" очень интересна, хорошо, совсем хорошо написана /.../ А вот рецензия Ваша на мои "Воспоминания" в общем очень плоха. Маяковский был "высокоодарен" только холуйской глоткой, нахрапом; Бальмонта били потому, что он и в стихах, и в жизни был одинаков: нагл и глуп, играл всю жизнь в театральную дурь, - иначе я не говорил бы о том, как его без конца били; и "быта" некоторых моих современников я не касался бы, если бы их "быт" не был связан с их литературным шарлатанством и спекуляцией; Вы пишете: "Естественно, что реалист Бунин не приемлет символиста Блока"... Называть меня "реалистом" - значит или не знать меня как художника, или ничего не понимать в моих крайне разнообразных писаниях в прозе и стихах. Что же до "родинки пунцовой" и до Есенина, то тут я лучше помолчу, чтобы не обидеть Вас...

А за всем тем кланяюсь.

Р. С. "Реалист" Бунин очень и очень приемлет многое, многое в подлинной символической мировой литературе.

Думаю, что главный упрек Ивана Алексеевича мне был вполне справедлив: безоговорочно зачислять Бунина в реалисты было достаточно неуклюже, а написанного им в эмиграции я тогда действительно не знал, не мог знать; богатство творческой его манеры, ее субъективность и независимость дошли до меня позднее. Думаю теперь, что прямым продолжателем русского классического реализма Бунин не был, разве что его крестником: он субъективизирует реалистический метод – творческий отбор и творческое выражение. "Эпическое" смещается у него в авторское переживание действительности, в тему о красоте и силе человеческого чувства. И недаром сетовал на это Горький, когда писал в начале века про Бунина: "Не понимаю, как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им, куда надо". Идти по пути дидактических обличений Бунин не пожелал.

Получив разное бунинское письмо, я было уж подумал, что личного знакомства с последним русским классиком и нобелевским лауреатом у меня не получится из-за моей рецензии; вышло, однако, иначе: вскоре после письма я получил от Бунина в подарок две его книги – "Избранные стихи" и "Темные аллеи", а переписка наша участилась... Вот письмо, которое получил я в конце марта (31-го) 1952 года:

Дорогой Леонид Денисович,

Я был долго и тяжело болен (воспаление легких) и потому не ответил Вам на Вашу открытку. И сейчас еще так слаб, что пишу в постели. Сердечный поклон Вам и Вашей жене. Надеюсь написать как следует вскоре.

Ив. Бунин.

Но вернусь к первой нашей встрече в Париже.

Помню, мы с женой сидели у Василия Алексеевича Маклакова – последнего русского имперского посла во Франции, когда один из знакомых позвонил из нашего отеля и прочел открытку с приглашением от Бунина. "Говорят, Бунин очень сейчас не в духе и мрачен даже с гостями, – сказал Маклаков, – хотите я тоже поеду с вами к нему? Помогу «разговорить» его?"

"Разговаривать" Бунина, однако, не пришлось – встретил он нас очень радушно и оживленно, был прекрасно настроен и шутил. "Ну, как дела, папаша? – кричал через стол Маклакову. – Ну да: папаша – ведь вы же старше меня!.." (Маклаков в самом деле был, кажется, года на два постарше; самому Ивану Алексеевичу было тогда 82 года.)

Вспоминаю сейчас, что в следующий наш приход, за ужином, тоже заслушались Бунина и засиделись допоздна. Он рассказывал и рассказывал неутомимо. О Толстом, о Горьком, о Чехове – которого очень любил. Подарил нам, с доброй надписью, фотографию, где он снят с Чеховым в Ялте полвека назад. Вспоминал Бунин в тот раз и о том, как приезжал к нему Константин Симонов с женой. Уговаривали вер-

нуться на родину, и, — говорил он, — "она (то есть жена Симонова), притопывая ножкой, повторяла: «Вы наш! Вы наш! Возвращайтесь домой!...»".

С юмором рассказывал Бунин и о том, как в нацистской Германии, проездом, задержало его Гестапо. "А по-немецки я знаю только: "Вас ист дас?", "Битте, цален" и "Нох айн бир!". Полицейский говорит: "Шюиве муа!" (следуйте за мной), а мне — что сказать? "Вас ист дас?" как-то банально, "Битте цален" или "Нох айн бир" — ни к чему тоже. Так и иду за ним молча"...

В письмах, которые последовали за этими встречами, Иван Алексеевич сообщал о своих творческих планах, публикациях, а чаще всего, пожалуй, — о болезнях, которые его мучили в эти последние годы.

Приведу письмо от 29 августа 52-го:

Дорогие Ржевские,

уже давно получил Ваше последнее письмо и вот только теперь отвечаю — как всегда, изнемогал от астмы и слабости и, кроме того, все свои малые силы употреблял на составление двух сборников своих рассказов для "Издательства имени Чехова" в Нью-Йорке, которое пожелало издать их в довольно спешном порядке, ввиду большого успеха "Жизни Арсеньева", изданной им. А еще понемногу возился с помощью Веры Николаевны с приведением в порядок своего архивчика для отсылки в архив Колумбийского университета в Нью-Йорке. Извините же мое молчание и напишите, какживаете, что делаете, пишете ли что-нибудь Вы, дорогой Леонид Денисович, и барышня с удивительным, огненным именем: "Агния"? И я и Вера Николаевна шлем Вам и ей дружеский поклон. Иван Бунин.

Были у Ивана Алексеевича Бунина черты нетерпимости по отношению к некоторым писателям-современникам, находящимся, как и он, в эмиграции. Например - к Ремизову. В письме от 27-го сентября 1972 г. он пишет:

Простите, дорогой, за эти клочки, пишу в постели после тяжкого гриппа, трудно добраться до письменного стола, а Вера Николаевна спит - сейчас поздняя ночь. Получил "Грани", благодарю за Вашу заметку об "Арсеньеве". Что до Ремизова, то я уже имени его не могу видеть в печати - до того перешагнул (он) все пределы издевательства над русским языком /.../

В одно из моих посещений Бунина я спросил его осторожно, почти обвиняком о причинах такого отрицания Ремизова. "На каком языке это написано?" - спросил он вместо ответа, процитировав наизусть несколько ремизовских строк. Именно любовь к русскому языку лежала в основе бунинской критики. В области языка Бунин был, по-моему, наиболее "классичен"; здесь он весь в границах классических речевых традиций, и ему чужды, даже враждебны поиски языковых причуд, хотя бы и "из старины".

Мне помнятся хорошо строки из его стихотворения "Слово":

Умейте же беречь,
Хоть в меру сил,
В дни злобы и страданья
Наш дар бессмертный - речь!

Иван Алексеевич Бунин писал только по старой орфографии; негодовал, когда издатели

и редакторы печатали его произведения неизменно по новой. Новую отвергал со всей присущей ему в полемике резкостью. Вот его письмо ко мне от 4 апреля 52-го года:

Дорогой Леонид Денисович, послал Вам вчера записочку - и забыл сказать главное (от крепкой слабости после воспаления легких): сказать благодарность за Вашу книжку "Язык и тоталитаризм", очень, очень ценную во многих и многих отношениях, а кроме того усердно просить Вас подумать о том заборном, похабном безобразии, которое есть "новое правописание" и которое непременно надо хоть как-нибудь (до поры до времени) исправить. Не нынче-завтра пошлю Вам историю его (этого правописания), написанную профессором (петербургским) Кульманом /.../, который был все время участником работ Академии наук по этому подлому делу, - неоконченных работ и все-таки узаконенных негодяем Мануйловым, когда он стал во время революции министром народного просвещения, - просветили, сукины дети!

Вот пока всё, - писать дальше от слабости не могу. Всего доброго Вам и Вашей жене.

Иван Бунин.

Через несколько дней он прислал мне работу Кульмана "О русском правописании". Была она вся испещрена его подчеркиваниями и пометками на полях, а на титульном листе было написано:

Я был избран в Академию в 1909 году в так называемое "Второе отделение", где было всегда только 12 членов... Наше отделение участия в работе по орфографии не принимало. Узаконил эту орфографию негодяй Мануйлов. /.../ "Война и мир" - так и не узнаешь на

взгляд, что это за "мир" - вселенная или мирная жизнь.

Перебирая и перечитывая бунинские ко мне письма, вижу, что большая часть их относится к 1953 году - 8-го ноября этого года Бунин скончался. Надо сказать, что последнее десятилетие жизни старого писателя было для него трудным, из-за мучивших его болезней и постоянной материальной нужды - деньги нобелевской премии, полученной в 33-ем году, то ли по свойственной Бунину непрактичности, то ли отчасти по щедрости его, - иссякли, сократились крайне гонорары за публикации. Все это отражается в тоне тогдашних его писем ко мне. Вот, например, январское письмо 53-го года:

Милые Ржевские,

Шлю Вам очень запоздалые поздравления с Новым годом, - запоздалые все по той же причине, о которой уж надоело и стыдно писать: по всяческим моим болезням, приступы которых опять были особенно сильны за последнее время. Как Вы поживаете? Чем заняты? Пишет ли что-нибудь барышня с огненным именем? (Бунин имеет в виду мою жену. - Л.Р.) Вышла ли новая книжка Вашего журнала? У меня на днях выходят в Чеховском издательстве две новых книги. Я дал Издательству Ваш адрес и просил выслать их Вам как можно скорее, еще до поступления в продажу, чтобы как можно скорее Вы и расхвалили их: ведь эти издания - единственное, что спасает от позорной нищеты нашей при совершенно похабной дороговизне жизни во Франции: вот есть, например, жидкость "Хемостиль" для подкрепления сил таких господ, как я: шесть ампул ее стоили до войны 12 франков, а теперь 490!

За всем тем сердечный поклон мой и Веры Николаевны Вам обоим. Иван Бунин.

В марте 53-го года я принял приглашение Лундского университета и мы с женой переехали в Швецию, но я продолжал редактировать журнал "Грани", издававшийся во Франкфуртена-Майне. Я попросил Бунина прислать для журнала что-нибудь свое. Он отвечал:

*Милые Ржевские,
спасибо за сердечное письмо, рады будем видеть Вас у себя.*

Рассказ мой "Сны", написанный ровно полвека тому назад и оказавшийся весьма зловецким предзнаменованием 1905 года, готов для "Граней" и будет снабжен восторженным отзывом Чехова (в его письме к Амфитеатрову...), передам Вам его при свидании в Париже. Ведь это не поздно будет? /.../

Сердечно жму Вашу руку, целую барышню, в которую я еще до сих пор влюблен. Иван Бунин.

И в ответ на просьбу поторопиться с присылкой:

*Дорогой Леонид Денисович,
Получил Ваше письмо и спешно высылаю Вам для "Граней" рассказ мой ("Сны". - Л. Р.)...*

К этому письму интересный постскриптум:

"Что слышно насчет нобелевской премии нынешнего года? В Париже уже много кандидатов на нее: босяк Георгий Иванов со своими стихиками (автор самой мерзкой в мире книжки "Распад атома"), а главное /.../ Борис Зайцев, который в прошлом году заявил

французу, который его интервьюировал, что он "учился языку у Флобера и Данте", а в своей книжке о Жуковском (Бунине) писал, что Жуковский в юности был "начинен возвышенностями", а путешествуя с наследником-цесаревичем по России, "подзакусывал, действуя по пирожкам". Таким именно языком владели и Флобер с Данте!.."

Очередное свидание наше состоялось весной 1953 года, единственное в тот мой короткий приезд в Париж – была у меня лекция в зале "Дебюсси", а главное из телефонного разговора с Верой Николаевной Буниной узнал, что здоровье Ивана Алексеевича совсем плохо. Тем не менее – вот открытка, которую мы с женой получили в отеле:

"Милые Ржевские, ждем Вас в четверг 21 мая к 8-ми часам на скромную закуску и беседу. Будет у нас Марк Александрович Алданов. Известите, придете ли. Кланяемся. Бунины".

Этот вечер 21 мая вспоминать мне теперь невесело: никого из четверых, бывших с нами за ужином (двое хозяев и двое Алдановых) нет больше в живых. Отчасти невесело и потому, что на этот раз Бунин действительно был не в духе. Думаю, было ему трудно высидеть с нами столько времени за столом; в те дни, говорят, он почти не вставал с кровати, но поднялся ради гостей. Был придиричив к Вере Николаевне, и, хотя Марк Александрович Алданов искусно выправлял острые углы и паузы в разговорах, все-таки чувствовалась некоторая напряженность. "Будущим летом, – сказал Иван Алексеевич, – исполняется 50 лет со дня

смерти Чехова. Надеюсь, Бог даст мне окончить к юбилею книжечку о нем". Разговор о Чехове его оживил - он достал один отрывок из начатой рукописи, попросил меня прочесть его вслух... Ушли мы с Алдановыми уже около полуночи.

Письмо вдогонку (пятница 22 мая):

Дорогой Леонид Денисович,

Забыл сказать Вам вчера, когда Вы были у нас: для сбыта двух новых книг моих, изданных Чеховским издательством ("Весной в Иудее" и "Митина любовь") - от какого сбыта зависит мое материальное благополучие, - была бы весьма полезна рецензия на них до "мертвого" летнего сезона: не можете ли поэтому дать ее в ближайшей, июньской книге "Граней"? И пусть эта рецензия будет краткая, - пусть будет в ней лишь указание на краткость и артистическое мастерство всего того, что составляет эти книги... Пишу ночью, в постели, пишу плохо, ибо ужасно устал, но Вы поймете меня, надеюсь... А то начнет кто-нибудь разводить канитель об этих книгах - и пропало дело!

Добрый путь, всего лучшего. Иван Бунин.

Восстанавливая в памяти встречи с Буниным, припоминаю, что как поэт он иногда словно бы ощущал себя позабытым читателями. И был, видимо, рад, когда я прочел ему наизусть одно из изумительных его стихотворений, несомненно входящее в золотой фонд русской лирики. Напомним его:

**И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...**

Срок настанет – Господь сына блудного
спросит:
"Был ли счастлив ты в жизни земной?"

И забуду я всё – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав,
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Как был бы счастлив Бунин теперь, когда так много его книг печатается в Советском Союзе! Но и бранился бы, прочитав в одной из тамошних о нем монографий, будто бы (я цитирую) "произведений, равных тем, которые были созданы на родине, Бунину за границей не удалось написать". Это, конечно, неправда. И роман "Жизнь Арсеньева", за который в 1933 году Бунин получил нобелевскую премию, и повесть "Митина любовь", и рассказ "Солнечный удар", и многое, многое другое написаны тем же крупнейшим русским писателем, которого Горький когда-то назвал "лучшим стилистом современности", написаны мастером выпуклых, почти осязаемых зарисовок, "светящегося" пейзажа.

А сам Иван Алексеевич в письме ко мне от 23 сентября 51-го года написал такие строки:

"Да, я не посрамил ту литературу, которую полтора года лет тому назад начали Карамзин и Василий Афанасьевич Бунин, по своему происхождению от Афанасия Бунина и турчанки превратившийся (по своему крестному отцу) в Василия Андреевича Жуковского".

Закончу свои воспоминания о Бунине строчками из книги "Далекие, близкие" изве-

стного зарубежного журналиста и писателя Андрея Седых, бывшего одно время секретарем Бунина: "О Бунине нужно писать всё - о необыкновенном его обаянии, о его больших человеческих слабостях и о великом писательском даре, который бережно и целомудренно он пронес через всю свою жизнь".

А. М. РЕМИЗОВ

К Алексею Михайловичу Ремизову, на улице Буало, заходил я неизменно, когда бывал в Париже. И переписывались мы довольно часто, - перебираю сейчас его письма - их около двадцати в моем архиве. К сожалению, и знакомство наше, и переписка начались очень поздно - в последнее пятилетие жизни писателя. Это был 1952 год. Тогда, оправившись после последствий плена и тяжелой болезни, я работал редактором журнала "Грани" и поехал в Париж - встретиться с жившими там русскими писателями: Буниным, Ремизовым, Тэффи, Алдановым и другими...

Ремизов в это время был уже одинок после смерти Серафимы Павловны, его жены, и это впечатление одиночества семидесятипятилетнего писателя поразило меня. Выглядел он болезненно и бессильно, слепнул уже, как говорил сам, "не по дням, а по часам", но был очень радужен, разговаривал охотно, с живостью, доброжелательно и немножко лукаво, но никого из коллег своих не бранил, хотя и называл нелюбившего его Бунина "муфтием".

Знакомство с Ремизовым в эту первую нашу встречу не только, я бы сказал, состоялось, но и "завязалось", и с удовольствием вспоминаю теперь, что за следующие, примерно, пять лет я напечатал в "Гранях" несколько его вещей: "Статуэтку", "Сказки", "Письма Горького" с комментариями и другие работы. Притом письма его и наши беседы не ограничивались только деловыми, редакционными вопросами, но возникало в них немало чисто литературных и литературоведческих тем. Трогали меня в этих письмах дружески-доверительные интонации в сообщениях о себе, сам почерк их - вязевый, остороконечный, с завитушками и старинным "парафом" - кружевным росчерком в конце. И почерк, и роспись с каждым годом становились невнятнее, буквы по две, по три сливались в одну - иное письмо так и не расшифруешь полностью. Трогательны были приглашения приезжать. Вот, в письме от августа 54-го:

"Приезжайте осенью на виноград, когда все пропадет, Париж опустеет, и только я останусь караулить"...

Или в письме от января следующего года:

"Жду вас. Парижский сезон май - музыка!"

Еще выдержка из письма от 7 августа 1954 года:

...печатается в "La Parisienne" ("Ла Паризьен") "Савва Грудцын". Пошлю Вам, когда закончат. В "Preuve" ("Прэв") напечатали из "Взвихренной Руси" с предисловием пана Чапского. Некого послать в редакцию -

все гуляют" В "La Revue" ("Ла Ревю") - из "Пляшущего демона", номер задержан до октября. Гонорар я не получил, но прислали для поощрения шампанского. Вот я и думаю: приедете в Париж, будет чем угостить. Шампанское не продажное, из виноградников издателя.

Боюсь, трудно Вам будет мое письмо: сегодня туман, пишу, не разбирая своих букв. Слово Чапского в "Revue" ("Прэв"), а главное портрет - Чапский хотел представить меня пузырем из "Вия" - тронет сердце Чеховского издательства, и редакция решит напечатать мою книгу "Иверень". Алексей Ремизов.

В нью-йоркском "Издательстве им. Чехова" и с редакциями ряда русских периодических изданий отношения у Алексея Михайловича были натянутые: "В "Новом журнале" меня больше не печатают, - жалуется он мне. - Не отказывают, но ставят в очередь - "до самой смерти". В "Новом Русском Слове" тоже..."

И в других письмах о том же:

Дорогой Леонид Денисович!

Я вам всё посылал французские о себе отклики, а вот и русское "в шею" /.../ Сейчас в Чеховском издательстве поднялось гонение на моего "Иверня" - рукопись подана для издания. Говорят: "Не для нашего читателя". Я согласен, я не продажный. И я готов заменить название книги - взблеск "Иверня" черепашьюм "Кочевник", буду доволен и самым маленьким гонораром, какой для приличия дается заштатным писателям. Для меня важна книга: я рассказываю, как и почему я стал писать, и как попал в литературу, о встречах - люди и нелюди ("Устьсысольская кикимора"). Пишу это Вам, Вы поймете. Ведь все мои доброжелатели - они не позабудут, принесут мне хлеб, молока, папиросы, но все они на стороне праведных судий и оценщиков искусства

с карманными словарями русского языка. Трудно защищаться, пробую стороной разъяснить мое право просить об издании книги, хотя бы и не для "нашего читателя".

Это мое весеннее письмо для Вашего исторического архива.

В основе редакторской "холодности" к Ремизову лежала трудность прозы его для широкого читателя. Читательских жалоб на эту трудность было предостаточно - сказовый склад, свобода и некая причудливость словоотбора была многим не по плечу. Он был влюблен в узорчатость русской старинной речи и пытался воскресить ее формы и звучания в современном литературном языке. В связи со своими вещами, которые печатал я в "Гранях", он писал мне:

Меня долбят тридцать лет: пишу не по-русски. Я думал, Вас не тронут, но и на Вас нашелся стригольник /.../. Судя по всему, Вас упрекают за меня...

И немного позже:

Посылаю Вам в "запас" "Мою литературную карьеру". С каким мордобоем вперся я в литературу...

В некоторых письмах А. М. Ремизова - отзывы на прочитанное в "Гранях", интересные сами по себе. Таков, например, его отзыв на мою "Сентиментальную повесть" в № 21 "Граней" или на рассказ "Желтая Волга" даровитого молодого автора Кашина, ушедшего потом в немецкую журналистику. Тут же - тоже очень интересные, по-моему, замечания о языке. Вот выдержки:

Одно хорошее скажу о вашей "Сентиментальной повести". Ваш способ описания "проекционный", расширяет пространство: видно больше, чем под носом, и чувствую. Большое искусство. Русским в науку, не избалованы и не переели, как французы...

/.../

Только вчера прочитали мне Кашина. Слушал, перебирая слова губами. У него глаз цепкий и на слово хват. /.../ Чего не надо: "силушки" - это бабье. Уменьшительные и ласкательные по-русски шепотом говорят.

/.../

Я люблю деепричастия, с ними можно ловчиться в фразе, а причастия "щи" да "вши" русскому языку - церковнославянский нанос. Трудно избавиться. /.../ От "глагольных" я отучил Пильняка, а сам не выберусь.

/.../

Читательские жалобы на Ремизова касались не только необычности его слога – многих сторонников реалистической традиции отпугивала бессюжетность и вполне внереалистический "произвол" его страниц. Всем на удивление были знаменитые ремизовские "сны", а в книге "Взвихренная Русь", наряду с фактологическими, были, например, и такие строки:

...пришел Пришвин, на себя не похож, расстроенный: хохол взбит, из носу волос, из ушей волос. "Я Каменный мост проглотил!" - сказал отдельно не своим голосом, кивнул и пропал.

Или:

Я запихал себе в рот целого цыпленка, давлюсь, рукой помогаю, а никак не проглочу. Вижу - Андрей Белый: его подвязывают к трапеции, и он кружится, как

мельница, совсем голый - по телу редкие волосики вроде куриных, когда курицу щиплют...

В критических откликах и разборах Ремизова частенько называли то "декадентом", то "символистом", то "сюрреалистом" - он только улыбался, когда в наших разговорах я напоминал ему все эти прозвища. Был же он, собственно говоря, "писателем для писателей" и с реакцией читателя "вообще" вряд ли особенно считался. "Я ни разу не задумывался, будут ли читать мое или, только взглянув на имя, расплюются", - говорил он о себе сам. Но его читали, конечно, и, исключительный мастер слова, он оказал своей стилистикой влияние на целую плеяду писателей современников - Замятина, Пильняка, Шишкова, Пришвина и других. Та отторженность от читательских кругов, которую я чувствовал в нем при наших встречах, была, вероятно, результатом отсутствия в эмиграции привычной для него литературной среды. Об этом писал он мне в письме от 6 октября 53-го года:

В России казалось, за границей на русскую книгу падки, а на самом деле - говорю за 30 лет - всё, что хотите, только не книга. Сначала я думал, так только мне - в эмиграцию попали непривычные к книге, но вскоре увидел, так и с другими, и что за граница пустыня - "прекрасная мать пустыня" /.../

Теперь, два с лишним десятка лет после смерти Ремизова (он умер в 1957 году), это его суждение кажется мне, хоть и вполне понятным, но вряд ли справедливым. Чеховское издательство в Нью-Йорке еще при жизни пи-

сателя выпустило роман его "В розовом блеске", имевший многочисленного читателя и хорошую критику. В последние годы переизданы две его книги: "Кукха" и "Взвихренная Русь". В американских колледжах писались о Ремизове диссертации. Нет, зарубежная, как он выразился, "мать-пустыня" откликается на его творчество живее, чем родина...

БОРИС ЗАЙЦЕВ

О Борисе Константиновиче Зайцеве я пишу и рассказываю с особой охотой: на родине имя его поминают не часто; книг его в библиотеках, я думаю, не сыскать, а ведь он - классик! В начале нашего века был среди "знаньевцев", в литературном кружке "Среда"; в 1918 году написал замечательную повесть "Голубая звезда", в 21-ом был избран председателем Всероссийского союза писателей. Но - что поделаешь! Уехал в 22-ом году для лечения на Запад и прожил до глубокой старости в Париже, а о зарубежных русских писателях в отечественной прессе, как мы знаем, молчок!

С Борисом Константиновичем была у меня довольно частая переписка. Началась после нашей встречи в Париже, в 1952 году и ожили - в конце пятидесятых в связи с "нобелевскими", как мы говорили, делами. В то время я читал лекции в Лундском университете (Швеция) и имел право и возможность через кафедру русской литературы и языка выдвинуть кандидата на Нобелевскую премию. Борис Константинович написал мне тогда:

В возможность получения премии не верю нисколько. Все же небезынтересно было бы знать, кого Вы "раскачали" для такого дела? Хотя несколько моих книг переведены на иностранные языки, все же меня иностранцы почти не знают. /.../ Удивляюсь даже на себя самого, как это я всё пишу Вам такое? Моя теперешняя жизнь столь далека от этих вещей, что у меня чувство, будто живу на луне, а не на земле. А вот, подите же, полувековой литературный микроб сидит, женское любопытство!..

Получив это письмо, сделал я к нему мысленно много поправок и комментариев: никакого "на луне", то есть никакой оторванности от литературных интересов и творчества, у Зайцева не было. В те дни он опубликовал уже свои три интереснейшие художественные биографии — о Тургенве, Жуковском и Чехове, и не прекратились еще отклики на них. Эти биографии только отчасти следовали книгам Андре Моруа, а из наших — Тынянову, но имели *свой* творческий почерк. "Измышлений там нет, — писал мне Борис Константинович, — а если есть, то минимально, оттенки же некие личные, конечно, есть". Не был он и в какой-либо изоляции — переписывались с ним профессора-литературоведы из Осло, Торонто (в Канаде), Италии (его давний приятель Ло Гатто); "здесь есть Паскаль, а в Сорбонне, — писал он мне, — это француз, но на моем юбилее 50-летнем литературном сказал горячее всех русских". Впрочем, в одном из следующих уже писем осенью 57-го года он высказался о "нобелевских делах" более существенно:

У меня есть юбилейная книжка "В пути" - там собраны вещи советской (ранней) полосы: кроме "Анны", еще "Авдотья-Смерть", "Странное путешествие". Внутренне все это мне сейчас довольно далеко, все же принадлежит, думаю, к зрелой полосе и времени наибольших сил. "Голубая звезда" уже вполне история, мне даже жутко к ней приступить. А что меня самого больше вырывает, это, вероятно, "Афон", Италия и "биографии"...

Упоминание о "Голубой звезде" тоже вызывает комментарий. Эта чудесная повесть из жизни московской интеллигенции до первой мировой войны, по-моему, лучшая вещь Зайцева и принадлежит к золотому фонду нашей прозы. В романе Константина Паустовского "Начало неведомого века" я нашел и послал автору такие строчки о ней:

"Чтобы немного прийти в себя, я перечитывал прозрачные, прогретые немеркнувшим светом любимые книги: "Вешние воды" Тургенева, "Голубую звезду" Бориса Зайцева, "Тристана и Изольду", "Манон Леско"...

Как непрочно, подумалось мне тогда, всякие барьеры, которыми политика и прочие явления антиискусства пытаются отгородить читателя от *подлинного* в литературе. Десятилетия искажения эстетических оценок, белых пятен в энциклопедических справочниках - и вдруг такое "открытие" советского писателя!

Сам я открыл "Голубую звезду" уже в эмиграции; в памяти вывез сюда один-два рассказа раннего Зайцева и потом открывал его, как и Бунина, Ремизова, русских философов, критиков и многих, многих других. Пленила меня эта повесть какой-то необыкновенной лег-

костью ее обращенности к небу – такой простой и естественной, без нажима, без мистики или предвзятого пафоса. Такую обращенность несет в себе герой повести, Христофоров, как нечто найденное и пережитое, от чего уж никогда более не захочется отказаться. Вот небольшой отрывок из повести:

”С деревьев, на бархат рукава, слетали зеленовато-золотистые снежинки. Всё было полно тихого сверкания, голубых теней.

– Прямо над домом, – вот там, – сказал Христофоров, указывая рукой, – голубая звезда Вега, альфа созвездия Лиры. Она идет к закату. У меня есть вера, может быть, и странная для другого: что это – моя звезда-покровительница. Я под нею родился. Я замечаю ее *первой*, лишь взгляну на небо. Для меня она – красота, истина, божество. Кроме того, она женщина. И посылает мне свет любви”.

Перечитывая теперь ”Голубую звезду”, я вижу в ней то противопоставление материалистической вещности – духу, которое составляет извечную тему также и наших дней. Мне хочется привести слова, сказанные по этому поводу Ильей Эренбургом в его речи по случаю своего семидесятилетия, она, насколько мне известно, не была опубликована в Советском Союзе:

”Мечта о спутниках Земли осуществлена теперь учеными. И вот именно от ученых я слышал другую мечту: ”где же спутники человеческого сердца? Где Толстой? Где Чехов? Кто расскажет о тоске старого ученого или о драме лаборантки Энергоинститута, которую никто не назовет ”дамой” и у которой нет собачки?” Эту ущербность ”культуры сердца”,

культуры чувства ощущаем мы и на Западе в прямо-таки панической иной раз боязни всего романтического, сохрани Боже – сентиментального! – боязни взгляда на небо, "звездобоязни..."

А ведь кто-то, применительно к названному выше противопоставлению, неплохо сказал: "Отличие человека от свиньи состоит, между прочим, и в том, что он может, запрокинув голову, смотреть на звезды"...

Борис Зайцев удивительно "звездный" писатель. Имея в виду его "палитру", его называют иные "акварелистом", а творческую манеру его – "импрессионизмом". Обозначение "акварелист", по-моему, неверно: в "ранней полосе" его прозы есть и масляные, густые краски. Но импрессионистом он, по-моему, был – так отчетливо в его книгах выступает авторское переживание жизни, авторская гармоническая настроенность. Настроенность эта звучала и в его письмах, и в наших разговорах при встречах.

А в одно из наших посещений его в Париже, после обеда, он читал нам с женой одну коротенькую свою вещь: "Вандейский эпилог", и удивительная гармоничность старого писателя на чужбине покоряла нас, слушателей. Вот несколько строк из этого "Эпилога":

"...насильно ломиться в будущее нечего. А вот прошлое вспоминая, скажешь: всё принимаю, за всё благодарю, и за радость, да и за горе. И если вот чужбина, одиночество, родины нет – значит, так Богу угодно. Что могу я сказать со своим крохотным умом?"

Нынче у нас будет пирог. И все близкие мои, мои родные поздравят меня и чокнутся

стаканом местного вина /.../ Вечером же, на заре, выйду, как и нередко в России делал, один в поле. Дойду до статуи Спасителя, в полутьме благословляющего десницею своей края Вандеи. Подойду к пьедесталу, сяду на ступеньку. Так и буду сидеть - у Его ног.

Проедет авион, блеснув огнями. Запоздалый воз на двуколке, медленно погромыживая, проскрипит к нам в селенье. И опять настанет тишина”.

Н. А. ТЭФФИ

С Тэффи встречался я жарким парижским летом 1952 года. Два только раза - больше, увы, не пришлось: в октябре того же года Надежда Александровна скончалась. Но от этих двух встреч осталось у меня много, что вспомнить и о чем рассказать. Да и переписка последовала за ними оживленная.

Помню, добрались мы с женой по раскаленному Парижу до улицы Буасьер 59, - сомлев от жары. Но встречены были так приветливо, что быстро ожили. На столе - зельтерские бутылки во льду. "Я знала, что явитесь жаждающие, пейте скорее!" - сказала хозяйка. Была на редкость радушна и моложава. Удивляла меня эта моложавость и тогда, при встрече, и теперь, когда возраст Тэффи знаю точно - было ей, когда мы встретились, 76 лет. Думаю, что подлинную дату она никому не раскрывала, а в ответ на наши восторги объяснила со свойственным ей умным юмором:

- Знаете: до 60-ти лет еще можно себе убавлять годочков. А позже - опасно. Надо знать женскую психологию. Допустим, скажешь, что тебе 70 лет. Тут даже и лучшие твои подруги встрепенутся: "Подумайте! - скажут, - как убавляет себе! Ай-ай-ай!.." Поэтому в эту пору выгоднее объявить: "Мне восемьдесят!" Тут вокруг хором: "Душенька! да кто же вам столько даст? Как сохранились! И все довольны..."

Был я в то время редактором журнала "Грани", издававшегося во Франкфурте-на-Майне, и привез Надежде Александровне 14-ую книжку этого журнала с моей рецензией на "Земную радугу" - так назывался только что вышедший в нью-йоркском издательстве им. Чехова сборник ее рассказов. Рассказы Тэффи, иные даже со времени "Сатирикона", я знал и любил; помнил отзыв Куприна, который писал, что "девять десятых из пишущих мужчин должны бы поучиться у нее безукоризненности русского языка". Но что она автор также и пьес, романа, критических очерков и стихотворений, выяснилось для меня много позже. Впрочем, о том, что первой книгой ее был поэтический сборник "Семь огней", вышедший в 1910 году, сказала она нам с женой сама в нашу парижскую встречу. Конечно же, мы принялись просить ее прочитать что-нибудь. Она и прочла несколько стихотворений, правда - более позднего времени, из цикла "Русь", отчасти напоминающих слогом своим стихи ее сестры, Мирры Лохвицкой. Только отчасти - из-за, вероятно, бóльшего трагизма внутренней их темы. Одно из них - приведу:

Ночью выходит она на крыльцо,
Пряди седые ей хлещут в лицо.

Плачут кровавые впадины глаз,
Кличет она в свой полуночный час:

Ветер! Ты будешь мне сына качать!
Просит тебя его старая мать.

Ветер, спеши! Подымайся! Пора!
Видишь - за городом злая гора.

Видишь - чернеет над нею качель,
В этой качели его колыбель.

Кто невзлюбил твоей доли, земля,
Тех к небесам поднимает петля.

Ветер! Неси мою песню, неси!
Кланяйся сыну от старой Руси!

Потом Надежда Александровна поднялась было отыскать еще что-то из стихов, но села снова: "Не могу, доктор запретил нагибаться. И вообще-то устала я жить. Иногда три сердечных припадка на день"...

Дня через три получили от нее пневматичку с благодарностью за мою рецензию и критическими суждениями о некоторых русских парижских журналах. Приписка: "Дорогие друзья! Очень бы хотелось вас повидать еще раз. Погода стала сноснее". И потом - это, кажется, было 6 июля - по телефону: "Приходите сегодня. В пять"...

Во второй наш приход Тэффи много рассказывала. Об эмигрантской жизни, о людях... с

юмором, но всегда добродушно. Из писателей – о Куприне, особенно тепло. Прочла его неизвестное мне стихотворение, очень романтическое и сентиментальное на тему повести его "Гранатовый браслет". Потом – о Мережковском, к которому, как я почувствовал, особой симпатии не питала. Вспомнила эпизод:

– Пришел как-то раз, уж вечером, и принес с собой вишен в бумажном таком, уже размякшем кульке.

– Вымыть бы надо! – говорит.

– Не стоит, говорю я, спасибо вам.

– Да нет, грязные, и могут всяческие микробы...

Вымыла я вишни и принесла на блюде. Поставил около себя и так все до одной сам и съел...

Вскоре увидели мы, что она уже очень устала, хотя и преодолевает себя. Снова упомянула о сердце, о докторе: "Должен пожаловать вечером. Самое дельное, что он скажет, это: "Тысяча франков!" Все остальное ерунда и не полезно ни ему, ни мне".

Закончилось свидание наше, как помню, обещанием моей жены прислать какую-то чудодейственную мазь из Бад Наугейма, предупреждающую сердечные спазмы.

В том же июле, через неделю, получил от Тэффи письмо с откликом на стихи поэта Ивана Елагина, которые я ей отправил, и на мою просьбу прислать для "Граней" что-нибудь свое:

Дорогие друзья!

Получила Ваше милое письмо, стихи Елагина и целебную мазь. Как это вы так исполнили все, что обе-

щали. Это уж совсем не по-парижски. Вы, очевидно, отстали и не шагаете в ногу с веком. Удивляюсь и благодарю.

Вы, конечно, правы, дорогой Леонид Денисович, - лучшее стихотворение Елагина "Звезды". Хороши еще "Не страшен эшафот". И последнее - о чаше весов. /.../ Теперь - о нас, Леонид Денисович. Я сейчас такая усталая, что еле дышу. Рассказ надо искать в архиве и сейчас некому мне помочь, а доктор запретил наклоняться. Попробую дня через два. Но у меня мелькнула мысль: у меня есть басни, написанные, вернее, приснившиеся мне под наркозом все в одну ночь. Их красота в том, что они идиотские. Бунин их обожает, кое-кто из поэтов пробовал подражать - ничего не вышло, да и сама я не могла бы больше ничего подобного придумать. Рощина-Инсарова читала их на своем вечере - успех был потрясающий, - я получила несколько восторженных писем, скверное стило, нейлоновые чулки и сумочку - все от разных восторженных слушательниц. Я их в печать не давала, потому что не хотела, чтобы актеры начали их читать с эстрады - они уже испортили много моих "лукавых" вещей. Я вам их пришлю, и вы посмотрите, годятся ли они вам. Я ничуть не обижусь, если не годятся. Нужно, чтобы одно к другому подходило. Вышитый шемаханскими шелками пестрый платочек никак не повяжешь на шею генерал-аншефа князя Болконского, представляющего доклад государю-императору. /.../

Сердечно обнимаю обоих. Ваша Тэффи.

Басни были скорее пародиями на басенный жанр, с прекрасным юмором в замыканиях. Их нет у меня, сейчас расскажу, как их лишился. А в памяти застряла одна, четырехстрочная, под названием "Коза":

Коза в телеге ехала домой
И растрясла весь свой дневной удой.
Последствия совсем иные б были,
Когда бы ехала она в автомобиле.

Я решил, что помещу их в отделе "пародий", который иногда вводился в журнал; написал об этом Надежде Александровне - и вот ведь горе, эта рассеянность! - и ее письмо ко мне с баснями на обороте сунул в тот же конверт. Отправил и потом, спохватившись, - еще письмо вслед, экспрессом. В ответ получил:

Дорогой друг!

Не волнуйтесь - всё к лучшему. Я думала, что басни вряд ли годятся. Они очень странные - не подходят ни к серьезному жанру (сатиры), ни к юмору, так как далеко не всем понятны. Я их и держала три года и только два раза дала читать актерам на вечерах. Вместо басен я вам пришлю рассказ не новый, но подновленный, х о р о ш и й /.../ Напечатан он был очень давно - лет 20 тому назад, вернее - 25, а еще вернее, что тридцать. Совсем нового ничего хорошего написать не могу, потому что совсем больна. Вчера вернулась с "отдыха" чуть живая, и сразу легла в постель. /.../ Искренне Ваша Тэффи. Неужели так и не приедете? /.../

Было еще одно длинное письмо в сентябре. А первого октября получил последнее:

Дорогие друзья!

/.../ Посылаю вам рассказ "Анюта". Не новый, но хороший. Мне, так сказать, за него не стыдно. Его давно забыли, так что можно смело печатать. Простите, что пишу коряво, по двум орфографиям. Вчера были именины мои и нашло много друзей литературы

европейской и американской, свыше моих сил. Я только сидела и приветливо улыбалась, но все же очень было трудно. Рада, что день прошел. Сердечно обнимаю обоих. Напишите - угодила ли. /.../

Это письмо, написанное за 5 дней до кончины, было, вероятно, вообще последним письмом Тэффи в ее корреспонденциях. Рассказ же "Анюта", который я напечатал в "Гранях", был действительно превосходен и принадлежал к той не-юмористической прозе Н. А. Тэффи, которую, к сожалению, мало знают и которая, как и другие произведения зарубежных авторов, еще ждет широкого читателя на родине.

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

Георгий Викторович Адамович, поэт и литературный критик, был личностью значительнейшей в литературной жизни русского зарубежья. Я бы сказал даже - и "уникальной": другой ценитель творческого слова, поэт и литературовед Владислав Ходасевич умер в 39-ом году, и когда я, в конце сороковых годов, оказался на Западе, имя Адамовича было единственным известным и всеми ценимым именем литературного арбитра, связанного с лучшими традициями русской литературы и любившего ее по-настоящему горячо. Очень много живых и глубоких мыслей о ней, иной раз, может быть, и спорных, но интересных всегда, заключено в его двух послевоенного времени книгах: "Одиночество и свобода" и "Комментарии", сборнике текущих заметок и статей, вышедшем в 1961 году.

Впервые встретился я с Георгием Викторовичем летом 62-го года, когда он побывал у нас в Мюнхене, где мы с женой проводили свой последний перед отъездом в Америку отпуск. Но перед этой встречей мы с ним переписывались, и я бережно храню четыре его письма. Случилось так, что Г. В. Адамовича заинтересовали мои повести, вышедшие в двух книгах в 60-ом году, и в этих письмах, главным образом, и содержатся его – в высшей степени для меня лестные – отклики. Отрывки из них привожу я, конечно же, не из авторского тщеславия, а чтобы передать манеру и стиль критических его суждений. Вот из письма от 19 октября 1960 года:

Хочу Вам сказать сразу: я восхищен Вашей книгой (имеется в виду сборник под заглавием "Двое на камне"), и притом не только чисто литературно, но и человечески, то есть всем, что у Вас чувствуется за словами и фразами. Мне давно ничто не было так "по душе", как обе Ваши повести, вошедшие в эту книгу /.../ Вы писатель для меня на других не похожий и мне лично гораздо более "говорящий", чем большинство других. Да и более талантливый: это уж не лично, а объективно. Часто читаешь и думаешь: зачем я читаю? какое мне дело до того, что г-н X или г-н Y мне рассказывает? А с Вами жаль расстаться.

Года три (или больше) тому назад я в Париже был у Буниных - и не то Вы только что ушли, не то я ушел до Вас, не помню точно. Тогда я отнесся к этому безразлично, а теперь жалею, что Вас не видел /.../.

Было ли что-нибудь в "Новом Русском Слове" о Вашей книге? Если нет, я бы с большой охотой там о Вас написал. Но не думайте, что Вам навязываюсь с рецензией...

А вот из следующего письма, в ответ на новую мою повесть "...показавшему нам свет", которую я послал ему в Англию, в Манчестер, где он читал в университете лекции:

Спасибо за Вашу повесть. Она так же замечательна и своеобразна, как и "Двое на камне", и, по-моему, в ней так же наиболее верно то, что "между строк", почти недоговорено, а не самое действие. Может быть, я обольщаюсь (да Вам это может показаться и самоуверенным), но у меня такое чувство над Вашими книгами, будто я Вас понимаю с полуслова... Ни об одном другом современном писателе я бы этого сказать не мог, и, вспоминая их, перебирая их в памяти, не нахожу ни одного, кто рядом с Вами не казался бы чуть-чуть плоским и тяжеловатым. Мне очень жаль, и даже больше, чем жаль, что я Вас поздно узнал как писателя и что лично с Вами не встречался. Впрочем, уж кому-кому, а Вам не к чему было бы объяснять, что личные встречи иногда (и даже большей частью) не дают ничего и ограничиваются общими, обычными разговорами /.../.

В Манчестере я последний год, и с будущей осени "е.б.ж.", как добавлял Толстой, и правильно добавлял! - буду опять парижанином.

В связи с этим последним его сообщением я предложил ему занять мое место в шведском университете, потому что сам собрался в Америку, но он ответил, что хочет наконец освободиться от всяких служебных обязанностей и работать только для себя.

Приведу еще несколько строк из его последнего до нашей встречи большого письма в ответ на мое, в котором я рассказывал о самом себе по его просьбе:

Для меня было неожиданностью, что Вы в Москве еще могли слушать Айхенвальда и Брюсова. Я считал, что Вы литературно моложе, то есть начали заниматься литературой, когда этих людей уже не было. Айхенвальд, по-моему, при общей несомненной его одаренности, в стихах понимал мало. Ведь это он именно Брюсова назвал "преодоленной бездарностью", а Брюсов был поэт подлинный, хоть и не большой. Он погубил себя претензией на гениальность, но 20-30 стихотворений есть у него замечательных... Не знал я также, что Вы в свойстве с Маклаковым. О вашей тетушке мне случилось недавно мельком упомянуть, когда я писал о Маклакове книгу. О ней, насколько помню, одобрительно отзывался Тургенев...

Не помню, чтобы в мюнхенскую нашу встречу завязался у нас с ним "литературный" разговор, - говорили больше о моем предстоящем переезде в Америку и разных довольно скучных вопросах, которые обычно возникают по такому поводу. Первые же мои американские годы творчески были односторонни: занимался я, главным образом, критическими разборами, а Георгий Викторович к литературоведению как к науке относился с некой предвзятостью. "Примусь на днях "с толком и расстановкой" читать Вашу книгу, - писал он мне, когда я послал ему сборник своих литературоведческих статей. - Ваша область мне несколько чужда, оттого и буду читать медленно. Да, пожалуй, и некоторые авторы, Вами избранные, чужды, но это, конечно, не препятствие".

"Летучие" литературные беседы состоялись у нас при следующих встречах много лет позже Мюнхена, когда Адамович осенью 72-го года

недели три, если не ошибаюсь, провел в Нью-Йорке, и ему, заморскому гостю, устраивались приемы, "парти", как это здесь называется, у нас в доме и у многих других общих знакомых. Помню, мы как-то разошлись с ним в оценке статьи Льва Шестова о Чехове: "Творчество из ничего", которую я находил неудачной, а он, ссылаясь на Бунина, считал очень значительной. Кстати, о Бунине говорил он блестяще, определяя его творчество словами, когда-то отнесенными к Пушкину: "трагический мажор". Запомнилось мне, как на вечере у редактора "Нового Русского Слова" Андрея Седых он огорчил собравшихся, отказавшись прочесть что-нибудь из своих стихов. И здесь мне пора сказать о нем несколько слов как о поэте.

Поэт Георгий Адамович был начинателем (не хочу сказать: теоретиком) так называемой "парижской ноты" в поэзии. Может быть, несколько упрощенно, для меня эта "нота" означала требование *простоты* и отсутствия в стихах многословия, пышности и формальных ухищрений. В таком творческом плане, я думаю, сам Георгий Адамович среди многих участников "ноты" был поэтом наибольшей значительности и яркости. Поразительны его требовательность к себе, его скупословность, его вкус. У меня нет его поэтических сборников "Облака" и "Чистилище", вышедших еще до эмиграции, но за все зарубежные годы он напечатал один только сборник "Единство", "стихи разных лет". В этом сборнике всего 45 стихотворений, и среди них нет ни одного посредственного, из тех, которые называют "проходными", — все 45 — и это чрезвычайно редко случается — поэтически

значительны и многие из них, думаю, останутся памятными в русской поэзии.

Я приведу отрывок из одного его стихотворения – о творческой мечте поэта, слагателя "заклинательных" слов:

И может, к старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных
строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил
влюбленный,
Растерянно шептал на казнь приговоренный,

И чтобы музыкой глухой они прошли
По странам и морям тоскующей земли.

"Грусть мира поручена стихам", – писал в одной из своих статей Георгий Адамович, и вот еще одно стихотворение, об очень личной грусти, которым я о нем здесь и закончу:

За всё, за всё спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание.
За равнодушно светлую страну,
Где мы теперь "влачим существованье".

Нет доли сладостней – всё потерять.
Нет радостней судьбы – скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...

Юрий КОЛКЕР

Изящные науки

*Науки смертных просвещают,
Питают, облегчают труд;
Художества их украшают
И к вечной славе их ведут.*

*Любителю наук изящных. . .
Г. Державин*

В Иерусалиме вышел сборник статей *Russian Literature and History* (Русская литература и история), подготовленный славистами местного университета – событие знаменательное, свидетельствующее одновременно и о повсеместном интересе к России, и о мировом признании русской науки и культуры. Книга посвящена 75-летию И. З. Сермана, профессора Иерусалимского университета, известного историка русской литературы XVIII века, и основной язык книги – русский. 27 статей 26-ти авторов представлены из СССР, Соединенных Штатов, Италии, Франции, Западного Берлина, Израиля.

На этой оптимистической ноте я и обрываю рецензию, ибо не рецензия – цель моих замечаний. Меня давно занимает один вопрос, пожа-

Прежде всего, это именно открытие: все комментированные издания Баратынского, начиная с самых ранних, более чем столетней давности, называют здесь Мордвинова (некоторые — утвердительно, некоторые — предположительно), и ни одно — Державина. Открытие это, кроме того, очень недавнее: ведь и все советские комментированные издания 1970–1980-х, академические в том числе, называют Мордвинова, притом только утвердительно, и опять — ни одно даже не упоминает Державина. Но тогда корректность обязывает ученого ввести читателя в историю столь глубоко упрятанного от непосвященных вопроса, указать источники, позволившие его разрешить, и назвать имя того, кому принадлежит тут последнее слово. Ничего этого профессор Эткинд не делает.

Мы, однако же, помним (нам объяснили это в очень раннем возрасте), что корректность — сродни буржуазной респектабельности, а музы — отчасти менады: где они в почете, в почете и вдохновенное варварство, и Юпитеру позволено то, что не позволено быку... Вот здесь и является мой вопрос: точно ли литературоведенье — наука, а не искусство? Ведь и угадать в быке Юпитера помогают нам страсть и озарение, а не рациональное знание. Там, где господствует мысль, любой автор a priori бык, и любое суждение — a priori мычание, — до тех пор, пока оно не подтверждено такими договорными условиями, как аристотелева логика, документ или корректный (воспроизводимый) эксперимент. Выход за рамки этих условностей означает выход за рамки науки. Поскольку в разбираемом примере нельзя спросить: ученый ли перед нами? (мы это

знаем наверное) – остается остановиться с недоумением перед особенностями науки, в пределах которой можно вести себя с такой вольностью.

Отложим теперь на минуту этот ход мысли и примем другой. Никакие авторитеты не застрахованы от ошибок, более того, ошибки – это и есть путь ученого. Рассмотрим поэтому и вторую возможность: профессор Эткиндр просто ошибся. Ничего обидного в таком предположении нет. Ученый лишь поблагодарит нас: с сомнения начинается вообще всякое движение мысли.

Прочтем сначала *полностью* фрагмент из стихотворения Баратынского, обращенный к вельможе–гражданину:

Когда сей редкий муж, вельможа–
гражданин,
От дней Фелицыных оставшийся один,
Но смело дух ее хранивший в веке новом,
Обширный разумом и сильный, громкий
словом,
Любовью к истине и к родине горя,
В советах не робел оспоривать царя;
Когда, прекрасному влечению послушный,
Внимать ему любил монарх великодушный,
Из благодарности о нем у тех и тех
Какие толки шли? – ”Кричит он громче всех,
О благе общества как будто бы хлопочет,
А, право, риторством похвастать больше
хочет;
Катоном смотрит он, но тонкого льстеца
От нас не утаишь под строгостью лица”.

Известно, что Державин был "горяч и в правде чорт", дерзил трем царям, и самому Павлу бросил в лицо неслыханное, мужицкое оскорбление. Поэтому подробно отводить от него обвинение в изощренной лести означало бы ломиться в открытые двери. Кто и когда назвал его "тонким льстецом"?

Затем, по мысли Эткинда, эти стихи, написанные в 1827 году, имеют в виду 1802-1803 годы, последний период государственной деятельности Державина. В самом деле, "монарх великодушный" - не Павел и не Екатерина, с ними связаны другие эпитеты. Однако непосредственного подтверждения эта мысль Эткинда не находит. Александр крепко недолюбливал Державина за его совершенно неуместную при дворе неуступчивость, и даже стихи Державина на свое воцарение - запретил. Никогда Александр не любил "внимать" Державину, в должности министра юстиции поэт прослужил у него чуть более года и в октябре 1803 года был им навсегда отстранен от участия в политической жизни и забыт. Баратынскому не было тогда и четырех лет. Неужто об этом коротком (тринадцатимесячном) периоде министерства певца Фелицы вспоминает Баратынский спустя 24 года после увольнения Державина, через 11 лет после смерти поэта, в начале нового царствования? В это можно поверить лишь при условии, что с самого увольнения Державина никто более при дворе не решался перечить царям. Однако это не так.

Люди совестливые, самолюбивые и самостоятельные имелись не только среди отставных, но и среди облеченных властью сановников, и как раз в середине 1820-х годов среди них выде-

лился Мордвинов. Он открыто осудил приговор декабристам – и был на устах у всех. Сам Пушкин пел “доблесть, славу и науку” того, кто “зорко бодрствует над царскою казною” (Мордвинову, 1826). Мало того, Пушкин считал, что – “Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию”. Ничего подобного никто и никогда не говорил о Державине. В понимание только что перечисленных мною фактов последние десятилетия разительных перемен не внесли. Но если фигуры расставлены мною правильно, то вероятность того, что Баратынский имеет в виду Державина, должна быть оценена – с точки зрения исторической – как пренебрежимо малая величина. Наоборот, наиболее вероятной фигурой (вне всякой связи с Державиным) оказывается не кто-нибудь, а Мордвинов.

Посмотрим теперь на вопрос с точки зрения филологической. “Редкий муж”, “вельможа-гражданин”, “Катон”, “обширный разумом и сильный, громкий словом”, “риторство”, “хлопочет... о благе общества”, “не робел” – это ли перечень дарований *русского Горация*? Для литераторов пушкинского круга поэт был царь – а не “вельможа”, избранник – а не “редкий муж”. По утверждению самого Державина, истину царям поэт говорит с улыбкой, т. е. как равный или старший. Между тем Катон, тоже по словам Державина, – всего лишь “славный римский сенатор”, который “простирает свою добродетель до строгости”. Следовательно, уподобить Державина Катону значило бы принизить его. Ни один из русских поэтов такого уподобления и не делает. Напротив, подробно перечислить высокие качества и добродетели поэти-

зируемого героя – и не упомянуть среди них, пусть хоть намеком, главную в тогдашней гуманитарной парадигме: его божественное избранничество, его поэтическую помазанность, – такой промашки поэт бы не допустил. Тем более Баратынский, который, по общему признанию, был и остается поэтом замечательным.

По той же причине, по незаурядности Баратынского, упоминание "дней Фелицыных" не могло быть у него отсылкой к Державину. Сказать *Фелица* и в наши дни значит вспомнить Державина. В пушкинские времена такая отсылка была еще сильнее; она могла служить лишь для беглой, моментальной ассоциации, в сопровождении же развернутой характеристики Державина немедленно становилась банальностью. Поэт, "доступный не для всякого" (как писал уже Иван Киреевский), отмеченный лица не общим выраженьем, – никогда не пошел бы по пути столь накатанному.

Зато переключка с Пушкиным, всего лишь за год перед тем высоким слогом певшим Мордвинова, у Баратынского вполне прозрачна. Пушкин пишет о Мордвинове:

В советах недвижим у места своего...

И тем же шестистопным ямбом вторит ему Баратынский:

В советах не робел оспоривать царя...

Баратынский, следовательно, помнил пушкинский портрет Мордвинова, когда писал своего "вельможу-гражданина", и к этому портрету отсылал внимательного читателя. Отсылка эта

не лобовая, но таков весь Баратынский; современники поэта умели различать игру смыслов в его стихах и знали, что случайностей там не бывает. Таким образом, и филология, с неменьшей очевидностью, чем история, свидетельствует здесь в пользу Мордвинова и сводит на нет присутствие в этом тексте Державина.

Уже на основании этих простых построений критически настроенный наблюдатель поверит не Эткинду, а упомянутым старшеклассникам середины 1960-х годов. Твердая позиция советских специалистов, которым ведь не идеология продиктовала в данном случае их вывод, подкрепляет это предпочтение. Наконец, излишняя беглость ремарки Эткинда и отсутствие у него какой бы то ни было аргументации подводит под вопросом последнюю черту: перед нами ошибка.

Конечно, тут проще всего было бы объявить эту ошибку ученической и посетовать на упадок науки. Но такого рода наскоки не способствуют мысли и ни в чем не проясняют моего вопроса. Совершил ведь ошибку не старшеклассник, а известный литературовед, — и это что-то да означает. Что именно — можно угадать из природы ошибки. Это так называемый *ляп*: ошибка, допущенная по небрежности или забывчивости, т. е. от равнодушия. В этом смысле она, будучи случайной, одновременно и типична: равнодушие к деталям, к точности — общая черта современной литературы: *не науки*. Мы поневоле возвращаемся к прежнему ходу мысли: что же такое литературоведение?

Если читатель не мизантроп, наличие бросающейся в глаза ошибки побуждает его дочитать текст. Ошибка может быть случайной. Общее содержание статьи, ее выводы и результаты могут сделать совершенно не существенным любой промах; примеров тому в истории науки сколько угодно.

Что представляет собою статья Эткинда в целом? По форме она компилятивна: построена на всем доступных цитатах, призванных подтвердить актуальность Державина и сопровождаемых комментарием. По мысли статья переоблегчена. Прочитав шесть строк дельвигова стихотворения "На смерть Державина", Эткинд поясняет нам, что "Дельвиг передает лиру Державина своему юному другу, семнадцатилетнему Пушкину". Тут спрашиваешь себя: к кому обращается Эткинд? Ведь это соображение может ускользнуть лишь от того, кто стихов Дельвига не прочел, а ученый как нарочно надлежащее место из Дельвига и цитирует. К пушкинскому стиху "Брысь, кошка... Сядь, усопший брат..." тоже дано несколько обескураживающее пояснение: "Брысь", сообщает нам автор, "обращено к кошке (видимо, сидевшей на том стуле, на который Державин приглашает усесться Фонвизина)". Право же, исследователь слишком заботится о своем читателе. Легко вообразить, как принял бы эти изыскания насмешник Пушкин.

Такого рода расточительность и вообще странна для ученого. Тот, кто ценит мысль, по традиции и, одновременно, по внутреннему влечению предпочитает обычно кратчайший,

наиболее аскетический путь к ее уяснению. Избыточность редко служит его задаче. Иное дело артист...

В сущности, все содержание статьи Эткинда сводится к следующему: "Державин непрерывно рос в глазах русских читателей, и оценки его в XX веке значительно выше прежних". На мой взгляд, тезис этот крайне опрометчив. Прижизненная слава Державина была полная, наивысшая мыслимая для той поры. Его читали именно читатели, "его оценки" были высочайшими. Вот что писал "Северный вестник" о выходе "Анакреонтических песен" (1804), предвосхищая громадный успех книги: "Державин есть наш Гораций - это известно; Державин наш Анакреон - и это не новость... в сей книжке содержится 71 песня, то есть 71 драгоценность, которые современниками и потомками его будут выучены наизусть и дышать будут гением его в отдаленнейших временах..." Так не встречали и прижизненных книг Пушкина.

Но читателей у Державина вскоре становится меньше, и "оценки" меняются. Лишь до возвышения Пушкина Державин воспринимался как величайший национальный поэт и был читаем просвещенной Россией. С середины XIX века Державин все больше становится символом (несколько архаическим), все меньше - читаемым поэтом; примеры пренебрежительных "оценок" Державина его младшими современниками приводит сам Эткинд. В начале XX века русские поэты, действительно, переоткрыли Державина, опережая литературоведов, но *никто* из новейших ценителей Державина не произнес над ним "оценок", хотя бы отдаленно приближающихся к только что цитированной "оценке" "Север-

ного вестника". Можно с уверенностью сказать, что в последнее время читают Державина лишь для оснащения собственных сочинений и в поисках вдохновения. Неужто под читателями Эткинд понимает лишь писателей и литературоведов? Если так, то свою мысль он сформулировал неверно: это не актуальность. Но не будем придирчивы: пусть Эткинд хотел сказать, что значение Державина для творческой России непрерывно растет. Тогда он прав, но, пожалуй, *слишком* прав: "Заслуги в гробе созревают" (Державин), смерть и время укрупняют шрифт любого подлинного поэта. Ведь не в подлинности же Державина уверяет нас Эткинд?

Насколько я вижу, за столь откровенно преувеличенным утверждением актуальности Державина стоит у Эткинда преувеличенная вера в актуальность литературы. Эта вера — талисман и пароль многих современных русских литературоведов, сводящих к литературе решительно все высокое, что есть в человеке. Побуждения этих людей понятны и даже благородны, старомодность их привлекательна: они — противостоят современной "технократии", механизации человеческой жизни, т. е., собственно, продолжают дело искусства, одна из задач которого состоит ведь в том, чтобы противостоят времени. Недостатки этой позиции тоже очевидны. Прежде всего, это искусственный сепаратизм; его носители словно бы никогда не покидали классной комнаты русской словесности. События литературные приобретают у них несообразные пропорции, опасность механизации — тоже. Часто такая позиция прикрывает нежелание (а то и неумение) в просвещении стать с веком наравне. Затем, странно

вымолвить, но излишнее превознесение литературы оказывается обидным для русских как народа. Литература *актуальна* лишь у молодых наций, находящихся в процессе становления: у народов с недифференцированной интеллектуальной деятельностью, когда "поэзия еще концентрирует в себе почти все содержание духовной жизни нации" (И. З. Серман). Наоборот, в жизни сложившегося народа литература не более актуальна, чем "торги, науки" (Державин), и писатель, нужный массам и массами читаемый (это ведь одно из определений актуальности) есть писатель тривиальный. В качестве примера такого подходит В. Пикуль, заимствовавший у Державина название одной из своих нашумевших книг - "Пером и шпагой".

Еще раз обратимся к статье. Ученый приводит знаменитые строки из "Езерского" Пушкина:

Заметят мне, что есть же разность
Между Державиным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной...

- и комментирует их так: "«Красота и безобразность» у Державина, полагает Пушкин, не разделены никакой чертой..." Толкование это вполне произвольно. Желая подкрепить не новую (и всеми давно принятую) мысль о том, что Державин соединял в своих стихах речь высокую и приземленную, Эткинд с академической серьезностью вживляет в эти игривые (и самолюбивые) стихи смысл совершенно посторонний. Он вручает здесь Пушкину свою функцию, свою задачу, свой литературоведческий интерес, -

но нет никаких указаний на то, что Пушкин все это принимает. Ученый словно бы заражен вирусом века: погоней за новизной во что бы то ни стало, без всякой оглядки на истину. Лексические параллелизмы у Пушкина не оставляют сомнения в том, что "красота" и "безобразность" здесь - это Державин и Пушкин: себе ("безобразности") Пушкин противопоставляет Державина ("красоту"); "куда мне!" - вот иронический тезис поэта. Так эти стихи понимались русским читателем всегда. Как ни остроумна мысль Эткинда, - другого содержания в них нет.

За не совсем выверенной мыслью идет в статье, осторожно говоря, небезупречный язык. Эткиндр, например, спрашивает: "Был ли в русской - а, может быть, и в мировой - литературе поэт, *диапазоном творческих замыслов* близкий Державину? Была ли у кого-нибудь из его современников и наследников такая *стилистическая палитра* (курсив всюду мой. - Ю. К.), какой обладал он?" Спрашивает - и, разумеется, не отвечает: что тут можно ответить? Это риторика, подменяющая логическую связку, подпирающая стилистически рыхлое сооружение. Инструментовка этих фраз, их интонационные ходы - неестественны, в них слышатся жреческие подвывания поэтов, - однако в качестве семантических единиц выступают не метафоры, а советские газетные клише. Язык этот плохо вяжется с Державиным, да и с языком научной работы соотнесен не совсем ясным образом.

О чем же, наконец, статья Эткинда? Ведь не коллекцию же высказываний он предъявляет нам как ученый труд. Что-то ведь он хотел ска-

зять, берясь за перо. Легко видеть, что это *что-то* – продолжение старого, времен Карамзина (если не старше), спора о так называемой "гладкописи" в поэзии, в конечном же счете, – о природе таланта и его соотносительности с культурой. Не рабство ли "гладкопись"? и не "вольность" ли удел подлинного поэта? – вот суть вопроса.

Стало быть, Эткинд выступает здесь как публицист. Вопрос о "гладкописи" и впрямь жив и тесно связан с борьбой школ. Его можно переформулировать так: полезны или вредны искусству ограничения? Тогда он тотчас оказывается проекцией другого, куда более общего вопроса: о судьбах европейской цивилизации, о природе свободы и гуманизма. Чем обернулись для человечества его вековые поиски раскрепощения? чем представляются теперь, после кошмаров нацизма и коммунизма, близкие нашим сердцам вольности? нет ли новых обертонов в самом звучании слова *свобода*? что принесла нам упоительная проповедь нонконформизма, социального и артистического?

Утверждая актуальность Державина, Эткинд на деле отстаивает актуальность опыта русского литературного авангарда первой трети XX века, условно говоря, – хлебниковского эксперимента. Тут скрыто движущее начало статьи, ее подлинная страсть. И нельзя не видеть, что страсть эта – ностальгическая. Весьма вероятно, что хлебниковский эксперимент, как и эксперимент большевистский, был реальным и воодушевляющим событием молодости Эткинда; что это потрясение основ было пережито ученым как достижение непреходящее, окончательное; возможно, ученый даже верит в

прогресс в искусстве. Вытеснение идеалов его поколения, происходящее в переживаемую нами эпоху постмодернизма, может казаться Эткинду гибелью богов, смещением мировых универсалий, деградацией. Вытеснения этого признать он не хочет – и мужественно заслоняется от него актуальностью Державина.

Но, к сожалению, мужество бойца и полемиста сродни малодушию мыслителя. Ученого не принято хвалить за непоколебимость, его мужество – в способности отступить, признать свою ошибку перед лицом истины, сколь бы жесток ни был удар, – даже если труд всей жизни оказывается под вопросом. Как мыслитель Эткинд робко останавливается на полпути.

Эткинд – деятельный противник "гладкописи". Поэта видит он немного варваром, которому излишняя культура не идет впрок, мешая свободе и самобытности. "Гладкопись" равнозначна для Эткинда несамостоятельности. В качестве действенного, живого (как ему кажется) возражения против "гладкописи" Эткинд выставляет Маяковского, "меньшого брата" Хлебникова. Эткинд цитирует И. З. Сермана, цитирующего Тынянова, – все трое согласны в том, что Маяковский родствен Державину грандиозностью и смелостью в обращении с языком. А если Маяковский хорош (о Хлебникове уж и говорить нечего), то "гладкопись" плоха, – так движется мысль Эткинда. Державин пристегнут к ней для академичности.

Это мнение, хорошо оно или плохо, тут же вызывает в памяти другое мнение, тоже легко подкрепляемое авторитетами, старыми и новыми: о том, что Маяковский был человеком небольшим, недалеким, а его языковые эксперименты

- низкими и пошлыми. Сторонники этого мнения обыкновенно говорят, возражая Тынянову, что XX век в России, при внешнем сходстве (катастрофичностью и произволом) с веком XVIII, все же духовностью и полетом мысли много уступает своему предшественнику, и так же точно родство Державина и Маяковского не идет дальше черт внешних, в сущности же эти поэты противоположны. Защищать эту позицию я не стану. Мне важно лишь, что, во-первых, она не моложе начальных поэтических опытов Маяковского, т. е. существует в русской литературе давно; во-вторых, что с точки зрения науки она абсолютно равноправна с той, которую проводит Эткинд: обе одинаково неудачны, равно недоказуемы. Беды в их ненаучности никакой нет: не к одной же науке (и не к одной литературе) сводится наша жизнь. Недоказуемость - беда еще меньшая. Ученые во все времена оперировали метафорами, не говоря уже о постулатах. Но ученый, если он дорожит этим своим именем, должен, во-первых, открыто обозначить свою задачу, а не прикрывать ее литературной параллелью, во-вторых, ввести в дискуссию и непредвзято изложить и ту из существующих точек зрения, которой он противопоставляет свою. Не замечать объективных препон - привилегия артиста, а не ученого.

По-видимому, олицетворением "гладкописи" выступает для Эткинда Ходасевич, - во всяком случае, на него приходится тут изрядная доля аксиологии. Сначала Ходасевич "о варварской гениальности Державина мог только мечтать"; затем уже он "был пленником классической эстетики и о свободе «гения и дикаря» только

мечтал”; а Державин был для него ”живым воплощением поэтической воли”, Ходасевичу недоступной, — отчего этот последний и ”завидовал” Державину. Увы, опять суждение Эткинда повисает в воздухе, не подкрепленное на этот раз даже ссылками. Отсутствие ссылок понятно: ни фактов, ни авторитетов, свидетельствующих о том, что Ходасевич завидовал Державину, не сохранилось. Сохранились другие, из которых следует, что Ходасевич восхищался Державиным и любил его, отчасти — по контрасту с собой, ничуть не изменяя при этом своей пушкинской ”гладкописи”, не ставя талант в прямую зависимость от любви или не любви к ”варварству”. Ходасевич, конечно, считал, что его литературный дар уступает дару Державина, но никаких оснований для зависти тут не видел, — что, вообще говоря, естественно. Между трезвой самооценкой и завистью пролегает пропасть, неразличимая чаще всего лишь для воспаленного воображения завистника. Большой человек и состоявшийся поэт вообще редко завидует: ему не до того.

Резерфорд сказал некогда, что вся наука разделяется на два больших отдела: на физику и коллекционирование марок. Правда в этом ревнивом высказывании (характерном для эпохи раннего модернизма в физике) лишь та, что в каждой науке обобщению предшествует систематизация. Систематизация имеет самостоятельное значение и, случается, веками обеспечивает культурную преемственность в науке, преимущественно качественной. Биология была наукой до появления дарвинизма — и осталась ею после появления номогенеза. В этом смысле история литературы, опирающаяся на документы

и факты, вне всякого сомнения, — наука (и профессор И. З. Серман — блестящий ее представитель). Но литературоведенье в духе разобранной статьи профессора Эткинда — скорее некая эссеистика, может быть, — ”полемика журнальная” (о которой язвил Баратынский), а может — игровое искусство, родственное режиссуре или исполнительству. В худших своих образцах (которых становится все больше) от всего этого ”до Герострата только шаг”, как по сходному поводу писал Державин.

В естественнонаучных изданиях всякая статья подвергается анонимному рецензированию, а затем дорабатывается (если в этом есть нужда) в анонимной же (арбитром служит редакция) полемике между автором и рецензентами, — притом невзирая на лица. Там статья должна нести в себе хоть какую-то новизну, одного владения материалом не достаточно. Мало того, в резком контрасте с некоторыми образцами современной художественной литературы статья там еще должна быть *работой*: сырой, не обдуманной всесторонне идеи, пусть хоть гениальной, для статьи тоже недостаточно, приблизительность и композиционный промискуитет (вседозволенность) невозможны. Решится ли кто-либо назвать эти требования неприложимыми к литературоведенью? Но в издании, держащемся таких требований, статья Эткинда, будь в ней даже заключена упущенная мною новая идея, все равно никогда не появилась бы в ее настоящем виде. Здесь же, во всем ее своеобразии, статья была принята и помещена с согласия представительной редакционной коллегии — без всякого критического рассмотрения (похоже, вообще не читанная).

Но если наука для нас в каком-то смысле обязательна, то театр мы вольны выбирать. И мне, например, совсем не по душе подмости, на которых дорогие моему сердцу поэты предстают "заинтерпретированными" до полной неузнаваемости.

Иерусалим, июль 1989

Н. БАРАНСКАЯ

Автобиография без умолчаний

Множество раз приходилось мне писать автобиографию и заполнять различные анкеты, сопровождавшие годы учения и работы, перемену мест и т. д. Вопросы в анкетах достигали предков, касались не только живых, но и мертвых ("Где похоронены ваши родители?"). Мои родители, по счастливой случайности, много лет благополучно лежат на Новодевичьем кладбище (теперь "режимном", т. е. таком, где хоронят только по особому разрешению), но при жизни их мне приходилось не раз обходить "острые углы" семейной биографии в официальных случаях, а затем, привычно осторожничая, усекать ее в вариантах, предназначенных для печати.

Сейчас у меня появилось желание написать автобиографию без умолчаний. Пусть это будет деловая краткая биография, построенная в основном на фактах и датах, по возможности без эмоций.

Итак, я – Баранская Наталья Владимировна – родилась в Санкт-Петербурге 18/31 декабря 1908 г. у состоящих в гражданском браке Любови Николаевны Радченко (1871–1960) и Влади-

мира Николаевича Розанова (1876–1939). Родители мои, медики по образованию (отец не закончил медицинский факультет, мать окончила фельдшерские курсы), медициной не занимались. Оба были революционеры–подпольщики, члены РСДРП с первых лет партии, агенты газеты "Искра", продолжавшие свою деятельность и после 1903 г., когда на втором съезде РСДРП примкнули к меньшей части участников съезда, т. е. стали "меньшевиками" (что поначалу было внутривнутрипартийным товарищеским названием и только после Октября стало клеймом).

Будучи незаконнорожденным ребенком, я приняла при крещении имя первого мужа матери Степана Ивановича Радченко (с его согласия) и лишь после революции – имя отца. В первом выданном мне паспорте была записана под двойной фамилией Радченко–Розановой, а затем, когда потребовалось выбрать одну, выбрала фамилию матери и носила ее до того, как вышла в 30-х годах замуж за своего двоюродного брата Николая Баранского (1909–1943) и стала Баранской.

Баранская – девичья фамилия моей матери. Отец ее был гимназическим учителем в Томске. Его отец, мой прадед, вышел из сельского духовенства Костромской губернии (впоследствии служил в Петербурге), а дед мой от духовного образования отказался и кончил университет.

Также от костромского священника ведет свой род мой дед по отцу – Николай Васильевич Розанов. Он тоже стал гимназическим учителем, а затем и директором гимназии. Он был старшим в семье рано умершего священника о. Василия Розанова, выбился в люди и помог

выбраться из нужды и получить образование своему младшему брату – Василию Васильевичу Розанову, известному писателю.

Отношения между моим отцом и его дядюшкой В. В. Розановым были натянутыми не только из-за разности мировоззрения. Двоюродный мой дед обидел отца, высказавшись в одном из сочинений о социал-демократической деятельности "племянника Володи" в форме довольно насмешливой и развязной. В семейном альбоме Розановых, доставшемся мне от сестры отца, имеется несколько фотографий Василия Васильевича, с дарственными надписями, среди них и предназначенная отцу.

Детство мое, можно сказать, проходило в бездомности и бессемейности, поскольку родители, жившие большей частью нелегально, то скрывались от полиции, то подвергались аресту, и мне часто доводилось жить у чужих, хотя и доброжелательных людей.

В 1909 г. отец перешел нелегально границу. Его, скрывавшегося после ареста, преследовала полиция, он ушел от суда, где его ожидал строгий приговор, был объявлен "в розыске". Обосновался он сначала в Швейцарии, затем в Германии. В 1910 г. летом в Швейцарию к нему вместе со мной приезжала мать. В 1911 г., после ее ареста в Петербурге, меня "с оказией" переправили к отцу. Через год жандармское управление разрешило матери отбыть ссылку за границей.

Только те два года в Берлине, когда родители, наконец, смогли соединиться, были благополучными и спокойными для них и для меня. Единственные два года, когда у меня были отец и мать одновременно.

Осенью 1913 г. срок ссылки у матери кончался, партийные дела потянули ее в Петербург, и отец "отпустил" ее до весны. Меня она взяла с собой. Вернулись мы в Берлин летом 1914 года. Эти несколько месяцев разлуки моих родителей сыграли роковую роль. Они расстались. Мать уехала, оставив меня на время отцу (он просил об этом). Вскоре началась война, разлучившая меня с матерью. До 1915 года я была с отцом - Берлин, затем Копенгаген, - затем меня переправили опять же с "оказией" в Москву к матери.

Два года до революции (1915-1917) мы с мамой прожили относительно спокойно в скромной квартире на Никитском бульваре, которую она снимала вместе со своим братом Н. Н. Баранским (впоследствии известным географом). Из двух семей сложилась большая дружная семья с общим хозяйством. С матерью жили, кроме меня, две дочери от первого брака, сестры мои Евгения и Людмила Радченко, у Баранского были жена и сын Коля, с которым мы очень подружились (за него я и вышла потом замуж). "Большая семья" имела прислугу, для нас с Колей нанимали бонну. В доме, где все были атеистами-революционерами, соблюдались русские традиционные праздники и обычаи: на Рождество елка с подарками, на Пасху пекли куличи, красили яйца и ходили в церковь к заутрене.

Мать служила в Союзе городов, сестра Людмила тоже работала, Евгения ушла на фронт сестрой милосердия. Жили мы очень скромно, но имели всё необходимое. Голода в первую мировую войну в российских тылах не было. Отец оставался в Дании вплоть до революции, пока

не потеряло действия решение о его аресте. Приехал он после февраля 1917 года в Петроград не один, но его "дама" вскоре вернулась в Германию.

В 1917 г. семейное общежитие на Никитском распалось: Н. Н. Баранский увез жену с сыном и новорожденной дочкой в Уфу к родным, вернулся, поселился один, а мать сняла маленькую квартирку в Тихвинском переулке на Новослободской улице.

Революцию 1917 г. приветствовали в нашей семье все и встречали ее вместе с весной, как обновление.

В первые годы революции в составе семьи произошли изменения. Старшая сестра Людмила вышла замуж за князя Кудашева (вероятно, уже "бывшего князя"), младшая, Женя, - за члена РСДРП меньшевика Шнеерсона. Первая уехала в Петроград, но скоро вернулась к нам, вторая обосновалась в Киеве. Этот брак был прочным и распался только в 1937 г., когда Шнеерсона, отца троих детей, арестовали и расстреляли, а старшего сына-школьника уморили в лагерях.

После Октябрьской революции в Москве наступил голод, мы питались оладьями из картофельной шелухи и гущи ячменного кофе, хлеба в продаже не было, выдавали только 200 г на человека через домоуправление. Вернулась к себе в деревню наша прислуга Груша, к которой я была очень привязана. Теперь я подолгу оставалась одна. К нам в одну из комнат вселили надзирателя из Бутырской тюрьмы (она находилась неподалеку), я его боялась - он умел открывать дверную цепочку и как-то неслышно передвигаться по квартире. Мать беспокоилась о моей судьбе, она отправила меня

в Киев к сестре, там еще не было голода. В 1919 г. мама тоже приехала в Киев.

В Киеве мы пережили все перипетии гражданской войны. Город брали деникинцы, Красная армия, Петлюра, опять белые, потом красные — не помню уж, в каком порядке. Артобстрелы, погромы, стрельба на улицах — приходилось прятаться в подвалы. Торговля то и дело прекращалась, было голодно.

У матери началось обострение туберкулеза легких, болезни, приобретенной в годы революционного подполья. Ее положили в загородную больницу. Она работала в "больничных кассах", страховой рабочей организации. От этой работы мама имела и комнату в пятиэтажном особняке, принадлежавшем ранее сахарозаводчику Терещенко, с большим садом и прекрасным видом на Днепр.

В 1922 г. мы с мамой вернулись в Москву. Приехали к сестре Людмиле, в квартиру Я. И. Радченко, дяди моих сестер (вся большая семья Радченко относилась ко мне с родственным теплом). Потом мать получила ордер на комнату в Б. Трубном, на Плющихе. Я поступила в 1-ю опытно-показательную школу МОНО, бывш. гимназию В. И. Волынской. Хорошую школу помогли выбрать друзья матери. В школе работали прекрасные педагоги, о которых можно вспоминать только с благодарностью. Но вскоре принятый "Дальтон-план", предполагавший большую самостоятельность, смена некоторых учителей, да еще замена истории обществоведением изменили уровень преподавания. Учились в моем классе несколько человек из детей партийных верхов (Г. Свердлов, С. Седов), но держались высокомерно, были не по летам

взрослы, учились же кое-как. Основное ядро класса, очень разнообразного по составу, составляли дети интеллигенции среднего достатка. В школе я обрела наконец то, чего мне так не хватало в детстве — общество сверстников, дружбу, разносторонние интересы и широкий (относительно) кругозор. Школа в моей жизни играла ббольшую роль, чем дом.

Мать работала статистиком на Товарной бирже, бралась по совместительству за другую счетную работу — зарабатывала она мало, отец помогал, но, кажется, не регулярно. В начале 20-х гг. он переехал в Москву. Мы с ним часто виделись (см. рассказ "У Никитских и на Плющихе"). В 1923 г. он женился на молодой женщине, с которой у меня сложились дружеские отношения.

В 1924 г. мать арестовали, и я осталась одна. Не помню, кто руководил мною, но я ходила на Лубянку с передачами и на Кузнецкий мост в Красный Крест к Е. П. Пешковой. За мать хлопотали Н. К. Крупская и М. И. Ульянова, с которыми она была когда-то дружна. Вскоре ее освободили.

В школе меня увлекал драматический кружок, коллектив "Синяя блуза", выезды с постановками в клубы, даже и в сельские. Этим занималась комсомольская ячейка. В комсомол я не вступила. Мать предоставляла мне полную свободу, но все же предупредила, что вряд ли я пройду по "социальному происхождению", узнав, что родители были меньшевиками, мне в приеме, вероятно, откажут. Политикой я совсем не интересовалась, но как и мои товарищи по "Синей блузе", верила в светлое послереволюционное будущее.

В 1926 г. я кончила школу. Вот когда "соц-происхождение" вполне реально должно было сказаться на дальнейшей моей судьбе. Играла роль не только анкета при приеме в высшие учебные заведения, но и ограничение приема детей "служащих", в число которых входила вся интеллигенция. В общественной атмосфере все сильнее нагнеталась ненависть к интеллигенции, это слово чаще всего сочеталось с эпитетами "мягкотелый", "бесхребетный", а то и "слюнявый", и стало просто синонимом слов "хлюпик" и "слюнтяй" (кстати, это шло "с подачи" самого Ленина).

Пока я выбирала учебное заведение, всё решилось без меня. В 1926 г. мать вновь была арестована, защита на сей раз не сработала. Она получила приговор "минус двенадцать" (тогда еще были мягкие приговоры) и выбрала Воронеж.

Мать уехала, а я поступила на Высшие литературные курсы Моспрофобра - платные и поэтому не ставившие ограничений. По составу преподавателей-профессоров курсы не уступали университету (назову несколько имен: А. А. Грушко, Г. А. Рачинский, И. Н. Розанов, М. Я. Цявловский, Б. И. Ярхо, К. Г. Локс). Жила я одна, под "контролем" сестры и отца, на его иждивении. Денег было мало, я старалась подработать - уроками и черчением.

Самостоятельная жизнь завершилась тем, что я вышла в 19 лет замуж за студента старшего курса. Вскоре муж был арестован вместе с группой молодых людей, пробовавших самостоятельно разобраться в политической обстановке. Очень активно вел себя в группе мой сокурсник; впоследствии выяснилось, что

он был провокатором, и посадил всех (его инициалы В. М. Л.). Молодые люди получили разные сроки лагерей и тюрьмы. В. М. Л. тоже был арестован, но быстро освобожден. Эта история дала мне материал для повести о провокаторе "Автобус с черной полосой" (1975 г.), отвергнутой журналами и оставшейся в рукописи.

Вскоре после отправки мужа в политизолятор мне привезли повестку - вызывала Лубянка, т. е. ОГПУ (думаю, что В. М. Л. позаботился, чтобы не оставлять свидетелей его "деятельности"). К счастью, за день до этого я уехала к матери в Воронеж. Сестра успела меня предупредить, было решено, что я задержусь у матери. Через несколько месяцев устроилась в Воронеже на работу.

В Воронежской колонии политических ссыльных преобладали социал-демократы, меньшевики, была хорошая рабочая молодежь - печатники, члены "Союза молодежи РСДРП", существовавшего в начале 20-х гг. К матери все очень тянулись, привлекало её революционное прошлое, её инакомыслие. Все они критиковали идейную монополию, однопартийную систему и преследования идейных противников.

В 1930 г. всех воронежских политических ссыльных (меньшевиков, а также эсэров и большевиков-оппозиционеров) арестовали в одну ночь. В стране готовился процесс "Союзного бюро меньшевиков", выдуманный, как и все прочие процессы. Для придания ему масштабности проще всего было арестовать повсеместно всех ранее высланных.

Вскоре меня вызвал на допрос мамин следователь, который хотел знать, какие разговоры велись у нас дома, кто бывал, что делали. Мне

было нелегко, но дело обошлось без конкретных ответов: все мои интересы сосредоточивались на работе. Однако с работы (из издательства) меня тут же "вычистили" (была такая форма наказания - общественное принародное осуждение, кончавшееся увольнением).

Матери вынесли приговор - три года ссылки в Казахстан, г. Кокчетав. Мы, родственники арестованных, передали вещи, смогли разыскать на ж.-д. путях эшелон и проводить его, стоя поодаль.

Тут же я уехала в Москву. Прошло два года с вызова на Лубянку, и хотя у меня оставался какой-то страх, обновленный воронежскими впечатлениями, но пришлось положиться на судьбу. Работать устроилась в учебное ведомственное издательство, где не интересовались анкетными данными. Тогда еще не было единой трудовой книжки и тотальной паспортизации всего населения Союза.

В 1932 г. кончился срок заключения у мужа, он получил ссылку в Казахстан, и я поехала к нему. Очень скоро я поняла, что сделала это напрасно. Я его не любила, долг свой - поддержать человека, попавшего в беду, - выполнила ранее, а жить с ним решительно не могла. Мы расстались.

В 1934 г. матери, по ходатайству старых партийных товарищей, разрешили вернуться в Москву. Поселились под Москвой, сняв комнату в частном доме, я работала внештатно корректором в двух издательствах. Вскоре я вышла замуж второй раз, за своего кузена, с которым мы были дружны в детстве, - Николая Баранского. Жить было негде, в Москве, как и повсюду, был страшный жилищный кризис. Жили

на даче его отца (брата моей матери), были стеснены в средствах (муж кончал аспирантуру), но жили дружно, были счастливы. Мать жила с нами.

Прописана она была у старшей дочери, в квартире мужа её, бывала там изредка. В 1937 году маминого зятя, мужа сестры, вызвали на Лубянку (теперь уже МВД), расспрашивали о матери, образе жизни, её знакомых, переписке и предложили давать о ней сведения. Он отказался, ему пригрозили и взяли подписку о неразглашении разговора. Конечно, он всё рассказал матери (мы обо всём узнали потом), и она тотчас же решила уехать из Москвы. Тридцать седьмой страшный год набирал силу, учащались аресты, вслед за репрессированными шли их родственники. Мама боялась за всех нас больше, чем за себя, хотя было ясно, что ей снова угрожает арест. "Повторники" лишались свободы, изымались из ссылок, шли в лагерь.

Для третьей, "добровольной", ссылки выбрали неплохое, как нам казалось, место – Крым, Ялту. Устроилась мама, сняв угол у полунисшей пенсионерки. В Ялте было плохо с жильем, комнаты стоили дорого. Мама жила сверхскромно, она была приучена к лишениям прошлой своей жизнью, запретила нам посылать ей деньги и посылки. На первое время мы уступили. Переписывалась она только со мной – до востребования. Все это были меры, охраняющие родных.

Когда я к ней приехала в 38-м году, выяснилось, что она под наблюдением тех, от кого хотела укрыться. Узнав это, запрет на посылки мы отменили. Самое тяжкое для неё была разлука с нами. Ей было тогда уже 66 лет.

Вскоре после маминого отъезда в Крым, мы с мужем уехали в Саратов, куда после защиты диссертации его направили на работу в университет. Наша дочка заболела костным туберкулезом и оставалась в Москве в клинике. Мне приходилось ездить в Москву, я не могла работать. Неожиданно в Саратове вскоре после переезда меня взяли под наблюдение. Агент наводил справки обо мне у вахтёра, а затем за мной таскались около месяца уличные "топтуны". Было ли это следствием моей поездки к маме или нечаянной встречи в Москве с В. М. Л. - не знаю.

В 1939 г. умер мой отец, мы решили вернуться в Москву. В 1940 году у меня родился сын, названный по семейной традиции тоже Николаем. Мама, отбыв три года добровольной ссылки, вернулась. Жили мы в разных местах, но мама приезжала к нам почти ежедневно - помогать.

Весной 1941 г. мы соединились на даче Баранского, как когда-то. Прошло два месяца - началась война. В июле мой муж ушел на фронт, а осенью мы с матерью и двумя детьми уехали в эвакуацию (Саратов, затем Алтай).

В 1943 г. в алтайском селе Новая Белокуриха я получила извещение о гибели мужа на фронте под Карачевым, на Курской дуге. В ноябре мы вернулись в Москву. Меня с двумя детьми приняла жена отца О. А. Розанова, мать вернулась к сестре Людмиле.

Горе своё я старалась заглушить работой: поступила в аспирантуру на филологический ф-т МГУ, работала по договору в Литературном музее. Конечно, я не могла бы работать и учиться, если бы нам не помогала мама. Отец

мужа Н. Н. Баранский поддерживал материально, на детей дали пенсию. Но все равно мы жили очень бедно, в страшной тесноте коммунальной квартиры, в одной перегороженной комнате с железной печкой, окном, забитым фанерой. Жизнь была скудна, трудна и оставалась такой еще долго после конца войны.

Справиться в срок с аспирантскими заданиями и экзаменами я не могла даже при снисходительном ко мне отношении, и на втором году была отчислена из очной аспирантуры, а значит лишилась стипендии (700 р. дореформенными деньгами). Перешла в штаты Литмузея научным сотрудником (690 р.). Все же, работая, я сдала оставшиеся кандидатские экзамены и в течение трёх лет написала диссертацию ("Русское народное творчество и сатирические журналы 1760-1770 гг."), но защитить ее не смогла, т. к. перешла на новую работу, которая не оставляла мне времени.

В Москве в 1958 г. организовался музей Пушкина (ГМП). Мне предложили руководить созданием экспозиции этого музея, заняв должность заместителя директора по научной части. Интересная работа, позволившая мне осуществить новые принципы литературной экспозиции, привлекала меня, а значительное увеличение зарплаты позволяло выйти из трудного материального положения (в этот год кончился срок пенсии на младшего из детей и одновременно перестал помогать отец мужа). Существенные части моей диссертации были опубликованы в научных изданиях, но кандидатской степени у меня нет.

Работа в музее, в котором все надо было начинать сначала, меня увлекала. В эту рабо-

ту я вложила весь свой опыт, всё, что смогла перенять от своих учителей в музейном деле — Н. П. Анциферова, Н. П. Пахомова, — отдающих первенство документу и объективному, не тенденциозному показу материала. Работая впервые самостоятельно, я старалась противостоять "вульгарному социологизму" в музейной экспозиции с приматом "идейно-образного показа литературы", служившим по сути идеологической монополии в культуре. Экспозиция музея была отмечена как новаторская, да так и не менялась после моего ухода из музея в 1966 г.

А уход из музея был добровольным только формально, по сути же меня удалил из музея директор его для которого я была излишне самостоятельна и в чём-то неудобна. Не забыл он, конечно, и то, как в 1958 г. я не явилась на организованное им собрание коллектива, осуждавшего Пастернака за роман "Доктор Живаго", а на следующий день отказалась подписать протокол этого собрания. Мой отказ уберёт музей от этого срама, т. к. протокол, не подписанный мной, не вышел из стен музея.

Но в 1966 г., когда я уже не была для директора так необходима по работе, в ситуации близкой, но иной — после вечера памяти Ахматовой и приглашения на вечер И. Бродского (не как выступающего, а как зрителя), я была осуждена. Было создано целое "дело" вокруг просьбы коллектива к Бродскому — выступить с "закрытым" чтением в музее. К этому прибавился второй проступок: в небольшой экспозиции к вечеру в фойе была показана фотография Ахматовой с Гумилевым и их

сыном Левой. Приглашение крамольного поэта (хотя он и выступал в это время в других местах), фотография другого поэта, расстрелянного и "запрещенного" - дали материал к обвинению. "Судилище" длилось целый месяц - на партбюро, затем на общем собрании. Никто из сотрудников не сказал в мою защиту ни слова, все боялись, никто не призвал к прекращению этого доморощенного процесса, впрочем, опирающегося на привычные методы процессов иного масштаба.

Мне было нелегко переживать такой обидный конец служения музейному делу и Пушкину. У меня начались приступы стенокардии, и я подала заявление о выходе на пенсию, хотя я была еще полна сил и могла работать.

Меня неофициально и почти тайно проводили сотрудники, так и не высказавшие своего отношения к "делу о...".

Довольно скоро в моей жизни произошел поворот, который я склонна считать чудом: я начала писать прозу (до этого писала только статьи). Из четырех рассказов, принесенных в конце 1967 г. в редакцию "Нового мира", Твардовский лично выбрал два (№ 5/68), а через год в "НМ" вышла моя повесть "Неделя, как неделя" (№ 11/ 69).

Повесть имела шумный успех, но я осталась как-то в стороне от успеха и от литературной среды. Вопреки прогнозам редакции "НМ" двери журналов передо мной не распахнулись. После публикации рассказа "Отрицательная Жизель" в "Юности" (1971 г.) начались сплошные отказы. Повесть не была одобрена "верхами", Демичев на собрании партактива Москвы определил публикацию повести как ошибку идеологиче-

ского контроля, кто-то из работников ЦК, как мне рассказали доброжелатели, высказал ценное суждение: "Она должна была написать докладную записку о трудном положении женщины".

Я продолжала работать и считаю, что лучшие мои рассказы, а это мой любимый жанр, были написаны в 70-е гг. В 1973 г. вырвался в свет еще один рассказ - в журнале "Звезда" ("Пантелеймон, Пантелеймоне"), а затем меня "приютил" альманах "Сибирь" (Иркутск), за что я благодарна В. Г. Распутину и Б. Ф. Лапину. В 70-е гг. нигде более, кроме "Сибири", меня не печатали.

В эти годы начала широко переводиться и издаваться на Западе моя повесть "Неделя..." (США, Швейцария, Дания, Норвегия, Швеция, ФРГ, Франция, Италия). В Дании вышел также сборник, в Париже большой сборник, включавший и ранее изданную повесть и ряд рассказов.

С французского сборника начались мои непосредственные контакты с переводчиками, встречи и интервью с журналистами и писателями разных стран.

Однако ни мои личные контакты, ни успешная деятельность ВААП по распространению моих произведений за рубежом не могли снять тревоги и обиды, которую вызывали непрекращающиеся трудности с публикацией и изданием в Союзе.

В 1977 г. вышла моя первая книга в изд-ве "Молодая гвардия", предложение было сделано редактором отдела литературы для подростков, Е. В. Калмыковой, взявшей на себя всё "проведение" рукописи по инстанциям. Издание тянулось пять лет (72-77 гг.), повесть "Любка" не

проходила, я дважды переделывала конец, сознавая, что порчу вещь, но пытаюсь спасти и не испортить совсем. Наконец, моя первая книга в СССР вышла (тираж 100 тыс.), но все же это был сборник для юношества, "Неделя..." в него даже не включалась.

В те годы у меня сложилось убеждение, что чем больше внимания мне оказывают за рубежом, тем неприязненнее относятся наши редакции и издательства. Как объяснить это отсутствие интереса к писателю, которого любят читатели, хотя и обходит пресса? Вероятно, объяснить надо не только общими бедами застойных и постзастойных явлений, но и какими-то личными пристрастиями.

В 1976 г. я отдала в изд-во "Современник" сборник - две повести и двадцать рассказов. Несмотря на две положительные рецензии, рукопись завязла в какой-то трясине: договор всё откладывался, меня обманывали, назначая разные сроки, началось повторное рецензирование, явно в поисках отрицательного отзыва, но один из рецензентов перестарался и высказался в некорректном тоне, а другой оценил рукопись даже выше, чем предыдущие доброжелатели. Издательство явно хотело от меня избавиться, но избегало прямых действий, а вело тактику отговорок, обманных обещаний и проволочек. Это длилось три года, и, наконец, я не выдержала и обратилась с письмами в ЦК КПСС и Госкомиздат. В ЦК написала о ненормальной ситуации, когда ВААП усердно способствует продвижению за рубеж, а в России меня, русскую писательницу, издавать избегают. После этого, на пятый год мытарств, книга вышла почти без редакционных придинок ("Женщина с

зонтиком”, 1981). Однако была снята повесть о Н. Н. Пушкиной “Цвет темного меду”, опубликованная в “Сибири” в 1977 г., как не соответствующая современной тематике сборника.

В 1979 г. я была принята в Союз писателей. Не без раздумий решила я вступить в СП. Много в его деятельности (исключение ряда писателей) вызывало мое осуждение. Но ненормальное положение с изданиями моих сочинений, вернее, даже безвыходность этого положения, вынуждала меня принять это решение. Прекрасные рекомендации, данные мне такими писателями, как Распутин, Благой, Цявловская и Старикова, не защитили меня от голосов “против”, но их было немного.

И до периода гласности все понимали, кто, как и какими писаниями (или деятельностью) выслуживался до высокой чести и больших привилегий, из коих главная – издания и переиздания в неограниченном количестве, независимо от читательских оценок и успехов реализации. (Естественно, речь не о популярности подлинных талантов.)

Вероятно, в этих условиях выглядит нормальным полное невнимание СП в течение 10 лет к моим творческим делам, к отношению с издательствами или журналами, к условиям жизни. Здесь кстати сказать слово благодарности Литфонду, который оказывает большую поддержку писателям, не избалованным материальным успехом, частыми изданиями и бытовым комфортом. Без Литфонда мне жилось бы гораздо труднее.

После первых публикаций в “НМ” меня правомерно считали “новомировской” писательницей (так и называли во внутренних рецензиях,

хотя не столько в похвалу, сколько в предостережение). Это можно было отнести к моим повестям и рассказам на современные темы. Но и повесть о Н. Н. Пушкиной, законченная в 1976 г., с трудом пробивалась к читателю. Не соглашались редакторы центральных журналов с моим желанием рассудить объективно, какова степень вины Н. Н. Пушкиной в трагедии.

Повесть напечатал опять же альманах "Сибирь", приняв ее безоговорочно (тираж 12,5 тыс.). До включения повести в сборник "Портрет, подаренный другу", Ленинград, 1982 г., она практически оставалась неизвестной. Переведена же она только в ФРГ и Голландии. Мне жаль, — я считаю эту вещь одной из лучших.

"Портрет...", сборник моих произведений о Пушкине — единственное издание, вышедшее в нормальных условиях (два года и без трений). С выхода этой книги (1982 г.) мне не удалось ничего опубликовать или издать вплоть до июля 89-го. Целых семь лет!

И по сей день для меня остается загадкой, почему меня не хотят печатать на родине? Четыре книги в СССР и 20 изданий на 12 языках в странах Европы. В чем же дело? Если кто-нибудь из критиков даст себе труд объяснить это, я буду благодарна.

В 1981 г. я начала работать над романом "День поминовения". Вдовы, потерявшие мужей на войне, едут к могилам погибших через 25 лет после Победы. Они вспоминают прошлые тяжкие годы, когда маялись с детьми и тревожились за своих мужей. Вспоминают и более ранние, молодые и счастливые свои годы. Роман я назвала "День поминовения", такой сложился

у нас в народе обычай - в мае, в день Победы, вспоминать погибших, навещать могилы, даже далёкие. Чередование воспоминаний во времени и пространстве военных лет рисуют в романе панораму войны. Не фронтов войны, но тылов ее, не крови, но слез. Как отметили рецензенты, язык романа богат, в нём сочетаются традиции чистого литературного языка с просторечием и народным поэтическим словом.

Прошу прощения за эту аннотацию, но без нее неинтересно будет читать историю издания романа, которую я должна рассказать.

Четыре года работы над романом, - нелегкие личные воспоминания тех лет, переживаемые вновь, и наконец пять лет "издания", - т. е. борьбы за издание, составили такой серьезный кусок моей жизни, что в автобиографии он достоин особого места.

Рукопись была сдана в изд-во "Советский писатель" в июне 1984 г. Первые мнения разошлись: А. Зеленев оценил роман высоко, О. Резник почти забраковал (правда, не обосновав достаточно и многое не поняв и перепутав). Затем началось прохождение по издательским инстанциям. Мне следовало отреагировать на рецензии, я это сделала, по возможности осторожно, не подчиняясь во всём, но считаясь с теми замечаниями, которые совпадали (смягчила "непроходные" места). Затем последовала рецензия В. Сурганова, вполне благоприятная и наиболее профессиональная из всех данных на рукопись отзывов.

С тремя рецензиями рукопись пошла к редактору Е. Л. Скандовой. Она потребовала в своем заключении изъятия всех подцензурных моментов: голода 1933 г., репрессий 1937 г., о

которых говорилось немного, "церковных" мотивов, начиная с названия романа, предложила изменить композицию, которая ей не нравилась, повела борьбу против образности языка и непонятных ей, несовременных, слов и оборотов речи.

Принять предложения Скандовой значило погубить роман. Работать с невежественным редактором, к тому же с амбициями, я не могла и дала мотивированный отвод с просьбой заменить редактора. Отдел прозы мое пожелание не принял, переадресовал меня в главную редакцию. С болью уступила я название, заменив его бесцветным словом "Ожидание", но я понимала, что, передавая рукопись в высшую инстанцию издательства с прежним названием, я сразу же провалю дело. Рукопись пошла к консультанту главной редакции - Т. Медведевой. Через два месяца последовало её заключение, которое мне не дали прочитать даже на месте, в издательстве, а главный вывод заключения я узнала лишь в усеченном цитировании через несколько месяцев. Пока же мне главный редактор сказал, что консультант главной редакции солидарен с редактором Скандовой, и я либо принимаю их замечания и перерабатываю роман, либо забираю рукопись. Тогда я, по совету друзей, попросила время на доработку, а сама стала искать скрытых обходных путей для замены редактора более квалифицированным и доброжелательным. Помогающие мне люди, казалось бы, договорились и назвали два имени, им обещанных. Однако дали другую - Леонову, не имеющую своего мнения (я долго домогалась у неё, что она думает о прочитанном романе, и наконец

услышала два слова: "это бесперспективно"). С редакционным заключением Скандовой т. Леонова согласилась. Круг, таким образом, замкнулся. Но тем временем, пока крутилась в этом порочном круге моя рукопись, несколько изменилась общественная атмосфера. Вышел роман Айтматова "Плаха", религиозные мотивы начали пробиваться в литературу. Вывод, которым кончалось заключение Медведевой: "Таким образом, хочет или не хочет этого Баранская, роман её является религиозной пропагандой", уже терял свою убойную силу. Были ли в ее отзыве еще какие-либо уничтожающие доводы, не знаю, - прочитать не пришлось, т. к. заключение было снабжено грифом: "Для внутреннего использования"(!).

Убедившись, что т. Леонову назначили мне редактором для отвода глаз, а не для работы, я дала "бой" в отделе прозы зам. заведующего т. Тихоненко. В этом нелегком для меня разговоре, где пришлось коснуться и прошлого издательского опыта, я заявила, что рукопись обратно не возьму, что начинать всё сначала по прошествии трех лет не могу, что борьба будет продолжена, но теперь уже на более высоком уровне. Ответ был таков: попробуем найти третьего редактора. При желании это можно было понять и так: я очень капризна, найти желающего со мной работать будет нелегко. Признаюсь, я не верила, что т. Тихоненко действительно даст редактора, не ориентированного на одну лишь идеологическую цензуру.

Однако такой редактор через несколько месяцев нашелся - Н. Б. Комарова, с которой мы благополучно и в согласии, не считая некото-

рых частностей, довели роман до издания. Книга вышла в июле 1989 г. в оформлении художника Ирины Гусевой и в достойном, хотя и скромном, полиграфическом исполнении. В книгу включена и моя первая повесть "Неделя как неделя", в которую я вернула частично текст, снятый в 1969 г. в редакции (с моего согласия).

За время, пока "издавалась" книга (1984-1989), я обратилась с рукописью романа в редакцию двух журналов "Октябрь" и "Знамя", но оба отказались. Потерпела я неудачу и с другими своими вещами: повестью о провокаторе ("Автобус с черной полосой" - в "НМ", "Знамени") и несколькими рассказами (в тех же журналах).

Жаловаться на отказы, конечно, не принято, но я скорее сетую на судьбу. Понимаю, что не могу соперничать со многими талантами, с тем, что появилось из отвергнутого ранее, острого, интересного. Но вижу также, как появляются вещи, гораздо более слабые, чем мои. Тогда чувствую себя, как человек, выпавший из лодки. Сравнение это, увы, не помогает найти причину.

Один из добрых знакомых, зам. главного редактора "Знамени" В. Я. Лакшин, утешая меня, сказал, что сейчас "эра документальной прозы". А я с тоской думаю, когда же у нас настанет эра свободного разнообразия в литературе? Или не преодолеть нам печальной склонности к единому, определенному и, главное, определяемому руслу? И будут опять и опять распределяться места на журнальных страницах и в издательских планах, - ведь бумаги-то не хватает! - по принадлежности к "ведущему"

направлению, по актуальности темы и проблемы (как было и ранее, но с обратным знаком).

Видно, пока мы не выйдем из бедности, из нескончаемого бумажного дефицита и полиграфической немощи, так и будут определять имеющие власть в печати, кому дать зеленую улицу, а кого загнать в тупик на стоянку.

Устала я, нет у меня сил продираться сквозь заслоны, каковы бы они ни были в разные "эры". Что ж, пусть "День поминовения" будет моей последней книгой. Жаль, конечно, того, что не напечатано, есть и хорошее среди этого. Жаль, что не могу пока перестать писать. Вот опять у меня появляется рукопись, опять я взялась за новое для меня дело - автобиографическую прозу (повесть о моей матери)*.

Посмотрим, как примет читатель мой роман, да и дойдет ли он до читателя - тираж всего 30 тысяч. Знаю, что продавался он в Тракае, в Великих Луках и... в Нью-Йорке (купили мои знакомые). Буду надеяться, что есть у меня друзья-читатели, которые поймут и примут роман.

В заключение о литературной деятельности немного "статистики". За 20 лет работы написаны - 30 рассказов, шесть повестей, роман и несколько очерков. За рубежом более других оказали мне внимание в Дании, двух Германиях, Голландии и Франции. Это не только переводы, но также интервью в печати и на ТВ и несколько заметок в разных изданиях. Всякое внимание к себе я ценю и за него благодарна.

* "Семейный альбом".

Разумеется, я не живу одними литературными интересами. Судьба всей моей страны, моей родины, России, тревожит меня очень. Это тоже часть моей биографии. Принесет ли перестройка коренные изменения, вылезем ли мы из этого провала, в который завела нас диктатура партии и идеологическая монополия? И когда вылезем? Я не политик, может быть в чем-то наивна, но считаю, — для народа неважно, каков государственный строй. Важно, чтобы он был человечный, чтобы можно было жить свободно. Человеку необходимы три свободы: свобода трудиться (работать по своему выбору, обеспечивая себя), свобода передвижения (выбор места для жизни, поездки), свобода дышать (открытый мир духовных ценностей). Всего этого мы были лишены 70 лет, что и привело к нравственному одичанию.

Я понимаю патриотизм, как любовь к отечеству, русской культуре, родному языку, но без всякого ущемления прав других народов, при полном уважении к их патриотизму. Все проявления национализма — шовинизм, антисемитизм, которые поддерживались у нас и на уровне власти, и прессой в различные годы, вызывают у меня отвращение, как, впрочем, и другие формы дикого невежества.

Винить наш народ в невежестве и одичании трудно. Бывшая 70 лет у власти партия мало заботилась о просвещении и образовании, заменив то и другое политической агитацией, пропагандой коммунистической идеологии, фальшивыми лозунгами (типа "Народ и партия едины") и подстегивающими призывами (типа

”Вперед, к победе коммунизма”). Все это мы получали в таком невероятном количестве через все средства массовой информации, что это стало вызывать естественный протест, отторжение – у одних, но всё же отравляло других, более инертных и косных.

Воспитание жестокости, начиная с разжигания классовой ненависти, а также условия постоянного дефицита и борьбы за кусок (кто раньше успеет схватить) привели к глубоким деформациям психо-физического порядка, к вырождению человечности. Пострадала семья, основа здорового общества, ущербными стали естественные человеческие чувства – супружеские, родительские, родственные. Страдает природа, которую загаживают и просто убивают без всякой жалости. Перечислять можно еще и еще: гибель культурных ценностей, потеря здоровья детей, рост преступности, алкоголизм... Все это бередит душу. По возрасту я уже не могу принимать активного участия в перестройке, а если и могу, то на каких-то ничтожно малых участках нашей жизни. Но утешаю себя мыслью: может, слово мое, пробиваясь изредка к людям, тоже что-нибудь значит.

У меня немалая семья. И как было признано во время переписки, я – глава семьи. Дети – дочь, сын – давно взрослые, внуки растут и мужают, появилась правнучка. Со мной живут дочь с мужем и сыном. Те, кто не живет со мной, тоже в кругу моих забот и внимания. К сожалению в нашей большой семье не все здоровы. Живем мы дружно и стараемся поддерживать друг друга. Сын мой – Н. Н. Баранский – комментатор ЦТ, дочь Т. Н. Лаппалайнен – ст. редактор Института информации (ВИНИ-

ТИ), внуки – один математик, другой журналист (работает помощником режиссера в ТЮЗе), остальные еще малы.

У меня есть дорогие мне друзья – еще со студенческих и школьных времен. К сожалению, наш возраст несет уже частые утраты. Моих друзей знают и любят все в моем доме.

Вероятно, моя жизнь и жизнь детей сложилась бы по-иному, если бы не погиб на войне мой муж, гвардии капитан Н. Н. Баранский, географ, кандидат наук, и главное – прекрасный человек. Но жаловаться на свою судьбу не смею.

Все же было мне дано в моем горе утешение. Благодарю Бога за то, что обрела радость в литературном труде, за то, что смогла не говорить лживых слов, что не вредила ничему живому и никогда никого не предавала. Жизнь моя была тяжела, немало, вероятно, накопилось в ней грешного, но все же не прижимала меня эта тяжесть так, чтобы искалечить. И если я проживу до конца достойно, то опять же благодарю за это Бога.

Москва, 1989 г.

Избранные места из переписки с волей

Чистополь 1985. 10. 22

Спасибо за вести об Ире¹. Очень, очень рад, что моя просьба фактически выполняется. Спасибо вам всем. Об экспедиции² знаю; правда, не об этой, по-видимому, а о предыдущей какой-нибудь. Думаю, ей лучше в экспедициях, чем "среди многих"³, пишется. В той во всякой хорошо, как я понял, писалось. Клянюсь им с Игорем низко.

Книги все получил. Лежу Мережковского читаю, Аверинцев предстоит. Ур-р-вяу. Очень Чистополь Лефортово начинает напоминать, колокола только, жаль, не слышны. Спасибо, спасибо.

Так, значит, народ у вас там пьет всё еще. Ну-ну. У нас тут тоже еще не искоренено до конца, недавно по радио председатель колхоза опытом делился, как он на все свадьбы лично ходит и потребление населением спиртного контролирует. Так что Красная книга Казанской губернии Зеленому Змию тоже пока не грозит. За поговорки спасибо, большое получил удовольствие. Воистину неистребим народ. Новых жду

/.../

Местные новости. Перевод получил, спасибо. Кроме того, заверили и отправили С. О. мою уверенность.

А теперь к Таниному⁴ письму перехожу. Спасибо им с Машей⁵ за поздравления с Покровом Богородицы. Храни их Господь и Пресвятая Дева.

По поводу заочной исповеди, она для меня абсолютно нереальна, для этого не мой дар покаяния нужен. Мне кажется, в этом есть что-то от индульгенций, в которых в идеале ничего ведь дурного, а в реальности нашего грешного мира они, по-видимому, действительно превратились в то, о чем возрожденцы всякие пишут. Кстати, насчет покаяния в самом общем виде, прямо по заповедям. Таня знает, наверно, что Иоанн Кронштадтский умел проповедью убедить паству, что каждый из нас нарушает все десять. Нет, это для меня, к сожалению, невозможно.

Ну, а теперь обратно, к моим, как ни крути, страданиям, коим Таня, оказывается, еще и завидует. Подход, конечно, общественно-полезный, ничего не скажу. Вот выйду, буду сидеть на какой-нибудь диссидентской кухне, селедкой зажевывать и хозяина раскалывать на очередную, пока магазин не закрылся. А то мы там за вас, за народ, пострадались, так надо ж теперь и отдохнуть. Ладно, надеюсь, Таня не обидится, это не про нее, понятное дело, просто поюродствовать захотелось. Больше не буду. Ур-вяу!!

А в Иовы я не лезу, какой из меня Иов. Разве что-нибудь Николая Всеволодовича⁶ вроде...

Трактовка с друзьями-утешителями мне кажется современно-гуманитарной. Пусть Таня перечитает. Вроде бы все очевидно (как и понять по-другому?), а на самом деле не так. "...человек рождается на страдание..." - это хотя и утешение, конечно...

"...Любите боль, она напоминовение..." - свою, подразумевается, так ведь? - Нет, совсем не так. Потому что "спасение миру единое предлежит" (св. Иоанн Златоуст). И "всякий огнем осолится" (от Марка, 9, 49), и костер единый горит, он же собственный, он же и брата твоего. И в этом святость и духовная полнота Инквизиции.

Я тут часто по разным поводам Нобелевскую речь Камю вспоминаю. Он говорил, как Ницше, создавая "Заратустру", разводил в горах огромные костры и долгими часами глядел в огонь. А дальше так примерно: "Я хотел бы проверить на его кострах всю нашу литературу: много ли бы осталось от нее?" - Это про другое, правда, но, впрочем, всё про то же...

"Страдание - конь, быстрее всех приносящий нас к совершенству". - Кто-то из средневековых немецких мистиков, Эккарт, кажется. Очень я понимаю Вл. Соловьева, который всю жизнь католичеством болел...

А то, что Таня пишет о неуловимости главной дряни в себе - о! понимаю хорошо. Может, в том-то и дело всё, что ее - даже и *нету!* Хорошо бы какую-нибудь локализацию сатаны, пороком большим, к примеру. Очень удобно, в духе прогрессивного романтизма. Но чёрт давно в пиджачке и с насморком, ничего уж тут не поделаешь.

А про "боль грешников" - ну, что скажешь? Будь я в Москве, я б на Таню мяукнул и птицей Рух покричал...

Да, впрочем, говорить и не надо ведь ничего, разумеется. Я о них молюсь.

И что меня вверх "выжимает" - не так. Апокриф. Ну, пусть не прямо вниз, правда - от суеты и быта я, слава Богу, избавлен. Но куда-то в мертвую полосу, "по ту сторону" "человеческого, слишком человеческого". Ближе ли это к Нему? Не знаю. Чтоб точно было ближе, очень много крови надо, вот как у базельского профессора⁷ у самого.

О молитве об отнятии дара видения я не знал, но когда такие вещи узнаешь, кажется, что иначе и быть не может: очень уж естественно для православия. Загордиться я вряд ли загоржусь: слишком почувствовал, что "не много имеешь силы" (Откр. 3, 8). А вот с нечистью дело хуже, это ведь не только глобально-исторический смысл имеет, что "многие придут под именем Моим" (Матф. 24, 5). (Вспомнил, как я это Сергею Витальевичу⁸ цитировал, когда мы с ним о христианском социализме говорили. Пусть Таня не обижается на такое соседство: человек он вполне неплохой.) Так что, знаю я это, чувствую, про "Свет, который в тебе..." Но что из этого? Я хорошо знаю, что молиться об отнятии этого я не мог бы, не молитва была бы, а сплошное лицемерие. Что делать? Такая молитва - та степень совершенства, которую я даже и представить себе не в состоянии.

Да и есть ли вообще-то разница между видением и реальностью? (Что вообще сия последняя означает?) Конечно, такие словеса - ква-

зифилософский блуд. Пока не начинаешь их ощущать. А я последнее время именно все сильнее ощущаю полнейшую бессмысленность "коллективного опыта", равно как и любого иного критерия истины, кроме Книги. (Кстати, вот это Таня знает: "Материя есть объективная реальность, данная нам Господом в ощущении"?)

Теперь насчет "продай одежду..." Мне кажется, это надо понимать так. Вначале мира должна коснуться благодать карающего меча, на что прямой приказ Божий. Рабы "сил, начальств и властей", рабы материи должны быть обращены в рабов Божиих через материю: воззвать к их душе возможно лишь через ухо их плоти, иного способа наша греховность не оставляет. Для этого и двух мечей довольно, с именем Его иди в схватку, не страшась ничтожества своих сил. (Эта тема через весь Ветхий Завет проходит, от Книги Иисуса Навина (23, 5-10) до Книг Маккавейских (например, Первая Книга, 3, 18-22).) А потом, когда ухо Малха уже отсечено, Господь прекращает брань. Причем никак не осуждая ее; Он просто говорит: "оставьте, довольно". Потому что полнота исцеления придет не от меча человеческого, а от меча уст Его. "Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он посетит их жезлом железным..." (Откр. 19, 15). Но это уже в конце времен.

При не столь расширительном толковании то же самое получается. Именно, на Крест Сына - прямое изволение Отца, поэтому для человеческой воли свободы не оставлено. Но даже и в этом случае оказывается все-таки нужен меч.

А за книги... Вот и опять со мной будет смерть великого Пана⁹. И никуда от вечной

европейской темы не уйти. Как хорошо. И "Мистерии". Их Юля очень любила¹⁰. Молитесь там, ладно?

Может, и Ницше переслать удастся? Четыре года назад он в букинистических магазинах появлялся, его принимали. Особенно "Метафизику искусства" хочется перечитать, она в 1 т. Полного собрания есть.

Пусть Таня Володе¹¹ привет передаст обязательно. И Лёше. Все-таки.

Теперь о сокрытии безобразного, тоже для Тани. Начать надо, разумеется, с Евреев. Избранному Богом народу нематериализуемость Сущего была заповедана как необходимое условие Его познания, так что проблема сокрытия даже и не стояла. Но другие народы были своим несовершенством принуждены к низведению нумена в феномен. Им не была дарована возможность сорвать завесу материи, с другой стороны, они чувствовали (сила этого чувства зависела от их религиозного потенциала), что материя - именно завеса между нами и вечностью. От абстракций к примерам. Египтяне закутывают статуи в покрывала, т. к. знают, что истина перестает быть истиной, когда с нее сдирают кожу. (А скоро любознательные юноши придут воровато прокрадываться в храмы, чтобы добраться до Изиды, раздеть ее и познать, - и вот уже начало рационалистической цивилизации...) Другой пример - индусы. Они поклоняются целому сонму демонов, но подлинно-религиозной интуицией прозревают их небожественность и ощущают, что Сокровенное сокрыто от их идолов в еще большей мере, чем от них самих. "Кто видел это на вышнем небе, тот воистину знает. А если не знает?.."

(Это о сотворении мира, из "Ригведы".) Скандинавы. При поверхностном рассмотрении Валгалла кажется ухудшенной материализацией Олимпа. Но высшей точкой религиозного развития мира являются не ее "славные битвы и пиры", а Ничто. Потому что после времен сорвавшийся с цепи волк Фенрир сожрет солнце, проглотит луну, ты *окончательно* погибнешь, сражаясь рядом с Вотаном, и "ничего больше не будет"*.

Полутонов здесь (в "Эдде") нет, и поэтому все кажется грубым, хотя и великим, конечно. Но это не так, грубая выпуклая оболочка лишь способ сокрытия, она прячет под собою последнее Небытие – подлинный источник пессимистического вдохновения и силы. О конце же мира не знают даже Вотан и Фрея, а лишь Фенрир, таким образом, последнее сокровенное познание даровано лишь злу. То есть: викинги интуитивно прозревают ущербную диалектичность бесовского сонма (как и индусы), в котором познание и порочность изначально сопряжены. Так же у персов, у которых мудрый маг рождается лишь от кровосмешения. Образ противостественной мудрости перекочевал к грекам (как и вообще многое с Востока), именно, в миф об Эдипе. Плата за разгадывание загадок Сфинкса: женитьба на своей матери и отцеубийство. Перейдем к грекам. У них фактически была теория дедекиндовых сечений, т. е. то, до чего наше фаустовское мышление дошло лишь в конце прошлого века. Но замкнутую конечную

* В "Младшей Эдде" есть и прямые пророчества о последующем Воскресении. Но оно за пределами постигаемого Бытия, потому они к нашей теме не относятся.

гармонию греческого духа ужаснула разверзшаяся "дурная бесконечность", и интуитивные глубины народного метафизического мышления выработали противоядие. Пифагорейцы ужаснулись, закопали таблички и поклялись вечно хранить свое открытие в тайне. Другая легенда*: боги погубили открывшего V2 в кораблекрушении. "Неизреченное и не имеющее образа да останется сокрытым".

Все эти феномены, и с гораздо большей силой, в христианстве. Сокрытое явилось, "Слово стало плотию" именно и только вследствие снисхождения Всевышнего к нашему убожеству. "...мене ради окаянного в тленную плоть оболкйся..." Но главные таинства Божии остались непознаваемыми. Разработанное до совершенства христианское богословие пришло к выводу о принципиальной непостижимости основных проблем: триединства Господня, свободы воли и т. д. "И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего" (Откр. 10, 4). По-моему, символично, что самой непостижимой из Книг Библия и завершается. Дальше - всё. Человеческому познанию положен предел. Впрочем, о христианстве не буду, т. к., во-первых, знаю недостаточно, наверняка гораздо хуже Тани, а главное - не хочу ставить христианство в один ряд с несовершенными прарелигиями.

Ну, вот. Как видите, только убогий концепт "Лекций по иррациональному познанию".

* См. "Закат Европы" (Шпенглера).

Если разговоримся, что-нибудь еще получить-ся может, хотя без книг трудно. Кстати, специально этим не затрудняйтесь, но если подвернется что по прарелигиям, буду очень рад. Вместо утопистов.

Вот и всё пока. Храни их Господь. Я молюсь о них всегда.

1986. 01. 12

Сны мне тут странные и удивительные снятся. Будто возвращаюсь я из Крестового похода. Королевство Иерусалимское пало, и империи Романской больше нет, ну, и пришлось вернуться. А дома тоже ничего нет. Леса на бумагу для прокламаций лютеранских вырубили, турниры запретили (да и некому уже...), башни и замки срыли, а потом и рвы засыпали, чтобы ходить не мешали. И людей уже не осталось, ни монахов, ни крестьян, ни рыцарей, одни только горожане, население. И драконы со скуки все вымерли, один Зеленый Змий по городу ползает. Большой такой и толстый, голова из переулка показалась, а хвост в него еще не заполз. А население с ним коллективно борется и пиво безалкогольное на троих пьет.

Ну, ладно. Не обращайтесь внимания. Это все злой карла Лены и Заратустры, он ведь и мне подчас докучает, "дух тяжести, главный демон мой", чего уж скрывать. Он и вправду главный, обратите внимание на порядок: "отжени от мене смиренного и окаянного раба Твоего уныние, забвение, неразумие, нерадение, и вся

скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего; и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен". Молитвою и отгнан буди — ничем иным.

1986. 03. 26

Ардисовский сборник переписывать не нужно, спасибо. Прекрасный, правда? (Не помню, в котором из "близнецов" "Колыбельная трескового мыса": в "Конце прекрасной эпохи" (скорее) или в "Части речи". Но хороши оба.)

И Ирины¹... Они и с первыми беззащитными срывами были бесконечно своими. А теперь... Что-то умирает, конечно, но для нее и это — не страшно: у такой и умирание не в гниль, а в кровь претворится...

Старые ее стихи переписывать не надо. Я вообще-то, что редактирую, имею привычку неплохо запоминать. Новые давайте!

И Танино⁴ письмо от 1986. 03. 10.

Спасибо за поздравления. И за "Следы в зиме...". И за "Моление о меркнувшей звезде..."¹². Спасибо.

А какая это "Строка из Иоанна"? Мне очень стыдно, но...

Про янтарь всё не так. Пусть Таня в название вдумается, у Ницше в лучших местах все не случайно и совершенно точно: "Книга, ставшая..." Это другое ощущение, никаких "оконлиц-разговоров" в нем нет, все пусто, свободно от материи, нет ничего, только "чистый горный воздух и дух, исполненный радостной

злости". Конечно, все это невозможно понять по кусочку, который я оказался единственно в состоянии процитировать; но даже его, мне кажется, мог написать только тот, кто "жил среди народов чужой им по языку, закрыв уши", и всю жизнь прислушивался к тишине... И в то же время это очень христианская, внутренняя философия, в ней сумерки "непосредственно данного" мира, соблазна диаволова - лишь необходимая ступень. А за горизонтом - бесконечная тоска, вечное ожидание новой встречи, мира, который все равно вернется, но уже - "отблеском вечного Света". И это у него везде, вот и здесь, например. "Многого множества людского", человека (сосед который; или тоже ницшевское слово - "сочеловек") нет и в помине; но все-таки, в самом последнем счете: "...почти человеком". То же и в тексте, а не только в заглавии: в гимне Книги - кому же иному? - необходимейший аккорд, но необъяснимый при ортодоксально-"ницшеанском" подходе: "...и все-таки она не человек"... Впрочем, этот этюд я "хорошо помню, но забыл": отчетливо звучит в ушах, но на язык не ложится. Но без этой двоякости нет и "Заратустры". Например, эта глава, "О людской сволочи". Вот начало. "Полна жизнь источников вдохновения; но где пьет и сволочь людская, там все источники отравлены. Они бросали взор свой в глубину источника; и вот светится мне мерзкая их улыбка из глубины источника. Негодует пламя, когда они кладут в огонь свои сырые сердца; сам дух клокочет и дымится, когда сволочь приближается к огню". А потом - очень быстро! - естественный музыкальный переход в "противоположность": "Мое

сердце, в котором сгорает лето, мое короткое, знойное, грустное и блаженное лето – как тоскует лето – сердце мое по твоей прохладе...” Ладно, давлю себе на горло: когда начинаю Тане отвечать, висит обычно грозная опасность, что письмо останется неотправленным. А тут еще эта тема! Но даже и без залезания в дебри, уже эти поверхностно-очевидные феномены объяснение допускают, по-моему, лишь в русле классической христианской традиции.

То же и про Танины стихи. Я их “не люблю”, так сказать неверно. А просто все это, про “слишком человеческое” которое – чужое, иной ценностный мир. “Не ходи к людям, иди лучше к зверям: они ненавидят отшельников и тех, кто приходит с дарами. Слишком одиноко звучат шаги наши по их улицам; и когда на рассвете мы входим в город, они боязливо спрашивают за закрытыми ставнями: куда идет этот вор?”¹³ При всем этом “тоска по другу – наш предатель”¹⁴; но это уже совсем про другое...

А “Цветочки”¹⁵ опять в ностальгию повергли. Слишком своим пахнуло... Впрочем, ностальгия – это ежели по пространству. А если по времени – как?

О проблемах своего образования я уже написал. А можно ли мне “Об откровении”¹⁶ прислать... Мяу! Не “можно”. А совершенно необходимо!

Вот еще насчет “Заратустры”. Обращала ли Таня внимание, что он написан одновременно с “Братьями Карамазовыми” (точнее, первая часть – через полгода после окончания “Карамазовых”)? (О влиянии говорить невозможно, т. к. Ницше, хоть и называл Достоевского своим

учителем, читал его в переводах, т. е. познакомиться с книгой не мог успеть.) Таким образом, две величайшие книги Нового времени о Воскресении созданы в двух единственных духовных его странах одновременно. Как "совпадение"?

Близится время молитвы. Продолжу в другой раз. А почему Таня пишет: "Молюсь каждый вечер"? Ведь по канону молитвы о живых и о усопших совершаются утром. И это имеет глубокий смысл: утром человек возвращается в мир, а ночью остается наедине с Богом: "В руке Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой..."

Пусть Таня за упокой души Юлии¹⁰ молится. Я опять узнал недавно, что ей плохо.

1986. 03. 30

Продолжаю ответ на Танино письмо. Пусть она перечитает "Иудею"¹⁷ с "Цветами зла" в руках или с тем же сборником де Лиля, что у нас на шкафу лежит (тоненький, в сиреневой, если не запамятовал, обложке). И быстро увидит то, о чем я говорю; в языческом монументализме (особенно начала) - де Лиля, в бесплодном богоборчестве - Бодлера. Влияния мне кажутся несомненными, и на образную структуру, и на стиль. Только Генделев то и дело оказывается и многостороннее, и, главное, глубже. Поэт-то все-таки русский. Даже богоборчество у него - не самодовольный лоск, а горнило сомнений. Сложнее с Малларме, который, по-моему, несомненно значительнее Бодлера (о де Лиле я и не говорю). Его воздей-

ствие чисто литературное, и говорить без текстов я затрудняюсь (хотя и слышу, как мне кажется, ясно). Но за свои слова отвечаю и при встрече берусь их обосновать с Малларме в руках. Так что врубиться во французов и почувствовать их через мои отзывы Тане - увы! - удастся вряд ли.

Отношение св. Франциска к видениям несколько не удивляет. Иначе и быть не может, он же католик! У них совсем другое, наибольший грех - не впасть в соблазн, а в несовершении, в бездействии, в том, чтобы пропустить явление Божие. (Я, конечно, выражаюсь недогматически; но суть, по-моему, именно такова.) Жонглер Богоматери в Византии и России немислим и наверняка рассматривался бы как чудовищное кощунство; а для западного православия это типичный образ. Восприняты, в сущности, очень разные грани истины, и поэтому происходящее сближение невозможно переоценить, оно действительно знаменует собою близкое торжество дела Христова. И, как всякий мощный духовный феномен, это разное отношение к деланию, к земному проявляется буквально во всем. С миссионерством, например, и с завоеваниями понятно (для православия есть лишь то, что уже в Свете; а Запад - !); но вот момент более тонкий. Православие равнодушно не только к категории времени (действительно, по существу глубоко сатанинской), но даже и пространства. Вся устремленность - только к небесному! - и недостижимость православных высот признает сегодня и Святейший Престол. А здесь, на земле, - что осталось от могущественнейшего государства Средневековья, Византии?! На Западе же великое

Христианское Тысячелетие с предельной остротой чувствовало в моменте настоящего встречу Прошлого с Вечностью; а уж переживание пространства в фаустовском религиозном сознании! Из "Откровения..." - двуединого источника христианской эстетики - взято (опять-таки!) совсем разное. Византия: развита в высшей степени символика *золота*: слава - тяжесть - блеск (+ замкнутость, непроницаемость, отделенность). Готика: стекло, витражи (море света, распахнутость в бесконечные пространства...).

Ну, ладно. А то ведь где-нибудь через неделю уже и отправлять пора. Боюсь в эту тему заныривать... Завершу ее кличем Ордена Иисуса: "Для вящей славы Божьей!"

Ну, хорошо. Это всё пока. Храни их Господь...

С наступающими Праздниками, мои дорогие: вас, Таню, всех. Поздравление Ире¹ прилагаю.

Такая просьба, мамочка. Я здесь уже больше года, и могут начать доходить какие-либо слухи о первых периодах моего чистопольского бытия. Я прошу не обращать на них никакого внимания: все мои здешние дела, кроме математических, удалось наладить, а злопамятность христианскому воину не пристала.

Ленино письмо от 1986. 03. 25.

Пусть Лена¹⁸ простит, писать абсолютно невозможно. За окном совсем уже Нисан¹⁹. Скоро опять распнут.

Поздравляю²⁰ с Воскресением Господа нашего. Слава Ему за то, что Он никогда не оставляет нас дарами Своей свободы; что Он ниспослал тебе милость быть верной ей.

Пусть она и впредь вечно осеняет тебя. Я о тебе молюсь.

От души желаю также и прочего – если оно имеет еще для тебя какой-либо смысл.

Чистополь, 1986. 05. 15

О зубочистках договориться, увы, не удалось. Маникюрный набор тоже не положен. Электробритву можно выслать когда угодно.

Вот, мамочка, обещанный стих. "Да, мы не стали глубже или старше./ Мы говорим слова свои как прежде./ И наши пиджаки тесны все так же./ И нас не любят женщины все те же./ И мы опять играем временами в больших амфитеатрах одиночеств, / И те же фонари горят над нами,/ Как восклицательные знаки ночи". Дальше слабее идет, и не помню. Мне эти строчки никогда не нравились, хоть и бывали слегка близки. Может, действительно неплохо, пятая и шестая строки во всяком случае. Бродский второго периода все-таки (периодизация доморощенная). Но по этому стиху трудно еще опознать будущего автора "Полдня в комнате" и "Строф". Фонари у него давно уже не горят и слова ("свои") как прежде не говорятся. Истинное слово рождается из "безвидного и пустого", из небытия, оно, подобно своему Первообразу, Слову, само есть "столп и основание" создаваемого. "Когда снег засыпает море и скрип сосны / Оставляет в воздухе след глубже, чем санный полоз, / До какой синевы могут дойти глаза? до какой тишины / Может упасть безучастный голос? / Пропадая без вести из виду, мир вовне / Сводит счеты с

лицом, как с заложником мамелюка. / Так моллюск флуоресцирует на океанском дне, / Так молчанье в себя вбирает всю скорость звука. / Так довольно спички, чтобы разжечь плиту. / Так стенные часы, сердцебиенью вторя, / Остановившись по эту, продолжают ходить по ту / Сторону моря". Это "Шведская музыка", третий период. Четвертый, увы, плохо запоминается, он уже почти безобразен. Впрочем, сейчас он бы, наверно, укладывался сам собой. Я ведь не зря Бродским все время так интересуюсь, направление эволюции его гениальности очевидно. Кстати, исихастская схема (движение духа: вовне; к самому себе; к Богу через внутреннего человека) на его периодах осовещивается с изумительной четкостью. Замечание для Тани.

Очень рад, что она к Ницше решила вернуться. Христианину читать его, по-моему, совершенно необходимо. Есть более компетентное мнение: Святейший Престол понял, какое он будет иметь для нас значение, когда его еще читать некому было. И провозгласил: "Не мимо Ницше, а через Ницше!" Смысл понятен. А для православного он важен еще и как вершина католического духовного мышления (по существу). Надо же братьев знать. Я не говорю уж о прочем. Гессе, Камю, Манн... без него вырождаются просто в сюжетных авторов. Вплоть до Экзюпери, у него тоже без Ницше многое почувствовать нельзя, как ни поразительно это звучит... Пусть Таня с "Метафизики искусства" начнет. После этой книги заведомо прощаешь многое, что принять достаточно трудно.

Пусть только имеет в виду, что хороших переводов нет. Начиная с "Заратустры", чтоб

далеко не ходить: в любом из имеющихся можно встретить и прямые искажения смысла, причем без сравнения с другими вариантами неустрашимые. В юности я на это фыркал и лапой махал, а потом понял, что пророческие книги в принципе почти неперево́димы. Причем, если переводы на европейские языки могут еще, наверно, быть симпатичными поэтизированными подстрочниками (не зря же он там чуть ли не популярен!), то "перевести" из германского духовного пространства в российское...

Но мы сделаем так. Пусть присылает места, которые будут вызывать неудовлетворение. Повторяю для четкости, что некоторые мысли "Заратустры" при переводах превратились просто в чушь. Трудно поверить, но сама увидит. Что же делать, если его первые десятилетия действительно некому было читать. Излишне говорить, что дело не в уровне переводчиков - переводами часто занимались люди вполне достойные, - а совсем в других вещах. О коих позже, а то я опять боюсь превращения письма в неведомый шедевр.

Все это не страшно: каждый переводчик не понимал чего-то своего, так что мне сравнением всех имеющихся вариантов (плюс посмертные материалы) удалось от неудовлетворенностей полностью избавиться. И это не только к "Заратустре" относится, у меня была возможность внимательно прочесть все его издания на русском. А потому пусть Таня присылает, а я постараюсь корректировать по другим изданиям. И вообще поговорим.

Зверя, под окном мяукающего, как удалось выяснить, Василием зовут.

1986. 05. 17

Может, мы с Таней⁴ и с Малларме начнем, ничего не имею против. Кстати, знаю я его очень мало. Но и от ерунды ей никуда не уйти, у меня к ней вопросы есть. Вообще-то пусть они с Леной¹⁸ учтут, что собеседник из меня хуже прежнего. Разговаривать я совсем разучился. Чему чрезвычайно рад. Почеловечьи, во всяком случае: с Василием мы вполне нормально общаемся. Бессмысленность слов - это, конечно, общее место, но я его всё сильнее с каждым годом чувствую. Я не кокетничаю, понятно, что речь не о том. Но все-таки, я, кажется, далеко вышел за все обычные пределы.

А Мандельштам... Классик он, классик. Глубины необычайные, они поразительно часто чувствуются, я разве что говорю. Он действительно первый поэт двадцатого века, эта расхожая оценка желания спорить не вызывает. Но только первый не значит любимый. Он, по-моему, единственный великий русский поэт, безусловно принадлежащий к чистому искусству. А последнего я не воспринимаю, ничем в этом не отличаясь от окружающих.

Чистое искусство в России, на мой взгляд, не то чтобы невозможно: есть же несколько блестящих имен. А неуместно - вот это, пожалуй, точное будет слово. Обратите внимание,

что поэты-то чистые есть, а вот любители их практически отсутствуют. Все мы восхищаемся Тютчевым, Фетом. А потом откладываем их и... забываем, нашей жизни такое искусство почти не сопутствует! Пусть Таня маленький общественный опрос проведет: что помнят из Тютчева? А может и не проводить, ответ очевидный: "Нам не дано предугадать"... Т. е. совершенно не тютчевское, но зато вполне созвучное любой русской душе. Живем мы, в сущности, вовсе не искусством, а небывалым сплавом духовности, чувства и литературного способа их выражения. Это наш воздух, и потому мы о нем даже не задумываемся. Но в природе нероссийской этот сплав достаточно редок, и для единообразия терминологии, чтобы не думать, его относят к искусству. А частое отнесение Пушкина, Пастернака, Цветаевой (и на это хватает ума), Бродского к "чистому искусству" есть просто результат полемического смещения понятий. Исторически, впрочем, вполне объяснимого.

Ну, вот. А Мандельштам - действительно величайший поэт. Французский.

Пусть Таня меня простит. Разумеется, всё это не столь плакатно. Но причину своей не любви к нему (не в негативном значении слова, а именно - отсутствия подлинной глубокой любви) я высказал, думаю, довольно верно.

Глубины, безусловно. Но крови я в них не чувствую. То есть, может, она и есть, конечно. Но не для меня.

Про выходы из него в молитву, это Таня абсолютно точно. Спасибо. Но это и вообще характерно для великих языческих поэтов. Есть даже сомнительная неканоническая точка зре-

ния, что Вергилий и другие этим спасутся. Впрочем, это Таня, наверно, знает.

Но при всем этом он все-таки возвышается поразительнейшим образом вне. А другие, хоть почти всегда меньше ростом, - внутри.

Всё сие сказанное есть невероятный коктейль. Полупарнасец, полуязычник... Но так же оно на самом деле и бывает, уложить великое в схему, - сами понимаете... Единственное, что можно с определенностью делать, это "не" расставлять (как и во всём, естественно). Ну, так вот: найти ему место на вечном российском пути на Голгофу - совершенно, по-моему, невысказано. Обреченность и другое, что возможно сказанному слегка противопоставить, абсолютно иного плана.

...А что все равно же "всё перепуталось, и странно (сладко?) повторять"... так это само собой...

Сосед проснулся и сообщил, что с ума сходит. Гриф к нему прилетел, и он его по клюву гладил. Я посоветовал не беспокоиться и снова лечь: птичка хорошая. Последовал. Что прекрасно: иначе радио бы стал слушать, скоро "Последние известия".

1986. 05. 23

Твое письмо от 1986. 05. 17. Спасибо, мамочка.

Спасибо за Булгакова¹⁶. Совсем не понравилось, пасторская статья. Абсолютно не верю, что такой тонкий православный писатель говорит всё это всерьез, цель работы скорее общественно-полезная: кому не дано выше, пусть

уверует хоть так. Почему нет, задача благая; но нельзя же уподобляться еретика Лютеру и доходить до грани искажения Слова Божия. Понимаю, что звучит нахально, но покорнейше прошу ознакомиться с аргументацией. Начну с обещанного еретического места, вот оно. "Священное Писание есть писание человеческое, которое исполняется силою Божественной, становится проводником откровения, Словом Божиим". Священного Трибунала нынче нет на такое "богословие". И не подумайте, что это вырванная цитата: контекст кое-где смягчает эту более чем странную для христианина мысль, а кое-где всё становится еще гораздо хуже. На той же странице: "Его Слово Божие слышал "друг Божий" Моисей во мраке и огне на горе Синай, но это слово было записано им на скрижалях и вписано в книгу закона по сошествии его с горы". В Библии, осмелюсь заметить, не совсем про то. "И когда Бог перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим" (Исход 31, 18). Так! Правда, непосредственное Слово Божье осталось не принято народом, Моисей в гневе разбил Божьи скрижали, и восприняты оказались уже другие, на которых писал действительно сам Моисей. В этом есть очевидный смысл, как раз о нем статья Булгакова. Но есть сокровеннейший смысл и в данности первоначальных скрижалей, весть о ней до нас доведена не напрасно. Так зачем же подобная адаптация с отбрасыванием на грани искажения? Просто почти лютеровское обращение со Словом? (У того, правда, еще гораздо хуже. Но Булгаков ведь не еретик, так зачем уподоб-

ляться.) Идем дальше, в приведенном месте у Булгакова есть и литературная двусмысленность опять-таки в сектантском духе, призванная (надо полагать, невольно) работать на те же его популяризаторские идеи. (Вспомнил, кстати, как Святая Инквизиция кардинально решала проблему популяризации: просто запретила непосвященным читать Библию, дабы не соблазнились. Но времена не те...) Вписано слово в книгу было действительно *по сошествии*; а вот занесено на скрижали *на Синае*, непосредственно пред лицом Божиим. "И сказал Господь Моисею: напиши себе слова сии, ибо в сих словах Я заключаю завет с тобою и с Израилем. И пробыл там Моисей у Господа сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил; и написал Моисей на скрижалях слова завета, десятословие. Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним" (Исход 34,27-29). А перед этим было так. "И сказал Господь Моисею: вытети себе две скрижали каменные, подобныя прежним, и взойди ко Мне на гору, и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних скрижалях, которые ты разбил" (Исход 34, 1). А теперь по поводу последнего снова к господину Булгакову обратимся. "Полагаю, что никем не может поддерживаться в настоящее время теория механической инспирации священных книг, которая уподобляет их составителей пассивному инструменту в руках Божиих, или же написание их приравнивает диктовке со стороны Духа Святого".

Ну, как? По-моему, всё это очень забавно!

То есть, не только, увы. Понятно, тут уж ничего не поделаешь, что бессмертное тертуллианово кредо : "Верую, ибо абсурд!"* для оцивилизовавшегося современного человека почти мертво. (Грустный нечаянно каламбур получился. Переделывать не буду - пусть...) Или взять попытки (лишь) символического толкования Слова, что Инквизиция тоже как злейшую ересь карала. Идут они всё от того же: от неумения веровать в простоте сердечной... В чем господин Булгаков прямо и признается. "Для нас невозможно уже вернуться к той исторической наивности и блаженству неведения, которые свойственны были древней Церкви в ее отношении к священному тексту, да эта попытка, заранее обреченная на лицемерие и неискренность, была бы просто неосуществима". - Что же, звучит даже и убедительно: для недополуобразованной интеллигенции, сочетающей пещерный материализм, веру в земную реальность, в нуменальность истории с невозможностью для нормальной психики отрицания бытия Божия, это, наверное, всё так и есть. А к этой массе статья, по всей вероятности, как раз и обращена.

Только об одной мелочи забывать не надо. Что история вовсе не столбовая дорога прогресса (хоть нам, в нашей девственной неразвращенности подлинной современной духовно-

* Еще я часто и с наслаждением вспоминаю чей-то ответ на "довод", будто кит не мог проглотить Иону, потому как у него горло узкое. "Если бы в Писании было сказано, что Иона проглотил кита, то я бы и этому поверил!"

стью, вполне может как раз так и казаться). Змея кусает себя за хвост, и всё возвращается на круги своя... Но круги вечных возвращений сужаются, движение, совсем в ином смысле, все-таки существует, и уже "близ есть, при дверях"... И наступившие уже последние времена - воистину времена "ума, сведенного в сердце"¹⁶: передовые выводы науки и вообще интеллектуального развития как такового прочно смыкаются с первоначальными народными верованиями, черпая в них силу и, в свой черед, обосновывая их и переводя на рационалистический диалект. При этом даже не отбрасываются, а просто зануляются, теряют последние остатки своей иллюзорной ценности интеллигентские сомнения и разъедающий душу мира скепсис - наследие неслетлой памяти возрождений и энциклопедизмов...

В этой связи интересно бы поговорить о "преувеличенном и одностороннем библеизме, напоминающем об эпохе своего происхождения" в свете выводов современного литературоведения. И о многом другом... Да только не стану пока: нужно ли всё это хоть кому-нибудь?!

Если же к Булгакову вернуться, то у него и концептуальных неверностей, как мне представляется, немало. Главное заблуждение, мне кажется, в неверном рассмотрении соотношения между Божественным предопределением и свободой человеческой воли. (Сам вопрос об этом двуединстве, как Таня знает, относится к разряду умом непостижимых.) Но при таком обращении со Словом - стоит ли по существу!

Как публицист он гораздо лучше. (Хоть у него и богословские работы интересные есть, "Возлюбленный и сын погибели", например.) А

совсем хорош как писатель. Я вспоминаю часто его рассказ – как он, по молодости сицилистом будучи, встретил на аллее крымского парка одинокого печального Государя, сразу полюбил его и исцелился. Замечательная вещь, по силе "Жизнь Арсеньева" напоминающая...

Но все равно – спасибо! У меня ведь нет здесь выбора, какое богословие читать. А кроме того, обнаружение ересей – занятие не только чрезвычайно увлекательное, но и полезное, я думаю, для души.

А еще Таня продолжение выписок из книги об афонском подвижнике обещала...

Такая просьба. Показывайте, пожалуйста, то, что я о богопознании пишу, не Тане только, а всем, кто в этом разбирается. Понимаю, что мои писания наивная чушь, но это еще ничего, я ведь занимаюсь для себя. Но возможно, что я к тому же и в ересь впадаю. Так что, пожалуйста: показывайте Адели, она может при случае кого-нибудь из специалистов познакомить... Было бы идеально, если бы я по этим вопросам мог с кем-нибудь посоветоваться.

1986. 07. 07

Спасибо, мамочка, за литературные новости. Ахматову, значит, по идиометру²¹ уже читают. Ну-ну. Ничего, скоро еще запоют. Тезка чтицы давно, небось, об этом мечтает.

С мародерством над Гумилевым я знаком, со статьей Евтушенко, в частности. В наследники поползли, так ведь прямо паяц и заяв-

ляет. Не стесняясь, причем. Прежде себе генеалогию правильнее выбирал, но что поделаешь, конъюнктура меняется. А по спросу и предложению, суровые законы рынка диктуют. Такие пошли времена, что приходится бедному молодежному поэту кривляться на старости лет. По существу творения Распашонки²² помолчу: бумага моя хоть и много терпит, но своими подробными суждениями по существу порнографии мародерской не буду всё же ее искушать. А главное, все это много ниже уровня критики. Не без удовольствия отметил, однако, несколько выдумок и грубых ошибок. Для газетной статьи немало все-таки.

Один только пример, чтобы голословным не быть. "Доказывает" фигляр, что Гумилев был не "против". Хоть и пел, по слухам, когда убивали, "Боже, Царя храни!", но это он так, из чувства противоречия (так именно! если кажется, что утрирую, - в статью загляни!). А на самом деле в тех кругах, к которым Гумилев принадлежал, настроены были отнюдь не монархически.

И все это помесь наглой выдумки, лжи посредством умолчания и шутовского скудоумия в выводах. Среди многочисленных легенд, которыми смерть Гумилева окружена, связанной с "Боже, Царя храни!" нет. Почти уверен, что Распашонка ее просто из пальца высосал. Ладно, допустим, я чего-то не читал. Но монархистом Гумилев все-таки был, это вытекает из более серьезных, чем сомнительная легенда, свидетельств. А главная гадость пассажи в выводе, больше, пожалуй, жульническом, чем шутовском. Допустим даже, что Гумилев был убежденным республиканцем (кто его много

читал, - попробуйте-ка, представьте!). Но фигляр делает вывод: не монархист, значит, не "против", то есть вроде бы чуть ли не "за". Монархистов, однако, во всем Добровольческом движении было, увы, не очень много, так уж реальность сложилась по разным причинам. Корнилов, например, был республиканцем. Колчак. (Эпизод, когда Колчак, Черноморским флотом командуя, себя во время мятежа монархистом провозгласил, не показателен. Это как раз из чувства противоречия, как Распашонка не преминул бы заметить. А если в категориях, которых он в школе не проходил, то присяга действительно была. До отречения Государя во всяком случае... Но авторитет адмирала Колчака был на флоте после его блестящих побед над немцами непререкаем. У всех офицеров оружие отобрали. В том числе и у клявшихся в верности революции, на всякий случай. У Александра Васильевича - не посмели.) И большинство остальных. Умирали-то не только за "Боже, Царя храни!". А за то главное, что от политической системы не так уж и зависит: за крошащуюся и тонущую Россию, за прошлое и будущее страны... А что в этой статье о стихах его вылиито! Боже мой! Это, понятно, вне обсуждения: о биографии всяк волен брехать, а о стихах писать автору вовсе уж не по чину. Но приведу одно из подвергнутых анализу стихотворений. А вы, ежели развлечься захотите, перечтите - внимательно! - с текстом в руке, что она об этом стихе повествует. Учтите еще, что написан "Рабочий" во время Первой мировой или даже до нее, не помню точно. На которую Гумилев пошел добровольцем. "Знал он муки голода и жажды, / Сон тревожный, бес-

конечный путь, / Но святой Георгий тронул
дважды / Пулею нетронутую грудь..." Сопоставьте это все с "...Над седою, вспененной Двиной". Свою гибель Гумилев действительно предчувствовал, это из разных мемуаров ясно видно. Но к "Рабочему" его предчувствие так относится, как огородная бузина к киевскому дядьке. Ладно, к тексту. "Он стоит пред раскаленным горном, / Невысокий старый человек. / Взгляд спокойный кажется покорным / От миганья красноватых век. / Все его товарищи заснули, / Только он один еще не спит. / Все он занят отливаньем пули, / Что меня с землею разлучит. / Кончил, и глаза повеселели./ Возвращается. Блестит луна. / Дома ждет его в большой постели / Сонная и теплая жена. / Пуля, им отлитая, просвищет / Над седою, вспененной Двиной. / Пуля, им отлитая, отыщет/ Грудь мою. / Она пришла за мной. / Упаду, смертельно затоскую, / Прошлое увижу наяву, / Кровь ключом захлещет на сухую, / Пыльную и мятую траву. / И Господь воздаст мне полной мерой / За короткий мой и горький век... Это сделал в блузе светло-серой / Невысокий старый человек".

Всё это не только смешно. Хорошо мне здесь развлекаться, а другим каково, молодежи особенно: шесть десятилетий прошло, и фиглярство кошунственное – единственный доступный источник...

1986. 07. 15

"И сами мы вещественны, как сны..." – Что это? Откуда? Я не помню...

Только что по дороге в баню с настоящей лошастью пообщался. Хоть она и не из наших²³, а к корму относится, но создание оказалось очень умное и приятное. Побеседовал и погладил. Обещал ее в следующий раз хлебом с солью угостить.

Твое письмо от 1986.07.12.

Кланяйся, мамочка, Феде, Свете, Лиле²⁴. Юрию Борисовичу и Сергею Оганесовичу тоже мои поклоны. Передай им пожелания доброго здоровья. Мамочка, а ты-то сама как себя чувствуешь?

"Полдень в комнате" и "Строфы"²⁵ вещи действительно малоизвестные. Они только в периодике промелькнули, в сборники они не входили. Как-то я журнал со "Строфами" Сереже дал. В результате чего у него контрольная сорвалась, поскольку он со своими детьми об урока об этих стихах проговорил. А точнее, стихи эти вошли в один сборник, в пятнадцати экземплярах изданный. Я одной знакомой прекрасную финскую бумагу для общественных нужд достал. 15 экземпляров в одну закладку брались абсолютно четко. А она составила сборник Бродского и заявила, что это народу тоже необходимо. Возразить я не нашелся (да и поздно было) и только забрал у нее для возмещения морального ущерба часть тиража. Поскольку я и есть нуждающаяся в Бродском часть народа. На что она в свой черед возразить не сумела. Мам, я ведь тебе этот сборник показывал!

Вообще-то, я думаю, что у его запредельных стихов на всей земной плоскости найдется вряд ли что несколько сот читателей. Помню, мне

живо описывали случай в Париже, когда он и Вознесенский в один вечер (случайно совпало) читали свои стихи. Зал, где Вознесенский паясничал, эгалитарная сволочь чуть в клочья от восторгов не разнесла. Бродский читал в маленьком полупустом зале, монотонно и невыразительно, как всегда. "...И появитсямышь. Медленно, не спеша, Выйдет она на поле, мелкая, как душа По отношению к плоти. И протянув свою Обезумевшую мордочку, скажет: "Не узнаю". Но все, кто в Париже в русской литературе что-нибудь смыслит, в этом зале в тот вечер оказались.

Я эти вещи наизусть - увы... "Полдень в комнате" кусками, зачем искажать. А "Строфы" они строфы и есть, маленький сборник восьмистиший. Таких, например. "Так барашка на вертел / Нижут, разводят жар. / Я, как мог, обессмертил / То, что не удержал. / Ты, как могла, простила / Все, что я натворил. / В общем, пенье сатира Вторит шелесту крыл".

Хорошо. Попробую еще Лениного ответа дождаться, но в целом письмо к концу движется. Все письмо покажите, пожалуйста, и Тане. Кроме кусочка на втором листе. Не потому, конечно, что я не полагаюсь на ее скромность, а просто исходя из обычного принципа: секретное должны знать ровно те, кому оно необходимо. Что для Адели, понятно. Вя-я-яу! Далее, весь текст, кроме кусочка, ты, Лена, Таня можете показывать, кому захотите. Особенно о Гумилеве.

/.../

Ленино¹⁸ письмо от 1986. 07. 12.

Пришло оно необыкновенно удачно - спасибо! На сей раз обмен письмами получается

четким: письмо - ответ. Хорошо бы и дальше так, это ведь очень удобно во всех отношениях. С моими просьбами пусть Лена из сил не выбивается: когда может, тогда и хорошо, пускай из-за этого не мучается. Но переписка все-таки гораздо удобнее регулярная. Письмо же не отчет, к которому надо штурмовать план, пусть Лена просто сразу пишет, как обстоят дела всяческие на данный момент. Это ведь, я думаю, недолго.

Но пускай не подумает, что я на нее обиделся - это абсолютно не так!

Очень рад Лениным новостям. Пусть пишет обязательно, пусть не думает, что мне неинтересно. И о ребятах тоже! Просто я не умею разговаривать на эти темы, а послушать ее рад, правда.

Но те места из Евангелий, о которых я в прошлый раз написал, пусть поскорее перечитает.

Насчет Гессе просьба простая: пусть пребывает в Лениной орбите, а там видно будет. И через три года не устареет, я ведь "Паломничество в Страну Востока" не читал. А посвящение²⁶ "Игры в бисер" интригует. Спасибо за образцы творчества²⁷, неистребим великий! Так что я теперь о стране и мире исчерпывающую информацию имею: из "Вестника" о делах внутренних, из Лениного письма - мысли народные о враге внешнем. Книги почему-то не приходят. Совсем! (Та, о которой я в прошлый раз писал, - "Русская культура и романский мир" - единственное исключение.) Может, надо их (магазины) еще и подхлестывать? Повторяю также идеи насчет Санкт-Петербурга и Москвы (см. июньское письмо).

Я очень рад, что Лена "философствованиями" заинтересовалась. Я к ней с ними даже не обращался под гипнозом ее непрерывных деклараций делового тона переписки и неспособности говорить на абстрактные темы. Но не нужно преувеличивать ценность моих рассуждений, она равно нулю. Все это самые общие места классического религиозного мышления, и у меня руки опускаются и перо выпадает, когда я нахожу свои "открытия" во всякой мало-мальски серьезной книге. (Что же до Булгакова, то дело, конечно, вовсе не в том, что он этих вещей не понимал или не знал - смешно говорить; я уже писал, что его статья - это, по всей вероятности, просто печальная попытка адаптировать ценности к уровню современного сознания. Это мне кажется совсем ясным из того, что в других работах он фактически противоположное "об откровении" пишет.) Но если оценивать мои соображения как вещи не "в себе", а "для нас", то я с Леной, без ложной скромности, согласен. В нашем плачевном положении любая искренняя попытка к подобным рассуждениям обратиться может представить для людей интерес. "Изъ глубины взываю къ тебе, Господи" (Пс. 129, 1). Так что насчет "перечитать, подумать, посоветоваться" - конечно! Как раз об этом я всех вас и прошу: июньское письмо перечитайте! Лена безусловно права, что эти занятия интереснее любых задач. А главное - важнее. (В классические времена перед изучением любой науки люди осведомлялись, даст ли она какое благо для спасения души.) Но при консультациях необходимо помнить, что все мои рассуждения - лишь шевеления червя тупого и смрадного, который нуж-

дается в наставлении и совете, чтобы избежать впадения в ересь. А ближним, если и может быть полезен, то лишь попытками вырваться из кромешного мрака, в котором копошится и сам. И пусть Лена необразованностью своей не смущается, к Господу и надо в простоте сердечной приближаться. "Ибо мудрость мира сего есть безумие предъ Богом..." (1 Кор. 3, 19).

Получил из вещей образ Пресвятой Богородицы, Таней присланный. Храни их Господь и Пресвятая Дева.

Продолжаю ответ на Ленино письмо.

По поводу "преувеличенного и одностороннего библеизма" в свете современного литературоведения". Я имел в виду мысли из книги крупнейшего канадского литературоведа Нортропа Фрая "Великий Шифр. Библия и литература" (знаю ее только по пересказу в "Воплях"). Например. "Ранее мы уже говорили, что в Библии сознательно блокируется всякое соотнесение с внешним опытом: эта книга не указывает на какое-либо историческое присутствие за ее пределами, она отождествляет себя с этим присутствием". - Булгаков утверждает, что Библия раскрывается в истории. Т. е. сонное видение, насланное на нас за грехи, он прямо объявляет содержащим в себе Слово Божие! Это не просто еретическая мысль, это уже прямой материализм, отсюда недалеко и до обычных вопросов потомков хвостатых: "А есть ли Бог на самом деле?" Булгаков словно не ведает, что "проходит образ мира сего" (1 Кор. 7,31). И что именно Слово есть единственная истинная реальность!

Но это, как видите, опять-таки общее место.

Просто мне показалось заслуживающим внимания, что Фрай пришел к этим выводам из своих соображений, на основании одного только текстологического анализа.

Ничего нет для русского демократа ненавистнее внутренней свободы. (Последним из этой публики, кто ее заимел, был, наверное, Герцен, да и то только на старости лет, когда выступил против всех "во имя русской и польской свободы" и обрек на гибель "Колокол". Да и то - и в сицилических увлечениях, и в западных свободах он к этому времени успел уже полностью разочароваться, так что нечего было и терять. А до этого и он трусил печатать статьи Лунина по тому же польскому вопросу.) А уж за робкую надежду на национальное возрождение меня бы точно анафеме диссидентской предали. Позицию "ни на грош не верю" я не разделяю, и вот почему. Меня не раз спрашивали, начиная с Лефортово, по поводу моей деятельности, действительно ли я рассчитываю на ее успех. А я от бесед на абстрактные темы, как вы знаете, никогда не отказывался, считая отказ одной из разновидностей трусости. И я всегда отвечал, что не очень рассчитываю. Но когда твой близкий тяжело болен, шансы на спасение не подсчитываешь, просто пытаешься использовать их все. Конечно, повторять это теперь по поводу деятельности правительственной - ситуация несколько юмористическая. Но что ж поделаешь: тоже шанс... А главная причина моего несогласия: сейчас, как никогда раньше, многое зависит от нас самих. Это основное, пассивная "вера в светлое будущее" просилась бы обратно в анекдот.

А если опять к свободе вернуться, то в

моем случае (как и в любом мирском) это понятие весьма относительное. На гражданской войне таковая состоит в выборе знамени, и мое поведение – это и проявление, и демонстрация, если понадобится, все того же: "Да возвеличится Россия..."²⁸ "Так, присягнувши на верность хану, Не присягают его орде! Ветренный век мы застали, Лира! Ветер в клоки изодрал мундиры, Треплет последний лоскут шатра. Новые толпы – иные флаги... Мы ж остаемся верны присяге, Ибо дурные вожди – ветра"²⁹.

И еще об одном месте, неясном, быть может. Вас, наверное, поражает, что я все-таки забочусь о мнении шушеры, даже о таком карикатурном эффекте, как возможные ссылки на меня при очередных пачканиях нижнего белья. Но это неудивительно, одно дело внутренняя свобода, другое – самоцензура мирского поведения. Ее я в делах неличных как раз считаю необходимой, просто из соображений принятой на себя роли: положение обязывает...³⁰

Письмо об Ире³¹, о котором я в прошлый раз вам писал, я уже отдал. Забыл вас предупредить в июньском письме, что общественная огласка его существования не нужна. Это письмо открытого характера не носит, а я сторонник чистоты жанра.

В случае каких-либо перемен у Иры напишите мне о них прямым текстом, это пройдет.

1986. 08. 19

Недавно ясно понял один психологический феномен. Так, что даже могу сформулировать.

Религиозные сомнения относятся обычно не к бытию Божию, такие для здоровой психики вообще невозможны. Человек сомневается в своей сопричастности этому бытию, в праве на веру и ее возможности для такой смрадной мрази, как он. Пропасть между всеблагодатью Божией и нашей греховностью действительно непостижима, ни разумом, ни существенными инструментами познания преодолеть это противоречие невозможно. Чем больше веришь, тем сильнее ощущаешь эту бездну; а чем сильнее ощущаешь ее, тем больше надо веры, чтобы – ею единственно – противоречие преодолеть. В этой борьбе и состоит наше историческое движение к Страшному суду. – Эта простая идея является ключевой, из нее легко объясняются конкретные исторические случаи сомнений и колебаний. Если будет интересно, напишу подробнее.

1987. 01. 09

Спасибо Тане⁴ за поздравления с Рождеством Христовым. Свет пришел в мир, Слово уже стало плотью. И обитает с нами, полное благодати и истины; и все совершится теперь. И воскреснет Бог, и расточатся врази Его!

Храни их Господь и Пресвятая Богородица. Всегда молюсь.

Очень рад, что письмо пишется. Вя-а-а-а-ау!

Замечательное от одного моего ученика поздравление. Я его в лицо хорошо помню, это 77 года выпуск, на редкость тихий мальчик из 10^б. А по фамилии не опознал, неожиданно все-таки. Смотрю, знакомая; раскрываю конверт... "Пусть крепнут Ваши силы и Ваша вера!"

Постарайтесь, пожалуйста, как-нибудь лучше ему написать. Сам я все равно не умею.

Спасибо за рождественские поздравления Асе Лащивер. Правильный человек: никаких тебе "новых годов".

И Лене Санниковой. За все: за поздравления, за календарь, открытки. А главное, конечно, за Гумилева. В подборке "Портрет мужчины" оказался, я очень эту вещь люблю, а слова некоторые у меня путались.

1987. 01. 10

Не пишите, пожалуй, этому мальчику на счет его класса и года. Я почти уверен, что не ошибаюсь. Но вдруг перепутал? Очень неловко было бы.

А теперь к ваниным³² письму и открытке перехожу.

Спасибо ребятам за поздравления.

Тревожится Ваня за меня напрасно, конечно. Что со мной случится? "...И одно лишь отличало меня от Вечного Жида: что я не вечна, да еще не жид"³³. Ну, вторая часть этой грустной шутки Тени заратустровой ко мне, правда, не вполне относится. Да и первая, может быть, тоже... "О Земля, ты стала для меня слишком круглой"...

А со спокойствием дело у меня наоборот обстоит. Внешнее абсолютное. Даже голодовок из-за нересторанной нарезки хлеба более не держу! Хулиганство это все-таки слегка мелкое и несколько однообразное, и надоедает, в конце концов. Вообще огонь по гражданам офи-

церам и нижним чинам более не полыхает. Внутрь перешел. Я почувствовал, наконец, что главное поле битвы внутри нас есть, не только царствие Божие там, но и Вельзевул, змей древний. Что и понятно, поскольку путь его ближе всего к Царствию пролегает... (Впрочем, мирской деятельности это чувство не препятствие ни в коей мере. Просто ценности расставляются в должном иерархическом порядке. Такой пример церковно-исторический, я о нем Ване, кажется, уже говорил. Труд для монаха не дело чести и славы, а всего лишь последняя по счету заповедь аскезы. И этого доминиканцам вполне хватило, чтобы поросшие тернием и волчком холмы Франции и Италии в цветущие виноградники превратить.) В связи с этим о спокойствии внутреннем говорить затруднительно, понятно. Если же к плещущей на поверхности бытия мелкой бесовщине вернуться, то внутренне я на нее совершенно не реагирую тоже.

Скудость сведений обо мне я разбавить затрудняюсь. И не только по первоначальным причинам, больше по внутренним. Ну, пусть Ваня представит: много ли я о нашем ШИЗО мог бы сейчас рассказать?! Мы с ним не раз говорили, что "вещественные" мемуары не мне писать придется!

Ну, ладно. До заявления дошел все-таки черед. Текст не нужен. Что Ваню мучить? Да и нужды нет, я в точности так себе все и представлял. Хоть и надеешься всегда на какие-нибудь нюансы... "Шиш у меня во-о-от такой. Но в кармане!" Так ведь его еще в Лефортово вразумляли, небось, что строй у нас гуманный и в кармане можно. Лишь бы не торчал, конечно.

”Думайте, что хотите!” Нешто Ваня такого не слышал?

А самые канонические аргументы этой вполне канонической позиции всякий раз умиляют по новой. Прежде всего насчет ”личного дела”, конечно.

(В ”ЖМП”³⁴ антиалкогольная проповедь, на отрицательном примере Ирода. Который Иоанну Предтече по пьянке главу усек.)

Продолжаю ответ на Ванино письмо.

”Мое ружо. Хошу стреляю, хошу нет. Завязывай, братва! Отвоевали! Штык в землю – и айда по избам. Бабы на печи заждались!” – ”Ни, товаришь... Погодь... С гэрманским пролитаряттом сперва побрататься надо”.

И еще довод, тоже из джентльменского набора. Насчет ”повидал с обеих сторон”. Это посерьезнее...

[...несколько строк вымарано цензурой...-
Составитель.]

Один из возглавителей Добровольчества сказал как-то, что для спасения чести Движения не колеблясь расстрелял бы немедленно половину участников. Если б только знал, какую половину расстреливать... Но нашлись же все-таки на разлагающуюся, тонущую страну двадцать тысяч мальчиков, чтоб сквозь дикие зеленые миллионы весь крестный путь, не склонив головы, пройти! От Петербурга до Крыма! И дальше, до города с непонятным уху названием. Который так и не стал нашим... И по ”сторонам” газетъ не было им нужды. Потому как и без этого знали, за что шли...

Ладно... Я Лису не судья. Судить его я не хотел бы, да и права не имею: мы с ним и всегда в разной форме были. Никого лучше, чем

он, я в один окоп с собой и не пожелал бы; но это ведь другое дело. В определенной ценностной системе Ванино решение, увы, естественно, это-то я понимаю... Что ж, может, для него и лучше, что он воздухом Третьей гражданской не живет: нравственные ее издержки никак не меньше, чем первых двух...

Храни их Господь. Путей ведь к Нему много...

Тане³⁵ привет, конечно.

Примечания

1. Поэтесса Ирина Ратушинская.
2. Очередное ШИЗО или ПКТ И. Ратушинской.
3. Из стихотворения И. Ратушинской: "Добрый вечер, Февраль..."
4. Татьяна Плетнева, крестная дочь В. Сендерова.
5. Маша, дочь Т. Плетневой.
6. Николай Всеволодович - Ставрогин, герой "Бесов" Достоевского.
7. Фридрих Ницше.
8. С. В. Мацко, следователь КГБ, который вел сначала дело В. Сендерова.
9. Кнут Гамсун "Пан".
10. Юлия Крамская, близкий друг В. Сендерова, член НТС. Во время следствия по делу В. Сендерова погибла в автомобильной катастрофе.
11. Владимир Гершуни, подельник В. Сендерова (позднее дела были разделены), был признан невменяемым и помещен в СПб.
12. Стихи М. Генделева.
13. Цитата из "Так говорил Заратустра" Ф. Ницше.
14. Ф. Ницше.
15. "Цветочки Франциска Асизского".
16. Работа о. С. Булгакова.
17. "Из Иудеи в Иудею" - сборник стихов М. Генделева.
18. Елена Кулинская.
19. В месяце Нисан (по иудейскому календарю) был распят Господь.
20. Поздравление Ирине Ратушинской.
21. "По телевизору" (школьный жаргон).

22. Распашонка - Евгений Евтушенко (см. "Зияющие высоты" А. Зиновьева). Речь идет о статье к 100-летию Н. Гумилева в "Литературной газете".

23. "... она и не из наших" - В. Сендеров считает себя членом семейства кошачьих.

24. Федя, Света, Лиля - Федор Финкель, его жена С. Маятникова и сестра Л. Финкель. Эмигрировал из СССР весной 1987 года. Федор Финкель - поэт и еще редчайшей профессии человек: церковный звонарь.

25. Стихи Иосифа Бродского.

26. "Паломникам в Страну Востока".

27. Журнал "Трезвость и культура", начал издаваться в 1986 году.

28. "Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена!" - эти строки из гимна НТС играют подчас роль девиза организации.

29. Строки М. Цветаевой из "Лебединого стана".

30. Многие из сказанного здесь относится к сдержанной, выжидательной позиции, занятой Сендеровым по отношению к властям в последние месяцы его пребывания в Чистополе. При этом Сендеров в разговорах с представителями КГБ постоянно подчеркивал, что он занял такую позицию именно как член НТС: не имея возможности действовать активно, Сендеров избрал тактику "вооруженного перемирия", выдавая тем самым символический "кредит доверия" обещаниям реформ.

31. Письмо Председателю КГБ Чебрикову о положении И. Ратушинской и с требованием ее освобождения.

32. Ваня - Иван Ковалев.

33. Слова Тени Заратустры из "Так говорил Заратустра" Ф. Ницше.

34. "ЖМП" - "Журнал Московской Патриархии", подписку которого за 85-86 гг. было разрешено передать В. Сендерову во время свидания в ноябре 1986 г.

35. Таня - Таня Осипова.

Герман АНДРЕЕВ

Причины поражения антибольшевистских сил (в российской Гражданской войне)*

I

Вряд ли можно признать корректным празднование коммунистами 25 октября (ст. стилия) - 7 ноября (нового) 1917 года как дня победы социалистической революции в России. В сущности, никакой, тем более социалистической, революции в этот день в России не произошло, и демократической общественности стоило бы рассматривать события этого дня в Петрограде как первую из бесчисленных последующих иллюстраций на тему "коммунисты и правила демократической игры".

В XX веке Россия пережила две истинные революции: в результате революции 1905-1906 годов русское самодержавие было заменено думской (парламентской) монархией с ярко выраженными признаками демократического плюрализма. В феврале-марте 1917 года вторая русская революция свергла монархию, и в России уста-

* Мнения автора не обязательно отражают точку зрения редакции. - *Ред.*

новилось республиканское правление с чрезвычайно широкими демократическими правами для народа. В февральской революции выразилось поистине всенародное отрицание существовавшей тогда формы правления: все слои российского общества, все нации, составлявшие Российскую империю, приняли участие, хотя в подавляющем большинстве своем пассивное - недовольным молчанием и невмешательством, - в ликвидации думской монархии и в замене ее буржуазной республикой. Среди весьма небольшого числа сторонников старого общества можно было бы еще найти убежденных монархистов, но талантливых и готовых бороться за свои идеи почти не было. Поэтому-то, в частности, февральская революция принесла несравнимо больше жертв защитникам трона, чем революционерам¹. Кровавое пролитие длилось относительно недолго, и в марте-апреле 1917 года из хаоса первых недель революции стали возникать контуры российской многопартийной демократической парламентской республики с преимущественным представительством во Временном правительстве как раз социалистических партий. Во всяком случае, Временное правительство, в состав которого, помимо социалистов, входили и либералы, имело самую широкую поддержку со стороны населения. Даже большевики в лице самого Ленина признавали, что Россия в результате февральской революции стала самой свободной из всех воюющих тогда стран и что форма ее правления должна решиться на Учредительном собрании.

Вместе с тем ленинцы никогда не верили в идеи свободы, даже в те социалистические идеи, которые формулировались бы не ими. Правовые государственные нормы ленинцами всегда подвергались осмеянию как выражение буржуазного мышления. Они никогда не были готовы к компромиссу с иными партиями и были способны лишь к единоличному правлению. Если представленные

во Временном правительстве партии сознавали невозможность правления без широкого национального согласия, то Ленин самонадеянно (как тогда казалось) заявил, что "есть такая партия", которая может взять на себя ответственность за судьбы России, - это большевистская партия. Поскольку большевики легально власть получить не могли, они и совершили 25 октября переворот от имени рабочих и крестьян, чьего согласия они не испрашивали. В этот день никакой революции не произошло, а ударные силы одной партии ворвались в Зимний дворец, арестовали Временное правительство и провозгласили однопартийное правительство (пара левых социалистов-революционеров не в счет). Обнаружив по результатам выборов в Учредительное собрание, что 75% населения их не поддерживает, большевики Учредительное собрание разогнали, а рабочие демонстрации в защиту Учредительного собрания были встречены 5 января 1918 года большевистскими пулеметами².

Почти всё население России тогда и восприняло большевистский переворот в октябре 1917 года и последовавший за тем разгон Учредительного собрания как контрреволюцию, а созданный большевиками Совет народных комиссаров рассматривался всеми слоями населения, в том числе и рабочими крупнейших заводов Петрограда, как правительство узурпаторов. (В рабочих воззваниях наименование "народные комиссары", как правило, сопровождалось словами "так называемые"³.)

И всё же большевики имеют полное право утверждать, что их революция победила, однако празднование своей истинной победы им следовало бы перенести с 25 октября на последний день Гражданской войны, результаты которой доказали, что большевики - действительно единственная партия, которая смогла создать на развалинах российской империи новую государственность. Только большевики в течение трех лет Граждан-

ской войны сумели осуществить свои цели и полностью, революционно изменить всю русскую жизнь. В результате Гражданской войны были сметены все прежние правовые, моральные нормы, все представления о культуре и о религии, на которых стояла тысячелетняя Россия. Неспособные ни к последовательному реформированию устаревших форм российской системы, ни к созданию сильной демократии антибольшевистские силы проиграли сражение за Россию радикальным социальным экспериментаторам. И даже тогда, когда после переворота в Петрограде и в Москве большевики провалились во всей остальной России, и их власть к середине 1918 года смогла распространиться лишь на территорию московского царства времен Ивана IV, силы антибольшевизма не смогли воспользоваться неприязнью всей огромной страны к большевикам и другими своими огромными преимуществами, чтобы спасти Россию от той ситуации, из которой она и по сегодняшний день не может выбраться.

Советские историки обвиняют в развязывании Гражданской войны некие контрреволюционные силы и иностранных интервентов. В действительности же, Гражданская война была провозглашена Лениным целью большевизма еще в 1914 году, когда он писал: "Преобразование современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг"⁴. И когда Гражданская война началась, Ленин объявил: "Наша война является продолжением политики революции, политики свержения эксплуататоров, капиталистов, помещиков"⁵. Клеймя преступления империалистов, развязавших европейскую бойню, Ленин ни в коем случае не останавливался перед призывами к новой бойне - к внутринациональной. Он писал: "Говорят о "потоках крови" в Гражданской войне... Эту фразу повторяют на тысячи ладов все буржуа и все оппортунисты. Над ней смеялись и будут

смеяться ...все сознательные рабочие”⁶ (на ленинском языке ”сознательный рабочий” - это рабочий, согласный с большевизмом).

Однако, имея дело с высказываниями Ленина, нельзя забывать, что вождь большевиков был убежденным диалектиком, впрочем постоянно путавшим приемы диалектики с софистическими манипуляциями. Тот самый Ленин, который призывал развернуть Гражданскую войну и смеялся над гуманистами, предупреждавшими, что Гражданская война приведет к потокам крови, когда в результате этой войны в России разразился страшный голод, обвинил во всем, конечно же, мировую буржуазию: голод, писал он, - это ”тяжкое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистической, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран”⁷. Вот на эту-то последнюю версию и опираются советские пропагандисты, когда говорят о начале Гражданской войны, как-то мимоходом упоминая ленинские призывы к ”превращению войны империалистической в войну гражданскую”.

И все же, сколь бы парадоксальным это ни показалось, обе эти вроде бы взаимно противоречащие ленинские версии правильны.

Захватив власть, большевики начали террор не только против своих активных врагов, но вообще против всего народа. Прежде всего они начали преследовать офицеров русской армии. Когда большевики объявили о создании своего правительства народных комиссаров, командиры русской армии реагировали на это довольно вяло. Значительное число офицеров и среди них немало генералов готовы были служить этому, как и Временному демократическому правительству: в царских военных училищах утверждалась аполитичность армии. Но когда большевики начали буквально отстрел русских офицеров, им ничего не оставалось, как защи-

щаться. В воспоминаниях многих белых офицеров, опубликованных как в "Белом архиве", так и в "Архиве русской революции", имеются свидетельства того, что русская армия ни к какой борьбе с большевизмом не готовилась. Так, один из самых беспощадных аналитиков белого движения генерал П. И. Залесский утверждал: "В сущности, никаких "контрреволюций" не было и даже тенденций к ним не было - всё подчинилось силе (большевиков), хотя бы только воображаемой. Гражданская война и все восстания - все это было создано насильем большевиков. Белогвардейцы, белоармейцы или просто "белые" - это гонимые большевиками люди: офицеры, землевладельцы, купцы, промышленники, зажиточные крестьяне, вообще люди, которых грабили, убивали, истязали... Что же удивительного, что офицер уходил от своих гонителей и мучителей? Уходил не для "контрреволюции", не для гражданской войны (офицеры всегда были вне политики), а только ввиду невозможности оставаться в районе, где царило бесправие, дикое необузданное насилие и грабежи, грабежи без конца... Спасшиеся от убийств и насилий русские люди скопились на разных окраинах России и там силою событий принуждены были взяться за оружие"⁸.

Все, что здесь сказано об офицерах, можно отнести и к любым другим классам и социальным группам. Петроградские профессиональные рабочие приняли на своем собрании резолюцию, в которой говорится чуть ли не то же самое, что писал белый генерал Залесский. В этой резолюции от 13 марта 1918 года говорилось: "На улицах и в домах днем и ночью ежедневно происходят убийства. Убивают не только грабителей и не только грабители, но и ответственные агенты Советской власти. Убивают под видом борьбы с контрреволюцией, убивают не врагов народа, а частных мирных граждан, рабочих, крестьян, студентов, солдат. Убивают без

суда и следствия, рассчитанно и хладнокровно. Убивают нашим именем, именем революционного пролетариата"⁹. Можно было бы допустить, что всё это лишь эксцессы революции, если бы не знать ленинского учения о классовой борьбе, которое осуществлялось в те дни на практике. Ленинец, председатель ВЦИКа Я. Свердлов писал 16 мая 1918 года в газете "Знамя труда": "Только если мы сумеем *расколоть* (выделено мной. - Г. А.) деревню на два лагеря, возбудить такую же классовую борьбу, как в городе, только тогда мы достигнем в деревне того, что достигли в городе"⁹.

Обвинять империалистов в развязывании гражданской войны можно лишь, если согласиться с готтентотской моралью: если ты у меня украл корову, это - плохо, а если я у тебя, - то это хорошо. Большевики с первых дней своей власти начали отнимать хлеб у крестьян, у рабочих - права, которые они получили в результате двух предыдущих революций, развернули дикий террор против городского населения, обозначив свои невинные жертвы "буржуями" и "контрреволюционерами". И когда те, кто осознал страшную опасность, нависшую не только над их правами и собственностью, но даже и над их жизнью, взялись за оружие, они были обвинены в развязывании кровопролитной гражданской войны!

Регулярные военные действия действительно начали противники коммунистов, когда у тех еще и армии-то не было, вынудили же их к этому сами большевики своим контрреволюционным переворотом и - главное - своими акциями после него.

Первые антибольшевистские военные соединения стал создавать бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего русской армии генерал М. В. Алексеев в столице Донского казачества Новочеркасске. Туда же прибыли Л. Г. Корнилов, Верховный главнокомандующий русской армией при Временном республиканском

правительстве, а также генерал Деникин, который позже, после гибели Корнилова (31 марта 1918 года) и смерти престарелого Алексеева (8 октября 1918 года) возглавил Белое движение на юге России. Чтобы придать антибольшевистскому движению какую-нибудь политическую мотивировку, в Новочеркасск приехали последний председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, министр иностранных дел Временного правительства левый либерал П. Н. Милюков, военный министр Временного правительства социалист-революционер Б. Савинков. В Новочеркасске была создана так называемая Добровольческая армия из офицеров, бежавших на Дон от большевистского террора. К середине 1918 года в ней было всего лишь 5 тыс. бойцов, и первый этап ее деятельности характеризовался прекрасной дисциплиной. Затем армия постепенно начала расти, хотя, например, надежды руководителей движения на вступление в Добрармию большого числа казаков не оправдались: казачья молодежь, покинувшая под влиянием большевиков фронт и не испытывавшая на себе коммунистической власти, устала от войны и в Добрармию вступала неохотно, что явилось, в частности, причиной самоубийства атамана Донского казачества Каледина, разочаровавшегося в своих земляках.

В течение 1918 года и позже по всей России стали возникать антибольшевистские армии и правительства.

В Самаре, на Волге в июне 1918 года собрались бывшие депутаты разогнанного большевиками Учредительного собрания и провозгласили Комуч (Комитет членов Учредительного собрания). Первоначально (до октября 1918) его власть распространялась на среднее Поволжье и Уфимскую область. Комуч создал "Народную армию". 18 ноября 1918 года в Омске на основе Уфимской директории было образовано Верховное российское правительство, под управлением которого находились Дальний Восток, вся Сибирь, Урал и По-

волжье. Ситуация для Сибирского правительства была чрезвычайно благоприятной: влияние большевиков в Сибири было ничтожным, у Сибирского правительства оказался русский золотой запас, армия правительства была создана на мобилизационном, а не на добровольческом принципе.

2 августа 1918 года на севере России, в Архангельске, было создано Верховное управление северной области во главе с бывшим народным социалистом Н. В. Чайковским, отменившее все декреты большевистского правительства.

Позже, 11 августа 1919 года, в Ревеле под руководством генерала Н. Н. Юденича было создано Северо-Западное русское правительство, в составе которого были социал-демократы ("меньшевики"), кадеты (левые либералы) и беспартийные.

Еще при Временном правительстве начался распад бывшей Российской империи, длившийся до середины 1918 года.

17 марта 1917 года была создана Украинская центральная Рада, возглавляемая историком М. С. Грушевским, а в мае того же года автономное украинское правительство, руководимое социалистами Петлюрой и Винниченко. 19 ноября 1917 года в так называемом Третьем универсале Украина объявляла себя независимой от большевистского правительства в Петрограде.

Самостоятельные государства возникли в Прибалтике и в Закавказье. Попытки большевиков установить в этих освободившихся республиках свою власть поначалу полностью провалились. Так, рабочие Грузии в ноябре 1917 года предотвратили большевистский переворот.

Таким образом, в течение года после октябрьского переворота установилась своеобразная ситуация: на одной стороне - централизованное правительство большевиков на кусочке российской земли (Петроград - Москва), на другой стороне - вся Россия и все наро-

ды бывшей Российской империи. Большевистский поэт Владимир Маяковский образно описал эту ситуацию: "Посреди винтовок и орудий голошища Москва - островком, и мы - на островке. Мы - голодные, мы нищие, мы с Лениным в башке и с наганом в руке"¹⁰.

Но только на этом "островке" царила единая власть, остальная же Россия была разделена между несколькими большими руководящими центрами и бесконечным числом всяческих правительств и даже каких-то местных вождей: на Украине они назывались "батьками", на Дальнем Востоке - "атаманами". Ни одного дня Гражданской войны не существовало ни единого антибольшевистского правительства, ни единой антибольшевистской армии, ни антибольшевистской программы, под которой могли бы подписаться все участники антибольшевистской борьбы. А в Москве (столице большевиков с марта 1918 года) - строго организованная партия с единым правительством, с единой, пусть и демагогической программой, организует единую Красную армию. Один из ее первых главнокомандующих бывший полковник царской армии И. И. Вацетис вспоминает: "Надо было объединить все революционные элементы, преданные диктатуре пролетариата (так на большевистской новоречи называлась власть компартии. - Г. А.), в одну Единую пролетарскую регулярную армию, пригодную для действия против всех врагов советской власти"¹¹.

С созданием антибольшевистских правительств и армий и Красной армии и началась Гражданская война в России, длившаяся более трех лет.

Это была война между разрозненными силами плюралистической демократии и социальными экспериментаторами, прекрасно сознававшими, что без железной централизованной власти и без тотального принуждения их утопические намерения не осуществимы.

Утвердившееся в исторических описаниях Гражданской войны в России теория, согласно которой красные

боролись за прогрессивный общественный строй, а антибольшевистское движение воплощало идеи реакции и стремилось возродить в России монархию, страдает сильным искажением.

Н. В. Волков-Муромцев, служивший в Добровольческой армии, вспоминает, что в штабе Деникина были представлены люди самых разных убеждений. Генерал Романовский сочувствовал социализму и стоял за Учредительное собрание, другие мечтали о возрождении "единой неделимой Российской империи", в то время как их товарищи по оружию обещали "федерацию свободных народностей". Мемуарист не помнит ни одного офицера из помещиков, который мечтал бы о возвращении своей земли. Весьма существенно и другое замечание Волкова-Муромцева: "Правительство белой армии боялось реакции больше, чем большевиков"¹².

Даже такие добросовестные историки русского большевизма, как Некрич и Геллер, в своей книге "Утопия у власти" называют белых "контрреволюционерами", хотя им известно, что вожди Белого движения приняли февральскую революцию. В частности, Деникин, чьи взгляды были далеко не самыми либеральными в антибольшевистском движении, объявил о признании всех демократических законов, действовавших до 25 октября.

Что же касается Комуча и Уфимской директории, то они даже признали советы рабочих депутатов (разумеется, без большевиков), объявили 8-часовой рабочий день, разрешили свободные профсоюзы. Государственный флаг Комуча был красный. Верховный правитель Сибири адмирал Колчак, разогнав Директорию из-за ее кокетничанья с социалистическими идеями, вовсе не был черным реакционером: он был сторонником демократической республики и сохранения основных либеральных свобод, установленных февральской революцией¹³.

В рядах антибольшевистских сил сражались предста-

вители самых разных классов и партий. Одной из самых мужественных воинских частей, сражавшихся на стороне Уфимской директории, был полк рабочих Иващенко-Ивановских артиллерийских заводов под Самарой на Волге. На Урале действовала народная армия, состоявшая из рабочих полков Ижевского и Воткинского заводов, которые после роспуска Уфимской директории перешли в армию Колчака.

Что же касается крестьян, то даже советский историк признает: "На Украине к середине 1919 года все крестьянство во всех своих слоях было против советской власти". И не только на Украине. Против коммунистов в конце концов восстали и казаки (близкое к крестьянству сословие), и перед самым концом Гражданской войны развернулась отчаянная крестьянская война против большевиков в центральной России, завершившееся восстанием, которое было подавлено частями Красной армии под командованием бывшего подпоручика царской армии М. Тухачевского.

Выступая против большевиков, крестьяне не обязательно переходили в белые армии. Чаще всего крестьянские движения были автономны и возникали из одинакового недоверия крестьян как к красным, так и к белым. Крестьянская Россия пела песню: "Эх, яблочко, цвета спелого, бей слева красного, справа - белого".

Представление о красных как борцах за интересы рабочих и крестьян стало возможным, в частности, потому, что большевики с самого начала повели не только военную борьбу против своих противников, но и борьбу понятий. Они попросту объявили всех крестьян, выступавших против них, кулаками, а рабочих, боровшихся в антибольшевистских войсках, - контрреволюционерами. Так, когда 13 мая 1918 года в Ашхабаде был свергнут большевистский комиссар Фролов, в Туркменистане возникло единственное в России правительство, возглавляемое рабочим-железнодорожни-

ком Фунтиковым. Оно управляло Туркестаном почти год, пока Красная армия не уничтожила его. В советской энциклопедии рабочее восстание в Ашхабаде названо антисоветским и инспирированным английскими империалистами (интересно, что соответствующая статья в энциклопедии названа "Ашхабадский мятеж": свой переворот против законного правительства большевики называют "революцией", а восстание против них - "мятежом").

Большевики расстреливали любые выступления рабочих против их власти, даже самые мирные, как, например, 1 июня 1920 года была расстреляна в Харькове рабочая демонстрация, требовавшая у захвативших город большевиков хлеба¹⁴. О подобных случаях расправы с рабочими выступлениями со стороны белых неизвестно, хотя белые подчас зверски расправлялись с отдельными рабочими, заподозренными в соотрудничестве с коммунистами, а в Сибири белые даже секли крестьян, которые отказывались служить в белой армии или же скрывали от нее продовольствие и фураж. (К вопросу об отношениях белых и красных с народом мы вернемся ниже. Здесь лишь подчеркивается, что красных по крайней мере не больше, чем белых, можно назвать защитниками рабочих и крестьян.)

Против большевиков выступила почти вся русская демократическая интеллигенция, в основной массе своей настроенная социалистически или же лево-либерально. В письме большевистскому наркому Луначарскому писатель-демократ В. Г. Короленко писал: "Русская литература и при этом вся она, как Вы сами говорите, "безукоризненная", марксистская и народническая, социалистическая, демократическая радикальная и либеральная, вся она, без различия партий, оттенков и направлений - не с вами, а против вас. Горькие уходят, приходят Ясинские"¹⁵.

Силы антибольшевизма состояли в основном из де-

мократов. Так, Украинская Рада в Четвертом универсале провозгласила социалистическую программу раздела помещичьих земель и рабочего контроля над производством. Во главе Грузинской республики стоял социал-демократ Гегечкори. Программа одного из первых руководителей Добровольческого движения генерала Л. Г. Корнилова была однозначно демократической. В ней содержалось требование равенства всех граждан перед законом и запрет ограничений прав по сословным или национальным признакам, содержалось обещание предоставить полную свободу профсоюзам, разрешения рабочих стачек. Корнилов намеревался после войны выкупить помещичьи и монастырские земли и передать их беднейшим крестьянам. В его программе содержалась гарантия свобод слова и печати, восстановление права собственности¹⁶.

Самой же демократической и либеральной программой была программа последнего главнокомандующего силами России на юге России, ген. Врангеля, которую он, в отличие от всех других руководителей антибольшевистского движения, начал энергично выполнять (более подробно об этом - во второй части статьи). В одной советской песне периода Гражданской войны в соответствии с задачами дезинформации поется о Врангеле: "Белая армия, черный барон - снова готовят нам царский трон". А в программе Врангеля содержались те слова, которые стояли на знаменах русских социалистов-народников конца XIX века: народу - земля и воля в устройении государства¹⁷!

Между прочим, большинство вождей белого движения было выходцами из самого простого народа: генералы Алексеев и Деникин - сыновья крестьян, Корнилов - сын отставного хорунжего (б. штабного писаря). Во главе большевиков стояли дворянин Ульянов (Ленин) и сын богатого земельного арендатора Лев Бронштейн (Троцкий).

В начальный период Гражданской войны население встречало антибольшевистские войска как освободителей от тирании. Об этом сохранились свидетельства очевидцев самых различных направлений: либералов, монархистов, социалистов¹⁸. О тоталитарном, контрреволюционном характере большевизма писали в то время не только демократические белые генералы, например, Махров, начальник штаба армии у генерала Врангеля¹⁹, но и некоторые перешедшие на сторону красных бывшие офицеры. Так, бывший Войсковой Старшина, а позже командир красной конницы Ф. К. Миронов резко писал Ленину: "Вся деятельность коммунистической партии, возглавляемой Вами, направлена на истребление казачества, на истребление человечества вообще". Не получив ответа от Ленина, Миронов выступает против большевиков и в воззвании к своим бойцам разъясняет свою позицию: "Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь - свалить партию коммунистов"²⁰.

И вот несмотря на общенародный характер неприятия большевизма, несмотря на сильнейшее сопротивление ему во всей России, несмотря на огромные преимущества антибольшевистских сил в начале Гражданской войны, несмотря на демократические идеи, окрылявшие основную массу противников большевизма, Гражданская война заканчивается триумфом кучки большевиков, поначалу даже не имевших сколько-нибудь серьезных вооруженных сил, и установлением в России коммунистической власти.

В чем же причина этой уникальной победы одной партии над, казалось бы, намного превосходящими силами ее противников?

II

Положение большевиков в течение первого года их власти было чрезвычайно неустойчивым. Мало кто верил, что большевистская власть удержится в России более двух-трех недель. Но шли месяцы, прошел 1918-й, затем 1919-й год, а силы большевиков всё более увеличивались, дело же их противников - белых - обнаруживалось как весьма проблематичное, а к середине 1920 года оно стало просто безнадежным. К 1922 году Гражданская война заканчивалась полной победой большевиков над всеми их противниками.

Такой непредвидимый поворот событий провоцирует на отказ от попытки раскрыть причины поражения белого движения: фатализм кажется в этом случае более убедительным, и не один только писатель Владимир Максимов в поэтическом романе о Колчаке, склонен был списать поражение белых на волю судьбы: покорный фатализм прочитывается и в воспоминаниях некоторых участников белого движения.

Разумеется, каждый верующий человек понимает, что в конечном счете все находится в руках Божьих и в любом историческом явлении имеется свой мистический смысл. На поверхности лежит мысль о наказании русского народа за какие-то исторические грехи. Нельзя отмахнуться от напоминания Бердяева, что "революции в России предшествовал упадок в официальной церкви, ослабление христианской жизни в народе"²¹. Вместе с тем, фатализм принадлежит к тому направлению философии и богословия, которое пренебрегает свободой воли и не видит заложенной в христианстве идеи об ответственности человека перед Богом.

Антибольшевистские силы потерпели поражение в борьбе за Россию по причинам, конечно же, глубоко мистическим (и раскрыть их - дело не историка, а религиозного философа), однако выразившимся в конк-

ретных просчетах белых и в конкретной же удачливости красных.

*

В первой части говорилось о программах различных антибольшевистских направлений. Однако все эти программы не стали руководством к политическому действию. Выполнение программ откладывалось до победы над большевиками (единственное серьезное исключение - политика Врангеля на юге России, но об этом - ниже). Политические цели антибольшевистских сил не доводились до сознания населения, программы лежали в столах у военачальников, в лучшем случае одноразово публиковались в какой-нибудь газетке в освобожденных от большевиков городах.

Большевики же развернули широкую пропаганду своих целей: уничтожение частной собственности на средства производства, вся земля - крестьянам, народам царской империи - независимость, рабочий контроль над производством и т. п. Все эти лозунги обнаружались достаточно рано как демагогия, однако большевики несравненно лучше, чем их противники, понимали силу пламенного слова и легкую внушаемость толпы.

Белые же, даже офицеры, склонны были разделять взгляд генерала А. И. Деникина, заявившего в самом начале движения: "Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход - вера в своих руководителей"²². Всё, что знали белые бойцы, можно было бы уложить в одну идею: выгнать большевиков, созвать Учредительное собрание, а оно уже решит все политические вопросы.

А так как Учредительное собрание, например, не решило еще аграрного вопроса, законники-белые стали в

некоторых местах возвращать помещикам землю, захваченную крестьянами согласно незаконному большевистскому декрету о земле. Это делали даже те белые вожди, которые в своих программах предусматривали передачу земли крестьянам после Гражданской войны! И в других вопросах (например, о мире) белые оставались на позициях непредрешенчества и уважения к легитимности, красные же обратились к массам с призывом совершать действия, опирающиеся не на решения законного народного представительства, а на декреты однопартийных советов и приказы так называемых народных комиссаров.

В армии Деникина офицеры придерживались самых разных политических взглядов, и это не считалось неестественным: демократическое Учредительное собрание разберется. Красная же армия строилась на обязательной для всех бойцов единой идеологии. При этом большевистские комиссары не только вдавливали эту идеологию в сознание красноармейцев, но даже сами формулировали цели белого движения. Весьма остроумно замечание М. Геллера: "Отсутствие четкой программы у белых позволило красным пропагандистам придумать программу за Колчака и Деникина"²³. Следовало бы уточнить: не отсутствие таковой программы у белых, а закрытость ее от широких слоев населения. Красные мастера дезинформации внушали массам, что цель белого движения - восстановление монархии, насильственное удержание национальных окраин под игом русского империализма, закабаление крестьян помещиками и рабочих - капиталистами. Выше мы останавливались на содержании политических программ белого движения, имевших мало общего с большевистскими вымыслами, однако конкретные дела белых скорее помогали красной пропаганде, чем препятствовали ей. Так, лозунг - "единая и неделимая" появился после гибели Корнилова. В программе Корнилова на будущее значилась полная

самостоятельность Польши, Финляндии, Украины²⁴, а возглавляемая им армия сражалась "за единую и неделимую". Большевики же уже одним из первых своих декретов провозгласили право национальных окраин на отделение от России.

Слишком поздно начали понимать отдельные мыслящие офицеры белой армии важность пропаганды. Полковник Лисовой в конце 1919 года писал в докладе о положении на Западном фронте: "...страшным и опасным для дела борьбы является советский отдел пропаганды, организованный и поставленный ими в мировом масштабе... В сравнении с советской пропагандой наш отдел пропаганды является жалкой детской игрушкой кустарного производства"²⁵. И только в самом конце Гражданской войны, когда уже трудно было что-либо спасти, начальник штаба Врангеля генерал Махров разработал практический план развертывания разъяснительной работы среди населения с целью "донести до его сознания демократические цели белой освободительной борьбы"²⁶.

Большевистская пропаганда не только количественно обогнала белую, она выработала неслыханное дотоле обращение с привычным понятийным аппаратом. Основной прием большевистской пропаганды состоял в наклеивании ярлыков, ничего общего с действительностью не имевших, но настраивавших массы в нужном для большевиков духе. Мемуарист вспоминает, что, когда в 1918 году к Екатеринославу приближалась украинская армия Петлюры, председатель большевистского совета кричал, что на город надвигаются "петлюровские банды, впереди которых идут помещики и попы"²⁷. А между тем Петлюра был по убеждениям социалист! И такое выступление было не актом самодеятельности какого-то одного комиссара: это была установка на обман. Один из руководителей большевиков Н. И. Бухарин говорил в то время в кругу единомышленников: "Международ-

ные политики, товарищи, в годы большого исторического сдвига... оказались неподготовленными к тем формам дипломатии, которые выдвинул наш Ильич... Мы околпачим всю Европу! Весь мир!"²⁸ Ленин действительно учил свою партию "идти на всякие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчание, сокрытие правды"²⁹. При таком подходе к "правде" большевикам ничего не стоило объявить тамбовских крестьян или Кронштадтских моряков, выступавших с лозунгом "Вся власть Советам без коммунистов!", наймитами английских империалистов, стремящимися восстановить в России капитализм.

Уже тогда в большевистской пропаганде важную роль играла релятивизация понятий. Пример такой игры с понятиями - использование большевиками слова "патриотизм". Когда вспыхнула Первая мировая война, Ленин поставил задачу поражения русского правительства. Он говорил о "буржуазном патриотизме" и призывал солдат бросать оружие, заявив, что только большевики дадут мир. Но когда во главе русского правительства стали большевики, они вдруг призвали к защите отечества, уже "социалистического", и Ленин, с точки зрения многих русских людей, изменник, вдруг превратился в патриота, а в воззвании, подписанном командирами Красной армии во главе с генералом Брусиловым, упоминалось столь ненавистное Ленину еще недавно словосочетание - "Матушка Русь".

Одной из первых жертв того, что Бухарин назвал "околпачиванием", стали свободные республики, входившие ранее в Российскую империю. Их независимость была ликвидирована большевиками по одному и тому же сценарию. Сначала советское правительство их признавало. Затем большевистская пропаганда начинала свою работу: она обвиняла правительства освободившихся республик в недружественной политике по отношению к Москве и в сговоре с Антантой, а также в

отмене декретов советской власти (как будто суверенные правительства обязаны у себя на территории сохранять систему иностранной державы!). После пропагандистской "артиллерийской подготовки" в действие включались местные большевистские подрывные организации, захватывающие власть в республике и призывающие на помощь Красную армию. Так была ликвидирована Грузинская республика, возглавляемая социалистическим правительством. Так Красная армия под командованием М. А. Муравьева и Антонова-Овсеенко двинулась на Украину, когда гетман Скоропадский подавлял большевистский заговор в Киеве. Таким же образом большевики захватили власть в Ташкенте, обманув начальника его гарнизона генерала Коровченко, который доверял соглашениям, заключенным с большевиками³⁰. Сообщаемые здесь сведения о приемах ликвидации независимых государств более или менее корректно сообщаются в советской энциклопедии Гражданской войны. Они лишь подтверждают информацию, содержащуюся в источниках из противоположного лагеря³¹.

Советская пропаганда привела к расколу антибольшевистских сил на национальных окраинах. Веря лозунгам, правительства отделившихся государств скорее были склонны помогать большевикам, провозгласившим право на отделение, чем белым, или откладывавшим решение национального вопроса до созыва Учредительного собрания, или же - еще того хуже - настаивавшим на лозунге "единая и неделимая". Руководители этих государств не могли тогда еще знать, что все понятия, в том числе и понятие независимости национальных окраин, для большевиков никак не абсолютны. Сталин скажет на XII съезде партии: "Бывают случаи, в которых право народов на самоопределение вступает в конфликт с другим, высшим принципом, а именно - с правом рабочего класса (имеется в виду, согласно большевистской новоречи, - коммунистической партии. - Г.А.)

на укрепление своей власти, коль скоро он к этой власти пришел”.

Не знакомые с этим методом ”околпачивания” политики государств, входивших ранее в Российскую империю, препятствовали белой борьбе. Так, польский президент Пилсудский, социалист, до определенного времени сочувствовал именно большевистскому правительству, надеясь, что оно будет слабее царского и, следовательно, будет представлять меньшую угрозу польской независимости. В Латвии Ульманис разгромил партию Ведры, стоявшего за поддержку русского антибольшевистского движения и за оставление Латвии после поражения большевиков в составе Российской империи. Эту русофобию впоследствии (в 1940 году) Ульманис оплатит высокой ценой.

Позиция правительств прибалтийских стран стала одной из причин поражения белой западной армии генерала Юденича, наступавшего на Петроград: ее прибалтийский тыл был ненадежен. Поэтесса Зинаида Гиппиус с раздражением писала о белых вождях: ”С неумолимой, роковой однообразностью каждая русская сила, собравшаяся на большевиков, начинала с того, что когонибудь не признавала, даже Финляндию... уж не говоря о Латвии и Эстонии. Мы содрогались от отчаяния, а они со своей тупостью (честной, может быть) объявляли, что не позволят расчленить Россию... Россию, которой сейчас нет”³². Конечно, в этом утверждении есть определенное литературное преувеличение: что касается Финляндии, то она была признана Верховным правителем адм. Колчаком, равно как и ген. Юденичем, который (как и ген. Деникин) подчинялся Колчаку.

И поразительно, что профессиональные политики вновь образовавшихся государств верили более лозунгам, чем практическим делам большевиков. Сами руководители большевизма четко планировали захват бывших национальных окраин, которым они пообещали

независимость. Главком красных Вацетис без всяких пропагандистских украшений писал Ленину: "Мы должны отметить, что столь обширные успехи в расширении территории республики достигнуты исключительно оружием"³³.

Одной из причин удач красных была и поразительная доверчивость к лозунгам у определенной части русского народа. За всё время Гражданской войны большевики не принесли ничего хорошего ни рабочим, ни крестьянам, ни интеллигенции. Они кормили население страны лишь сказками о будущем рае для трудового народа. История Гражданской войны перенасыщена фактами зверского отношения большевиков к народу. Уже в 1918 году началась конфискация у крестьян хлебных запасов. Уже тогда практиковалось искусственное обозначение крестьянина как кулака, если тот не отдавал свой подчас последний кусок хлеба красным отрядам³⁴. Сопrotивление крестьян подавлялось самым кровавым образом подчас силами латышских стрелков или соединений китайских наемников³⁵.

С первых дней прихода красных в ту или иную местность становилось ясным, что вместо "светлого мира равенства и свободы" возникает мир насилия и ожесточенной борьбы, а материальное положение населения не только не улучшалось, но приходило в еще более катастрофическое состояние. Когда же в любой русский город приходили белые, сразу же расцветала торговля; если же город занимали антибольшевистские европейские силы: чехословаки на Волге (но не за Уралом), немцы - на Украине, англичане - на Севере, то устанавливался и полицейский порядок, при котором резко возрастала личная безопасность населения³⁶. И несмотря на всё это, симпатии рабочих и крестьян к красным и настороженное отношение к белым на протяжении войны росли, хотя эти настроения не достигали никогда таких масштабов, чтобы их можно было бы

считать решающей причиной поражения антибольшевистских сил. К концу войны отношение населения к белым и красным определялось как одинаково недоверчивое.

Русский народ очень податлив на красивое слово. Нередко бывало, что, обратившись к рабочему или мужику со словом "товарищ", красный комиссар, прославившийся зверствами по отношению к населению, завоевывал их сердца (белые с их подчас неизжитыми иерархическими привычками отталкивали простой люд). И не только простые люди, но и образованная городская молодежь не всегда могла устоять перед очарованием красивой фразы. Все большее число русских людей стало воспринимать недостатки старой системы, которую они идентифицировали с антибольшевистскими силами, как закономерные, а насилия большевиков и мгновенно наступающая с их приходом хозяйственная разруха - как досадные недоразумения на пути к светлому будущему.

Легкомысленное отношение белых руководителей к пропаганде было следствием одного глубокого заблуждения: они не видели в большевизме глубоких исторических корней. В глазах большинства участников Белого движения большевики были какими-то разбойниками, неизвестно откуда взявшимися на русской земле. Лишь очень немногие понимали, что большевики - такие же россияне, как их русские противники, и что большевистский переворот, а главное - акции большевиков после него - не есть нечто случайное.

В большевизме отразилась историческая слабость православия, не сумевшего внушить русским людям уважения к справедливости, к правилам милосердия, не воспитавшего сознания соборности - общей судьбы нации. А лишь недолгий опыт русского либерализма (начавшего определять государственную политику только с конца 50-х годов XIX века) не выработал у русских глубинных основ правосознания.

К сожалению, и в Белом движении до возглавления его генералом Врангелем русские грехи выразились с большей ясностью, чем русская правда.

Несмотря на то, что большинство белых вождей разделяло либеральные и демократические идеи, действия их армий подчас мало чем отличались от действий Красной армии, руководимой комиссарами, обуянными ненавистью к демократии и утопическими тоталитарными идеями. Наивное предположение белых, что, расправившись с большевиками, они восстановят справедливость, привело к тому, что для большей части русского населения исчезла разница между воюющими за власть сторонами. И, может быть, не совсем уж не прав современник, который говорил, что, собственно, нет борьбы между большевиками и демократами, а идет война между белыми и красными большевиками³⁷. Красная армия славилась мародерством, но оно не было чуждым и Добрармии, хотя время от времени командиры обеих армий мародеров наказывали. Эсерка Олицкая, которую никак нельзя заподозрить в сочувствии к белым, в своих мемуарах отмечает, что Деникинское командование пресекало бандитизм своих солдат в Курске³⁸. Однако попытки отдельных командиров как красных, так и белых, предотвратить грабежи и насилия, имели мало успеха - в войне принимал участие с обеих сторон один и тот же народ - российский. И упадок морали проявлялся с обеих сторон. Правый депутат думы В. Ф. Шульгин, издававший при белых в Киеве газету, называл в ней Добрармию грабармией. Сам начальник штаба Добрармии ген. Махров в докладной записке командующему вспоминал, с каким восторгом встречало население Добрармию в русских и украинских городах и каким разочарованием для него оказалось пребывание его армии: "Вместо порядка мы принесли те же насилия, грабежи, издевательства... Нам не верили, нас боялись"³⁹. "Белые большевики",

особенно в Добрармии, мыслили такими же обобщающими категориями, как и красные большевики. Красные большевики исходили из ответственности человека за принадлежность к классу или сословию, а белые - за принадлежность к группе, известной определенными взглядами, или к нации. Белые большевики обвиняли, например, всех евреев за дела Троцкого и устраивали еврейские погромы даже в тех местах, где евреи восторженно встречали их как освободителей от большевиков. Для многих белых еврей и коммунист были такими же синонимами, как для красных интеллигент и буржуй. Часть еврейской молодежи присоединялась к белым, часть - к красным. И белые и красные рассматривали Россию как свою добычу и, покидая какую-либо территорию, старались ничего за собой не оставлять. Лишь в частях армий Деникина и Врангеля за мародерство расстреливали, а генерал Врангель, разрабатывая план оставления Крыма, запретил "порчу и уничтожение казенного имущества, так как таковое принадлежит русскому народу"⁴⁰.

И все же, говоря о схожести, необходимо подчеркнуть и различие между красным и белым террором. Белый разбой отражал те элементы русской ментальности, о которых упоминалось выше, однако не имел никаких философских или идеологических обоснований. Более того: мародерство, террор и другие виды преступлений белых противоречили программам белого движения и идеалам белого командования. Преступления же красных были мотивированы идеологически. Грабь награбленное - это был призыв вождя большевиков Ленина. Ни к чему подобному никогда не призывали вожди белого движения. Только красным приходили в голову такие методы, как заложничество или концлагеря, первый из которых был создан под Киевом в 1918 году (комендант Уваров), где заключенных называли по номерам⁴¹. Никогда у белых, даже самых

больших изуверов вроде генерала Слащева (перешедшего позже к красным), не возникала идея геноцида. Красные же занимались классовым геноцидом. Так, в письме ЦК РКПб 29 января 1919 года содержалась следующая инструкция: "Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно"⁴². Такой приказ уж никак нельзя отнести за счет темных сторон русской истории - он следствие вторжения в Россию тоталитарного коммунистического сознания западного происхождения. Руководители ЧК, например, Лацис, учили чекистских следователей, что судьба заключенных должна определяться не их личной виной, а их происхождением⁴³.

Однако населению было безразлично, по каким причинам зверствует одна армия, а по каким - другая.

И лишь генерал Врангель и его окружение поняли, что выиграть Гражданскую войну можно, только противопоставив одной России, - несправедливой и жестокой по отношению к простому человеку, другую - Россию демократическую, либеральную, изобильную.

П. Н. Врангель осознал, что Гражданская война - не только борьба двух армий, но и политическая борьба. Он поставил в Крыму и на юге Украины дело пропаганды более широко, чем его предшественники на посту главноверха белых, а главное - подкрепил эту пропаганду немедленными социальными акциями. Он создал в Крыму гражданское правительство, членами которого стали либеральные политики А. В. Кривошеин, когда-то сотрудничавший с великим русским реформатором Столыпиным, деятель земства князь В. Оболенский, левый кадет П. Б. Струве. Правительство это разработало план наделения крестьян землей и начало его немедленно осуществлять в Крыму и на юге Украины. Наблюдавший за этими событиями современник писал: "Теперь мужика тронуть - Боже сохрани! Сейчас следствие и суд"⁴⁴. Правительство Врангеля резко улучшило поло-

жение рабочих. "В этом «белогвардейском» Крыму, - жаловался один офицер белой армии, - тяжелее всего жить тем, кто причисляется к официальным верхам, низы же, рабочие и крестьяне, живут неизмеримо лучше, чем в «рабоче-крестьянской республике»⁴⁵. Хотя шла война, рабочим было дано право на забастовки (кроме рабочих военной промышленности), действовали свободные профсоюзы. В то время, как в захваченных большевиками районах промышленность лежала в развалинах, в Крыму производительность труда достигла почти довоенного уровня. Начались выборы в Учредительное собрание. Была разрешена почти неограниченная свобода слова и печати, выходили газеты самых разных направлений (кроме, разумеется, большевистских), впрочем, не всегда высокого качества. Правительство Врангеля решительно пресекало антисемитизм, командующий лично запретил выступать в печати с проповедями известному антисемиту отцу Востокову. Таким образом, только с приходом к командованию антибольшевистскими силами генерала Врангеля началась, наконец, война между демократией, с одной стороны, и тоталитаризмом - с другой.

Но время работало против барона Врангеля. Уже вся огромная Россия была захвачена большевиками, и о том, что происходит в Крыму, население страны не имело понятия. Большевистская дезинформация работала уже тогда надежно.

И только почти через 50 лет писатель-изгнанник Вас. Аксенов в своем иронико-утопическом романе "Остров Крым" нарисует образ той свободной демократической России, которая могла бы возникнуть в Крыму, будь он не полуостровом, а островом, отделенным от большевистского материка.

Врангель уже не мог победить и потому, что большевики начисто переиграли своих противников в военно-стратегическом отношении. Поскольку Гражданская

война не могла решиться на уровне теоретической или наглядной пропаганды, - она решилась на уровнях организации и стратегии.

Большевики создали в центре России - в Москве и в Петрограде - единый политический, военный, организационный, идеологический и полицейский центр. Антибольшевистские силы на протяжении всей Гражданской войны не только были разбросаны территориально, не только ни на один момент не приходили к согласию относительно военных и политических мероприятий, но подчас интриговали друг против друга. Бывали такие моменты, когда, скажем, на территории лишь Украины одновременно существовало несколько антибольшевистских, враждующих друг с другом правительств: гетмана Скоропадского, поддерживаемого немцами, добровольческое, которому оказывали некоторую помощь французы и англичане, польское в районе Новоград-Волынского и Житомира, и правительства десятка "батек", политическая ориентация которых была совершенно невразумительна. На востоке в августе 1918 года было 19(!) правительств. Главные из них - Комуч, Сибирское правительство в Омске, Уральское - в Екатеринбурге, Амурское в Благовещенске, генерала Хорвата в Харбине, атамана Семенова в Чите и атамана Калмыкова в Хабаровске⁴⁶. И хотя в сентябре 1918 года была создана единая директория, из-за полной неизвестности ее вождей, бывших к тому же еще и социалистами, мало кто в Сибири, тем более в европейской части России, готов был ей подчиниться.

Ситуация в антибольшевистском лагере очень походила на положение в России между февралем и октябрём 1917 года: плюрализм привел не к консолидации анти-тоталитарных партий, а к междоусобицам, в то время как большевики даже в собственной партии пресекали всякие попытки возникновения внутрифракционных разногласий и создали в своих рядах железную дисциплину.

лину во имя достижения победы над демократией. Трения в антибольшевистском лагере подчас выходили далеко за рамки простой полемики. Пример тому - приказ гетмана Скоропадского закрыть в Киеве бюро по набору добровольцев в армию Алексеева-Деникина.

Непонимание серьезности положения у политических деятелей антибольшевистского лагеря приобретало такие размеры, что историк может усомниться в умственном здоровье некоторых из них. Так, многие социал-демократические вожди закавказских республик в самый разгар большевистского наступления на их страны начинали осуществлять "демократизацию" армии, то есть разваливать ее дисциплину, распространяя заодно пацифистские идеи. Большевики же закончили болтовню о равенстве солдат и офицеров, о сознательной дисциплине сразу после того, как они, развалив этой болтовней сначала царскую, а потом армию Временного правительства, создали свою - Красную армию - со строгим и безоговорочным подчинением солдат командирам, со смертной казнью за дезертирство и т. п. Тем же, что и социал-демократы в Грузии, занимались социалисты в Сибири: не отличавшийся глубоким политическим умом вождь социалистов-революционеров Чернов натравливал солдат армии Комуча, в который входила и его партия, на офицеров-"реакционеров", так что нет ничего удивительного, что адмирал Колчак разогнал социалистическую директорию, не являясь реакционером, а просто обладая здравым рассудком военного руководителя. Как известно, ЦК социалистов-революционеров даже принял резолюцию о прекращении борьбы с большевиками.

В советских источниках много говорится об иностранной интервенции, цель которой была-де задушить "молодую советскую республику". В действительности же, никакой организованной военной интервенции против большевиков не было. Скорее уж иностранная

поддержка, оказываемая большевикам их единомышленниками, может быть названа значительной и хорошо организованной. На стороне красных воевали сплоченные железной дисциплиной, фанатически настроенные коммунистические китайские, венгерские и латышские отряды. Свидетель захвата красными одного города на Украине рассказывает в своих воспоминаниях: "После небольших отрядов русской пехоты в город вошла 46 Латышская дивизия. Увидев этих неприветливых белобрых людей, прекрасно одетых и вооруженных, с поразительной военной выправкой, стали понятны истерические вопли в сводках Добрармии о пущенных в бой Троцким латышских частях"⁴⁷. Численность "интернациональных войск", сражавшихся на стороне красных, была приблизительно 250 тысяч бойцов. Одно время верховным главнокомандующим Красной армии был бывший полковник царской армии латыш Вацетис.

Что же касается иностранных воинских соединений, сочувствовавших антибольшевистскому лагерю, то они вообще не ставили задачу свергнуть большевистские правительства. План "крестового похода" против русских большевиков действительно существовал (его разработал французский генерал Фош при поддержке Черчилля), однако правительства Франции и Англии этот план отвергли. Иностранные воинские части на окраинах бывшей Российской империи лишь защищали интересы своих граждан, а иногда (как немцы на Украине или англичане в Азербайджане) по соглашению с правительствами этих республик помогали им отбиваться от большевиков. Немцы подчас вели политику, более соответствующую интересам московского правительства, чем правительств белых армий. Не случайно большевики так рассвирепели, когда эсеры убили немецкого посла Мирбаха: они были заинтересованы в благоволении немцев. Немецкое командование на Украине не выпускало офицеров, стремящихся в Белую армию, и

логика их была ясна: командование Добрармии было за продолжение войны против Германии, большевики же заключили с ней Брестский мир, а еще раньше разложили русскую армию на немецком фронте. Германия и стала первой европейской страной, признавшей коммунистический режим де-юре (канцлер Витт). Но не только немцы, подчас и страны Антанты мешали развертыванию борьбы с большевизмом, французское правительство не пропускало через свою территорию русских офицеров, пробиравшихся из немецкого плена в Белую армию. Поведение иностранных представителей в рядах антибольшевистских сил подчас играло не позитивную, а крайне негативную роль в развитии настроения населения. В романе "Тихий Дон" показано, как многие казаки, в том числе и главный герой романа, переходили к красным, раздражаясь тем, что английские офицеры смотрели на русских как на низшую расу. Когда немецкий публицист Росс посоветовал немецкому командующему Гофману вести политику, которая смогла бы оттолкнуть украинских крестьян от большевизма, тот расхохотался и сказал: "Вся Украина меня интересует только до ближайшего урожая. А там пусть с ней будет все, что угодно"⁴⁸.

Раздробленность антибольшевистских сил и даже стычки между ними привели к тому, что белые жили сегодняшним днем, откладывая восстановление российской государственности на время после (скажем, - весьма проблематичной) победы над большевиками. Красные же гораздо раньше осознали себя ответственными за прекращение русской смуты (которую они и вызвали) и приступили к воссозданию своей государственности. Только большевики смогли заставить народную стихию маршировать в удобном для них направлении. Это услышал Блок еще зимой 1917-18 годов (поэма "Двенадцать"). В революционных произведениях Д. Фурманова ("Чапаев"), А. Фадеева ("Против течения", "Раз-

гром”), А. Серафимовича (“Железный поток”) довольно правильно изображены картины разбушевавшейся народной вольницы, которую прибирают к своим рукам железные комиссары. Пока белые колебались, сделать ли служение в их армии обязательным, Троцкий уже в феврале 1918 года объявляет мобилизацию в Красную армию. Большевики к середине Гражданской войны стали переводить свой террор в рамки государственно-целеустремленного. Барон Будберг уже тогда сказал: “Большевики слишком ценят власть, чтобы потерять ее только на основании голосований и резолюций, они дадут говорить пулемету, штыку, кулаку и дубине - основным инструментам их оркестра”⁴⁹.

Очень точно заметил Шульгин: “Они, - писал он о большевиках, - у нас (то есть у монархистов. - Г. А.) взяли принцип единоличной власти, они восстановили военное могущество России, они восстановили границы Российской державы, они подготовили пришествие самодержца Всероссийского” (поразительное пророчество о Сталине)⁵⁰.

Белые не могли строить свою армию тем же путем, что большевики - насильственной мобилизацией. Они не имели для этого соответствующей карательной машины. Мобилизации, конечно, объявлялись, но не явившихся за это не расстреливали. И лишь в 1920 году в европейской части России белые тоже начали строить армию по примеру Красной армии(!)⁵¹.

Грандиозную работу по созданию государства проводит сам Ленин в период Гражданской войны. Тома его произведений, содержащие работы этого времени, пестрят статьями, беседами, приказами на самые разные темы: организация армии, работа комиссариатов, дела народного образования, здравоохранения, культуры, промышленности, - в общем, всего, что входит в структуру государственного управления.

Белые не смогли выдвинуть харизматической фигу-

ры, в то время как у красных их было две: Ленин как вождь и Троцкий как военачальник. У белых мог бы быть такой фигурой генерал Корнилов, обладавший некоторыми качествами, которые сделали бы его русским Бонапартом: Корнилов был в состоянии устранить большевиков, сохранив все демократические завоевания революции, как Бонапарт, уничтоживший якобинцев и заложивший основы французской правовой сначала империи, а потом республики. Но Корнилов погиб в самом начале Гражданской войны, а ни Деникин, ни Колчак его свойствами не обладали.

Государственный подход к событиям Ленина и Троцкого, их способность создать новую российскую армию на развалинах старой способствовали обстоятельству, сыгравшему чуть ли не решающую роль в военной победе большевиков. Это обстоятельство - переход на их сторону значительного числа профессиональных офицеров царской армии. В данной статье нет необходимости уделять внимание моральным аспектам исторической темы. Конечно же, иначе как изменниками (или - в лучшем случае - крайне наивными в политической и тем более в философской сфере) этих военных назвать трудно. Но полководцы среди них были блестящие, и именно они, а не так называемые пролетарии организовали военную победу большевизма. Для многих из них совершенно безразлична была коммунистическая и всякая иная идеология: они хотели лишь проявить свои профессиональные военные способности. Были среди них и левые по взглядам офицеры, и те, кто пошел служить красным из элементарного (и вполне понятного) страха за свои семьи, живущие на территориях, занятых большевиками: Троцкий не гнушался просто брать в заложники семьи офицеров, отказывавшихся служить в Красной армии.

Русская литература изобразила два типа офицеров российской армии: грубых солдафонов (повесть Куприна

”Поединок”, рассказ Сергеева-Ценского ”Бабаев”) и утонченных интеллигентов (”Три сестры” Чехова). Было бы упрощением утверждать, что эти два типа последовательно распределились между воюющими лагерями. Генерал Гутор, вешавший без суда и следствия рабочих во время революции 1905 года, стал советским патриотом, другой недоброй славы генерал - Слащев, прекрасно нарисованный М. Булгаковым в пьесе ”Бег”, служил в армии Врангеля. Генерал М. Д. Бонч-Бруевич (брат известного большевика), известный своими монархическими симпатиями, стал начальником штаба у красного главнокомандующего прапорщика Крыленко, а чуть ли не социалист генерал И. П. Романовский был нач. штаба у ген. Деникина.

Не менее четверти всех офицеров старой армии перешли на сторону большевиков. Всеми фронтами и почти всеми крупными соединениями ”рабоче-крестьянской” Красной армии командовали офицеры царской России (хотя необходимо сказать, что основной цвет русского офицерского корпуса был выбит в Мировую войну, а на смену пришли совсем другие люди). Кое-кому из них было не привыкать громить крестьянские восстания. Так, крестьянское восстание против большевиков в Тамбовской губернии было подавлено красными частями под руководством бывшего полковника генштаба С. Каменева, начальником штаба у которого был потомственный русский офицер полковник Н. Какурин. Били они русских мужиков, мечтавших о советах без коммунистов, в трогательном союзе с известным уголовником, красным командиром Котовским под общим руководством чекиста Дзержинского, между прочим, тоже выходя из польской знати.

Восточным фронтом против армии Колчака поочередно командовали генерал-майор Самойло, ранее командовавший красным Архангельским фронтом, генерал-майор Ольдерогге, полковник Вацетис. Лишь ко-

роткое время этим фронтом командовал большевик-революционер М. В. Фрунзе, кажется, единственный действительно одаренный военачальник, вышедший из среды тех, кто совершал большевистский переворот. Южным фронтом против Добрармии командовали поочередно генерал-майор П. П. Сытин, генерал-лейтенант В. Н. Егорьев, полковник генштаба А. И. Егоров. Западным фронтом большевиков командовал подполковник генштаба А. И. Корк.

Разумеется, и у белых были прекрасные командиры, например, генералы Деникин, Бредов, Кутепов, Скоблин, Дроздовский, Марков, Алексеев, но, как бы по велению судьбы, именно лучшие из белых военачальников погибали или умирали в самом начале Гражданской войны (Корнилов, Алексеев, Марков, Дроздовский), и вокруг Деникина, а позже Колчака скапливались какие-то мелкие люди, метившие в Наполеоны, или офицеры типа Слащева, талантливого военачальника, но вредного Белому движению политика. А уж все эти "петлюровцы" на Украине, бывшие сельские учителя, писари, бухгалтеры, - что они могли сделать против регулярной Красной армии, которой руководили профессиональные военные?

У красных всегда было количественное преимущество над белыми, в отдельных случаях - десятикратное. Но даже и профессиональные командиры белых армий проигрывали на полях Гражданской войны своим бывшим однокашникам по военной академии. Совершенно не на месте оказался адмирал Колчак (хотя бы потому, что он просто не имел "сухопутного" опыта).

Роковую роль в результатах Гражданской войны сыграла необоснованная смена настроений в белой армии. В начале войны настроение в Белом лагере было довольно оптимистическим, в конце - фаталистически пораженческим. Во многих воспоминаниях о Гражданской войне рассказывается о кутежах белых победите-

лей, приводящих к разложению их армии. Белым агентурным сообщениям и информации белой печати было свойственно почти всегда недооценивать возможности красных. Красное же командование скорее было склонно к переоценке сил противника.

Белые армии растеряли все свои немалые объективные преимущества, которыми они обладали в начале Гражданской войны.

Естественно, что на протяжении войны исчезала вера населения в победу белых. Это приводило к переходам на сторону большевиков множества людей, которые начинали им служить вовсе не по идейным мотивам, а просто из сознания, что красные - победители и что коммунисты - это будущая власть, к которой надо приспособиться.

Далеко не все русские люди понимали, что несет их стране коммунизм, и очень часто националистические настроения даже у вождей Белого движения брали верх над ощущением опасности коммунизма. Генерал Алексеев, пусть и в состоянии раздражения, заявил однажды, что предпочел бы сотрудничать с Лениным и Троцким, чем с Керенским и Савинковым: он видел в большевиках бóльшую способность к восстановлению российской государственности, чем в болтунах-социалистах. А Колчак в ответ на требование французского представителя ген. Жанена (впоследствии предавшего его) передать русский "золотой запас" союзникам сказал, что лучше передаст его большевикам, чем западным союзникам. Жившие на Украине русские люди предпочитали украинской демократии свой, русский авторитаризм. Вот как описывает свидетель приход Красной армии в один из крупных украинских городов: "После пестрых шаровар петлюровских "добродиев"... по улицам города рядами прошли русские люди в русских шинелях с русскими винтовками на плечах, громко и заливчато распевая "Соловья". А

впереди советских рот нормальным пехотным шагом шли наши русские поручики, капитаны, усталые, мрачные”⁵².

Кто из этих победителей мог знать, что через какие-нибудь пятнадцать лет вождь коммунистов Сталин уничтожит в кровавых чистках почти всех этих бывших офицеров царской армии, добывших победу для разрушителей того государства, которому они в молодости присягали.

После победы большевиков в развязанной ими Гражданской войне возникла в России доселе неизвестная система, в которой причудливо сочетаются какие-то черты старой российской империи с воплощенной коммунистической утопией. Да, военную победу одержали красные, но, как это ни парадоксально, победила не их ”светлая” идея, а восторжествовали цели самых реакционных сил русского общества. Получилось что-то вроде ничьей. Власть захватили большевики, но построенная ими система почти ничем не напоминала ту, за которую сражались наиболее романтично среди них настроенные. Опять возникла в новом обличе ”единая и неделимая”, в которой запрещены все неправительственные партии, в том числе социалистическая, крестьяне попали в ситуацию, весьма похожую на крепостное право, рабочие потеряли те права, которые они получили в результате двух революций, были ликвидированы все права человека, утвержденные февральской революцией. В общем, осуществилось то, за что воевали не либералы в Белом движении и не идеалисты в Красном, а другие силы. И не совсем уж ошибся монархист Шульгин, сказавший в конце Гражданской войны о большевиках: ”Мы заставили их красными руками делать белое дело”⁵³.

Военная победа красных и поражение антибольшевистских сил, как это ясно сегодня, оказалась проигрышем для русского народа. Гражданская война стала торжеством всего темного, жестокого, грязного, что было в русском народе, над тем, чем по праву этот народ гордится. По слову Макса Волошина, Россию "проплевали" и белые, и красные. Сегодня, через 70 лет после октябрьского переворота большевиков, наследник Ленина, генеральный секретарь партии победительницы, признает, что страна осталась у разбитого корыта. Прав был великий русский философ Владимир Соловьев, что без христианской политики невозможно подготовить жизнь по-Божески на земле⁵⁴. Об этом забыли белые, этого не хотели красные.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. И. Солженицын, "Март семнадцатого". Париж, ИМКА-Пресс, 1988.

2. Известно из многих источников. В частности: "Независимое рабочее движение в 1918 году", документы и материалы, Париж, ИМКА-Пресс, 1981, сс. 28-37.

3. Там же, с. 30.

4. В. И. Ленин. "Война и российская социал-демократия". Собр. соч., изд. 4-е, т. 21, с. 17.

5. В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 5-е, т. 39, с. 343.

6. В. И. Ленин. "Русская революция и Гражданская война". Собр. соч., изд. 4-е, т. 26, с. 19.

7. В. И. Ленин. "Обращение к международному пролетариату". Собр. соч., изд. 4-е, т. 32, с. 477.

8. Ген. П. И. Залесский. Белый архив под ред. Я. М. Лисового. Париж, 1928, т. 2-3, с. 152, 154.

9. М. Геллер, А. Некрич. "Утопия у власти". Лондон, изд. 2-е, с. 79.

10. В. Маяковский. "Хорошо". Гл. 10.

11. И. И. Вацетис. "Гражданская война". Сб. "Память" № 2, ИМКА-Пресс, Париж, 1979, с. 58.

12. Н. В. Волков-Муромцев. "Юность. От Вязьмы до Феодосии". ИМКА-Пресс, 1983, с. 34.

13. Д. В. Филатьев. "Катастрофа Белого движения в

- России". ИМКА-Пресс, Париж, 1985, с. 40 и другие источники.
14. З. Ю. Арбатов. "Екатеринослав в 1917-22 гг.". Архив русской революции, изд. Гессена, Берлин, 1922, т. XII, с. 120.
 15. "В. Г. Короленко в годы революции" под ред. П. И. Негретова. Из публикаций Чалидзе, Вермонт, США, с. 75.
 16. Белый архив, ч. 2-3, с. 173-183.
 17. А. А. Валентинов, "Крымская эпопея". "Архив русской революции", т. 5. См. также ист. 24.
 18. Мемуары Н. Полетики. "Виденное и пережитое". Библиотека - алия, Израиль, 1982; Е. Олицкой, изд. "Посев", Франкфурт, 1971.
 19. Ген. П. С. Махров. "Доклад Главнокомандующему". Журнал "Грани" № 124, Франкфурт.
 20. В. Рапопорт, Ю. Алексеев. "Дело гражданина Миронова". Журнал "Грани" № 134, сс. 244, 247.
 21. Н. А. Бердяев. "Истоки и смысл русского коммунизма". ИМКА-Пресс, 1955, с. 144.
 22. "Марковцы в боях и походах за Россию". Париж, 1962, с. 240.
 23. М. Геллер, А. Некрич. "Утопия у власти". Лондон, 1986, с. 88.
 24. "Политическая программа Корнилова". Белый архив, под ред. Лисового, Париж, 1928. Ч. 2-3.
 25. Белый архив, ч. 1, с. 12.
 26. Ген. Махров. "Доклад главнокомандующему Вооруженными силами на юге России. 8.4.1920". Журнал "Грани" № 124, Франкфурт.
 27. "Екатеринослав 1917-22". Архив русской революции под ред. Гессена, Берлин, 1923, с. 84.
 28. Там же, с. 137.
 29. В. И. Ленин, собр. соч., изд. 5-е, т. 24, с. 199.
 30. Ф. Гнесин, Туркестан в борьбе с большевиками, см. в: Белый архив, т. 1, с. 81.94.
 31. Ген. Г. И. Квинитадзе. "Воспоминания", ИМКА-Пресс, Париж, 1985.
 32. З. Н. Гиппиус. "Петербургские дневники". Орфей, 1982, с. 87.
 33. И. И. Вацетис, "Гражданская война", в сб. "Память" № 2, ИМКА-Пресс, Париж, 1975, с. 59.
 34. Е. Олицкая. "Мои воспоминания". Изд. "Посев", Франкфурт, ч. 1, с. 107.
 35. Там же, с. 119.
 36. Архив русской революции, т. X, с. 56-112, и др. источники, в частности: Короленко, дневник, 6.3.1918.
 37. Барон А. Будберг. "Дневники". Архив русской ре-

- волюции, т. XII, с. 197-290, с. 126.
38. Е. Олицкая, назв. соч.
39. Махров, назв. соч. "Грани", с. 124.
40. Н. В. Волков-Муромцев. "Юность от Вязьмы до Феодосии". ИМКА-Пресс, Париж, 1983, с. 329.
41. Отчет общества красного креста. Архив русской революции, т. IV, с. 360.
42. Письмо ЦК РКПб от 29.1.1919. "Грани" № 134, статья "Дело гражданина Миронова".
43. Газета ЧК "Красный меч". Архив русской революции, т. VI, с. 341.
44. В. В. Шульгин. "1920 год". София, с. 200.
45. Там же, с. 20.
46. Д. В. Филатьев, Катастрофа белого движения в Сибири, ИМКА-Пресс, 1983, с. 23.
47. З. Ю. Арбатов. "Екатеринослав в 1917-22". Архив русской революции, т. XII, с. 11.
48. Колин Росс. Архив русской революции, т. 1, с. 288.
49. Барон Будберг. "Дневник", запись от 6.1.1918.
50. Шульгин, "1920 год", с. 265.
51. Махров, назв. соч. "Грани" № 124.
52. Архив русской революции, т. XII, с. 88.
53. Шульгин, с. 276.
54. Вл. Соловьев, собр. соч., т. IV, с. 3.

Сергей ВЕНЦЕЛЬ

Размышления о теократии в России*

1. Основные этапы кризиса

Теократия (власть Бога) - это согласие воли Бога с волей человека. Высшая воля Бога по отношению к человеку - Богочеловечество Сына Божия. Высшая воля человека по отношению к Богу - вольное стремление войти в Богочеловечество. Церковь - место вхождения человека в Богочеловечество, т. е. в высшее согласие с волей Бога. Вероучение Церкви и ее каноны - стены, ограждающие чистоту воли Божией от возможных ошибочных толкований. Теократия в мире сем невозможна, ибо "мир во зле лежит" (1 Ин. 5, 19), социальная теократия - утопия. Теократия осуществляется в Церкви, "Доме Божиим... столпе и утверждении Истины" (1 Тим. 8, 15), вместе с ней и через нее расширяется или сужается в мире. Земной элемент Церкви: вероучение и каноны, принимаются соборно; соборность - высший принцип земного бытия Церкви, ее структуры. Община - "малый собор", большие соборы: епархиальный, местный, вселенский. Соборность - земное сред-

* Начало. Окончание в следующем номере. - *Ред.*

ство преодоления субъективизма и личной немощи по эталону Богочеловека и с помощью Святого Духа.

По мере уклонения воли человека от согласия с волей Бога усиливается человеческая немощь, уменьшается соборная непогрешимость свидетельства воли Божией, сокращаются границы Церкви и с ними - сужается и теократия. История Церкви в мире - история борьбы воли к самоутверждению человека (автократии) с волей к согласию с Богом (теократией). Историю возрождения автократии в христианстве и ее борьбу с теократией логически можно представить так:

1. Древняя христианская община - "малый собор", соединяемый единомыслием и скрепляемый Святым Духом чрез совместную евхаристическую жизнь. Недостатки одной личности восполняются достоинствами другой, достоинства одной личности развиваются и утверждаются в служении другим. Так образуется "макрочеловек" Церкви, живая икона Христа, исполненная благодати и свидетельствующая окружающему безблагодатному, демонизированному миру о вечном спасении через теократию, дающая эталон правoverия и праводелания и вбирающая в себя полюбивших Истину.

2. После наплыва в Церковь в IV веке язычников, не готовых к цельности правoverия и праводелания происходит распад христианской жизни на две половины: светскую и церковную. 6 дней автократии, в 7-й день истовое раскаяние и долгие молитвы ради теократии.

3. Община перестает быть постоянным хранилищем теократии, оставляя таковую на один 7-й день, когда на время "приходят", а затем уходят. Вместо собственно общины появится "приход". Образ непогрешимого "макрочеловека" - Иисуса Христа - воссоздается в какой-то мере лишь в седьмой день. Отсюда происхо-

дит смещение акцента в деле спасения со всей цельной христианской жизни только на седьмой день и его символику: храмовое действо становится местом сугубой концентрации, максимы спасения, а "остальная" жизнь, вне храма, выпадает из сферы спасения, теряет символику спасения и объявляется неизбежно "греховой". Формула "мир во зле лежит" начинает применяться не только по отношению к окружающему, еще не спасенному миру, но и к тому, в котором живет и повседневно действует христианин. Так открывается ему лазейка для греха: "в миру не без греха". Зато символика, относящаяся к седьмому дню, т. е. к храму, из-за концентрированности восприятия в ней и только в ней спасения фетишизируется по языческим образцам. К храму страшно даже подойти (оттого и редко туда ходят - "грехи не пускают"), алтарь - это что-то возвышенно-недоступное, священник - живой наместник Христа и т. д. Поклонение Богу через святыню подменяется поклонением самой святыне.

4. Происходит и соответственная деформация христианской антропологии. Человек из активного преобразователя мира сего в "новую тварь", довершителя творения Божия, со-творца Богу и повседневного совершителя ритуала собственного спасения становится пассивным исполнителем закона; требуемая Новым Заветом и пребывающей на человеке благодатью святость подменяется житейским благочестием, творческий поиск - послушанием.

5. Принижение творческой активности по отношению к внешнему миру влечет пассивность по отношению к преобразению собственной души - "микромира". Духовный самоанализ и постоянное бодрствование подменяются поиском готовых рецептов благочестивой жизни. Возникает культ почитания прозорливых старцев,

знающих ответы на все вопросы. Место развития личной свободы во Христе, побеждающей и вытесняющей грех, занимает подавление этой свободы из страха согрешить. Человек отсекает в себе все, что в принципе может соблазнить, в том числе и самую творческую способность - высший дар Творца, "чтобы не возникла гордость". Это то же самое, как если бы для борьбы с воровством решили не выпускать больше кошельков.

6. Необходимость иметь всегда правильные ответы на вопросы быстротекущей жизни - как духовные, так и общественные, и экономические - побуждает искать уже постоянную "непогрешимую" инстанцию на земле, заменяющую (и подменяющую) собой волю Духа Божия, которая всегда была явлена в утерянной ныне общине.

7. При пирамидальном устройении Церкви таковой инстанцией становится ее глава. На Западе - это папа, на Востоке, где патриархаты не успели достичь такой независимости от мирской власти, это - союз церковной власти с христианским государем, заключающий в себе греховное обольстительное стремление построить Царство Божие, "рай" на этой земле. Таким образом, жизнь "6 дней недели" без Бога, ставшая греховной из-за распада общины, теперь вновь освящается, но уже не через личное преображение и соборную проповедь общины миру сему, а "сверху", автоматически и волюнтаристски, от "непогрешимой инстанции", соединившей две власти.

8. Понятие "Рима" из негативного (синонимы в Св. Писании: "Вавилон", "великая блудница", "мать мерзостей земных") в этой утопической попытке обретает позитивный смысл - "великого святого Царства" на земле. Провозгласить себя "новым Римом" означает теперь похвалиться успешно строящимся на земле раем.

9. Поскольку в реальности все социальные недостатки продолжают свое бытие и в "земном рае", Церковь постепенно утрачивает свой авторитет в народе, а с ним и свои основные функции.

Русь приняла от Византии готовую модель христианства, включающую в себя 7 вышеуказанных этапов. Восьмой вскоре развился, особенно к концу татарского ига, а признаки девятого стали явственно обнаруживаться в конце XVII века, пышным же цветом расцвели в XX. Первая радость Богообщения, первый религиозный энтузиазм в течение нескольких веков компенсировали возможные и действительные упущения. Тенденция стать "новым Римом", построить под руководством непогрешимой инстанции святое царство, подменить духовное преображение материальным была в России долгое время не более чем тенденцией. Однако изначальное отсутствие в России древнехристианской общины и устроение церковной жизни через модель приходов принесло свои плоды. Первоначальный энтузиазм был заведомо ложно обращен к поиску не пророческой соборности во Святом Духе (потребность в такой явственно выражалась в почитании монашества), а "непогрешимой инстанции", через которую освящение свыше можно было бы распространить на все сферы жизни. Так утрачивалась чистота первоначального свидетельства Церкви, деформировалась ее антропология, человек из самоценной творческой личности все более становился безгласным пассивным исполнителем заповедей в ветхозаветном духе, причем из заповедей на первое место все более выходила заповедь послушания начальству - "непогрешимой инстанции".

В результате прикровенная тенденция подмены теократии автократией стала обретать плоть ко времени Московской Руси. Поскольку Русь крестили не апостолы, а великий князь, роль царя - вождя народа Божия - была еще весомее, чем в Константинополе. Стремле-

ние дать религиозно-символическую трактовку всем сторонам жизни в земном царстве Божиим и освятить все таким, каким оно есть, поневоле сталкивало и пересекало функции главы Церкви и главы народа. Симфония двух властей рано или поздно должна была разрушиться, ибо в раю не может быть противоречий, и у одного дела в одном отношении должен быть один хозяин.

Причина убийства святителя Филиппа, митрополита Московского и всея Руси, выходит за рамки его личных отношений с царем Иваном IV - это первая серьезная попытка светской власти повелевать и Церковь, лишив ее свободы обличать зло в ком угодно - даже в царе. Это попытка слить в общественном сознании статус мирской и церковной власти, чтобы через это слияние придать мирской власти (а через нее - и личности царя) "непогрешимый", как бы теократический характер. Это первая серьезная попытка на Руси утратить Ангелов Церкви - епископов - и побудить их, следуя человеческим слабостям, предпочесть смерти за исполнение заповедей Царя Небесного "сладкий плен"* послушания заповедям царя земного.

Однако эта попытка, несмотря на всю свою мерзость, не представляла собой глобального характера по ряду причин. Во-первых, царь все-таки был верующим. Несмотря на многие беззакония, он боялся Бога, боялся ответственности за грехи и стремился - пусть по-своему, - но укреплять позиции Православия в обществе. Во-вторых, будучи ограничена в одном месте, Церковь восполнялась в другом. Боялись обличать иерархи - не боялись Христа ради юродивые, воспринявшие эту харизму от Духа, Который "дышит, где хочет"

* Выражение современной исповедницы Православия Зои Крахмальниковой.

(Ин. 3, 8). А узавить Церковь в целом, лишить ее всяких средств излияния воли Духа, т. е. лишить ее теократии - царь боялся. Он был грешником, но не был воинствующим богоборцем. В-третьих, влияние светской власти на церковную было личным, шло, так сказать, через кадры, т. е. через тех или иных иерархов, которые могли уступать или не уступать этому влиянию, но оно не затрагивало самой конституции Церкви, ее канонической структуры. Поэтому мерой искажения воли Духа была мера личного желанья (или нежеланья, как у святителя Филиппа) пребывать в "сладком плену" государственных щедрот. Теократия в Церкви сокращалась, но не исчезала, пребывая еще в некоторых сторонах структуры и жизни Церкви и в ее святых.

В дальнейшем борьба двух начал: светского и церковного, в которой Церковь отстаивала свое право быть свободной в волеизъявлении Святого Духа, проходила с переменным успехом. В XVII веке серьезные попытки отождествить Церковь с государством при доминировании последнего предпринимались царем Алексеем Михайловичем, особенно в 1647 г. - так называемое "Монастырское уложение". Но в то же время по настоянию Патриарха Никона царь приносил публичное покаяние от имени своих предшественников в убийстве Святителя Филиппа и участвовал в его прославлении. Большой Московский Собор 1666-1667 гг. отменил антицерковное "Монастырское уложение", однако конфликт царя с Патриархом, закончившийся поражением последнего, стал второй важной вехой на пути лишения Церкви свободы свидетельства, так как кандидатуры следующих претендентов на патриарший престол подбирались - по совету греческих владык - по принципу лояльности царю и "простоты".

Царь Петр Алексеевич поначалу пытался понять роль Церкви в общественной жизни. Известно, что он при-

звал к себе не в меру развоевавшихся оппонентов: грекофила монаха Евфимия и "латинствующего" Сильвестра Медведева, стараясь вникнуть в суть их споров. Однако их дискуссия не выходила практически за рамки вопроса о времени пресуществления Св. Даров на Литургии и преимуществ греческого либо латинского языка и совершенно не затрагивала вопросов социальной активности Церкви, которые, очевидно, могли бы представить большой интерес для самодержца. Не найдя в отечественной действительности активных религиозных групп населения - общин в их первохристианском смысле, а видя лишь замкнутые в себе монастыри и приходы, живущие, главным образом, обрядово-бытовой жизнью, Петр Великий попытался, с одной стороны, окружать себя более деятельными иерархами - такими, как архиепископ Феофан Прокопович, Святитель Митрофан Воронежский, помогавший ему строить флот, и др., а с другой - попробовал привить в России некую ветвь совершенно чуждого ей протестантизма, симпатичного ему более древним общинным укладом жизни и социальной активностью. Это была по сути дилетантская попытка возродить общину, но не в ее древнем, Петру неизвестном виде, а уже в искаженном средневековом, характерном для северно-европейских стран, принявших Реформацию.

В целом эта попытка была обречена на неудачу, так как совершенно не учитывала сложившихся в России традиций, однако структуру взаимоотношений Церкви и государства в протестантских странах царь сумел внедрить в российскую действительность. Был нарушен теперь уже и канонический порядок избрания епископата. Тот факт, что это удалось по сути одному человеку, говорит об уже весьма подготовленной почве для почитания "непогрешимым" любого властителя. Видимо, поэтому наиболее чуткие духовно люди, хранители "старого уклада", усмотрели в этом признак пришеств-

вия Антихриста. А существуй тогда в Церкви община и избрание епископата народом, никакие неканонические реформы, ущемляющие теократию Церкви, не прошли бы, да и были бы просто не нужны. Христианская община не только поддержала бы прогрессивные социальные реформы царя, направленные на высвобождение личности из рабской зависимости от средств производства, ее образование и развитие, но и могла бы скорректировать их в плане чистоты Православия и духовной пользы. А так, сориентированная исключительно на молчаливое послушание "непогрешимой" и всё освящающей инстанции, Церковь оказалась неспособной к самостоятельной оценке происходящего и воздействию на него и должна была дальше проявлять свое послушание в еще более жестких рамках "духовного коллегияума", названного для благоприличия Святейшим Синодом. Соборное мышление и волеизъявление Церкви, являющееся орудием воли Божией, т. е. теократии, было по сути устранено, Церковь стала управляться автократически, т. е. по суждениям человеческим. Св. Синод Церковью не избирался, а назначался обер-прокурором, и потому фактически не имел права выступать от имени Церкви. А поскольку и епархиальные архиереи, имевшие шанс войти в Синод, народом церковным не избирались, можно говорить о явной деформации канонической структуры Церкви, нарушении канонов I и III Вселенских и Антиохийского Соборов, предписывающих избирать епископат собором всех архиереев данной местности.

Ранее прикровенная тенденция подмены теократии автократией стала плотью: иерархическая структура Церкви потеряла чистоту свидетельства и перестала быть орудием волеизъявления Духа, или по крайней мере - гарантом истинности этого волеизъявления. Центр тяжести в свидетельстве Церкви о Святом Духе был смещен на те стороны ее структуры, которые не

затрагивались напрямую ее светско-синодальным управлением. Даже издание св. отцов в русском переводе Митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) было затруднено, а после его смерти и вовсе прекращено. "Сладкий плен" у "непогрешимой инстанции" из личного желания или нежелания стал дисциплинарным долгом, а непогрешимость автократии приобрела все черты догмата (одна из анафем на Торжество Православия полагалась людям, "отмещущим" Божественное достоинство царской власти). В результате реформ Петра Великого царь стал не только главой народа и главой Церкви, что становилось каноном, но и фактически становился "непогрешимым главой", так как не нуждался в соборном подтверждении правоты своих действий. С 1690 года соборов не было до самого падения монархии.

Однако и сейчас допущенная деформация теократической структуры Церкви не имела окончательного и всеобъемлющего характера. Цари по своим убеждениям оставались православными, плохо ли, хорошо ли - но заботились о Церкви и ее служителях, по своему разумению старались ее укреплять. Бывали грешниками, но не были богоборцами. Обер-прокуроры Св. Синода тоже были в целом православными и во многом не препятствовали свободному волеизъявлению Св. Синода. Вкупе с Синодом и православным царем они образовывали как бы мини-собор, который еще в некоторой степени мог быть орудием Святого Духа. Но по сравнению с прошлыми временами восполнение теократического свидетельства Церкви в не-иерархических формах было уже затруднено (труды А. С. Хомякова, мирянина, впервые были изданы только через 17 лет после его смерти, и то в Голландии), хотя и не устранено совсем. Кроме того, демократизация и гуманизация общественной жизни к XX и в начале XX века позволяли многим мирянам открыто высказывать свое мнение о

проблемах Церкви и как-то влиять на формирование церковного сознания.

Тем не менее канонические нарушения представляют собой серьезную угрозу для теократии. Искаженная форма - каноническая структура Церкви - в определенном историческом контексте может наполняться вполне православным содержанием и потому может быть на каком-то этапе терпимой и профетически восполняемой через отдельных святых, но при изменении контекста и устранении своего неформального восполнения она окажется не только не пригодной, но даже и еретической, т. е. не просто подменяющей, но и принципиально искажающей волю Духа. И потому по мере дестабилизации православной монархии при ее последнем представителе лучшие умы Церкви все более активно выдвигали требование изменить структуру Церкви в сторону соответствия православным канонам, чтобы она вновь стала "зерцалом" воли Божией, для чего необходимо было вернуть канонический порядок избрания и поставления епископата с Первоиерархом во главе и восстановить утерянный еще Византией общинный строй ее жизни, а также устранить все подмены, бывшие в ней от светской власти, сделав независимой от нее.

В 1905 г. впервые после 1690 г. император разрешил подготовить Собор. Были собраны самые демократические отзывы всех епископов о церковной жизни, разрабатывались проекты нового Устава, намечалось возрождение общинной жизни.

Однако 1906 год принес Церкви новый страшный удар по ее теократичности: на прошении о созыве уже подготовленного Собора царь написал отказ "по образу византийских императоров", ссылаясь на "неспокойное время", хотя на то и Собор, чтобы найти пути воли Божией в такое время. Да и свидетелям ли Христа бояться беспокойствия?

"Днесь благодать Святаго Духа нас собра..." - эти

слова ясно показывают смысл церковного Собора. Запрет подготовленного Собора - это запрет Духу Божию излиться на Церковь и явить Свою волю, это уже покушение на самый смысл теократии, это юридическое воплощение потенциальной прежде ереси властвования над Святым Духом. Произошла явная и явленная подмена воли Духа волей человека, за что каноны церковные карают клирика лишением сана, мирянина - отлучением от Церкви. Налицо бóльшая, нежели в католичестве, зависимость Церкви от одной "непогрешимой" инстанции, ибо там папа непогрешим "экс катедра", т. е. в единстве с Церковью и через соборы, а здесь непогрешимость столь велика, что ставит одного человека над соборами и даже делает сами соборы ненужными, как это и было с 1690 по 1917 год. Но если до 1906 г. такое положение было во многом лишь потенциальным и его можно как-то оправдать соборной волей Синода и тем, что сама Церковь не очень-то протестовала против этого положения, т. е. вполне им довольствовалась, то в 1906 г. сознание необходимости Собора было, была проделана масштабная подготовка к нему, и значит, препятствие ему ничем позитивным объяснено, тем более оправдано, быть не может. Запрет Собора - это фактически ритуальная замена и подмена теократии автократией, это личное обольщение властью над Духом Божиим.

В обстановке политической нестабильности, в новое "смутное время" только Церковь, как это было в XVII и в XIV веках, могла спасти народ от обольщения новым и куда худшим лже-дмитрием, но оказалась связанной по рукам и ногам путами власти человеческой - немощной и удобопреклонной ко греху, подменившей и заслонившей собой волю живого Бога, открываемую на соборах. Родник "Божия разумения" (Мф. 16, 23) оказался для общества закрыт. Не была вовремя проведена реформа восстановления патриаршества, не была во-

время подготовлена почва для приближения приходской жизни к идеалам жизни общины, не был вовремя восстановлен канонический порядок избрания епископата народом. "Аминь" и "Аксиос" по-прежнему остались механической формулой для хора, так и не став во время живым и осознанным ответом народа Божию предстоятелю, как это должно быть по смыслу самого чинопоследования хиротонии. Начало восстановления забытых и утерянных норм православного бытия пришлось на 1917 г., как только последний царь, так и не созвавший Собор, отрекся от престола. Но было уже поздно... Ситуация уже вышла из-под контроля, Церковь уже не имела решающего слова в народе, и расплата не заставила себя долго ждать.

Резолюция царя на прошении о созыве Собора - это акт, равносильный отречению народа в его лице от теократии.

Теократия как добровольное подчинение людей воле Божией в чистом виде в этом мире невозможна, но через Церковь, которая есть чистый и соборно непогрешимый родник воли Божией, теократия возможна в любом строе общественной жизни, ибо всегда в этом обществе могут обратиться к Церкви и почерпнуть от нее, как сделать волю Божию "и на земле, как на небе" (Мф. 6, 10).

Но если родник воли Божией перекрывается и подменяется волей человеческой, утрачивается связь между человеком и Богом, человек поклоняется человеку. Церковь по сути становится пустой формой, ибо в ней самой нет теократии, которую она должна свято хранить. "Не имамы Царя, кроме кесаря" (Ин. 19, 15) - почти ритуально изрекли иудеи, отрекаясь от Христа, чтобы Его казнить. "Не имамы Царя Небесного, ни воли Его, кроме той, какую изъявляет нам наш земной царь, он и есть наш бог!" В 1906 г. один человек, но представляющий собой весь народ, и народ этому не вос-

противился, сказал: "Я - кесарь, земной царь, и моя воля есть для вас воля Бога!.. "Я повелеваю и Духу, Который от меня исходит и потому изойдет тогда, когда «посчитаю нужным»". Иудеи за свой грех лишились земли обетованной и правоверия, русский народ - Святой Руси.

Перед самой угрозой всевозможных губительных извращений церковного учения, которые действительно затем имели место, милостивый Господь дал Церкви возможность засвидетельствовать забытую истину, и Деяния Поместного Собора Русской Церкви 1917-1918 гг. стали незыблемым мериллом Православия и ясным путеводителем во тьме наступивших гонений и оболщений. Трагические деформации, возникшие в Церкви в 1927 г. и пронизавшие все структуры ново появившейся Московской Патриархии, легко различимы и установимы именно через их сопоставление с канонами Собора 1917-18 гг. И потому весь процесс восстановления подлинной церковности и духовности в СССР следует строить на фундаменте этого последнего в России свободного и канонического Собора.

Октябрь 1917 г. ознаменовал собой Вавилонское пленение русского народа и явился карой за оскудение веры, доведшее до отречения от теократии ради "сладкого плена" безбожного земного "рая". Одновременно это было и огненное испытание: вот вам атеистическая власть, делайте окончательный выбор - либо "сладкий плен" за признание и такой власти "непогрешимой" и за подчинение ее антихристианским программам, либо мучения и страдания за окончательный отказ от утопии построения рая на земле под руководством какой-нибудь "непогрешимой инстанции" и подчинение только всесвятой воле Божией, т. е. восстановления теократии в себе самих. Значительная часть народа, не получившая вовремя от Церкви духовного противоядия сатанинской утопии безбожного рая, увлеклась в погибель и

стала фактически одержимой, чем и можно объяснить на первых порах "успехи в социалистическом строительстве". В оставшихся в Церкви произошел раскол, часть ее последовала заповедям Христа и канонам и духу Собора 1917 года и образованного им канонически полномочного Синода под председательством святого Патриарха Тихона. Они образовывали братства, т. е. по сути возрождали древние общины, укрывали своих учителей, шли на смерть и мучения, но отказывались подчиняться антихристианским требованиям власти и самочинно объявившему себя главой Церкви митрополиту Сергию. Церковь укрепилась кровью сотен тысяч новомучеников, которая омыла исторические грехи народа. Символом очищения от греховной и еретической подмены теократии автократией стало отречение от царства и мученическая кончина Николая Романова и его семьи. Когда вопрос был поставлен ребром: либо "сладкий плен" автократии, либо мученический венец за теократию, - народ в его лучшей части, сохранившей преемственность с прошлым Церкви, выбрал теократию. Однако другая часть народа церковного не видела или не хотела видеть сущности новой светской власти и стала тешить себя и других возможностью сотрудничества с этой властью, подразумевая под этим, что эта власть оценит такое угодничество и сделает их плен сладким. Поскольку каноническим образом представители этой группировки захватить власть в Церкви не могли - народ, прозвавший их "красными попами", не выбрал бы их, - они взяли на вооружение готовившиеся, но не рассмотренные Собором, ввиду начала гонений и его физического разгона, реформы и, изменив их на нужный себе лад и тем чудовищно исказив, стали с помощью коммунистов завоевывать позиции в Церкви, не гнушаясь и клеветническими политическими доносами, после которых невинных людей арестовывали, пытали, расстреливали. Никакая теократия этих "обновленцев"

не интересовала, речь шла о беспринципном и антиканоническом захвате личной власти, ценой вероучительного и канонического компромисса с госатеизмом.

В то же время - и это, наверно, самое прискорбное - среди верных канонам Собора 1917 года продолжал свое действие некоторый атавизм прошлого: трудно было представить себе Церковь не в привычной для христианского государства пирамидальной ее структуре, а в чисто горизонтальной, апостольской, характерной для враждебного окружения структуре. Собор и Священный Синод во главе с мудрым святителем Патриархом Тихоном предвидел, что враждебное окружение помещает Церкви реализовывать принцип соборности и избрать каноническим образом нового Патриарха и членов Синода, и потому было принято историческое промыслительное решение: в случае смерти Патриарха предусматривается на срок до трех месяцев должность Местоблюстителя, задача которого - координация церковных усилий по созыву канонически свободного Собора для избрания нового руководства. В случае, если враждебное окружение не даст таковой возможности, центральное управление Церковью упраздняется, как во времена гонений на христиан первых веков, и архиереи озабочиваются спасением своих епархий и общин на местах. По смыслу этого решения, Местоблюститель не имеет полномочий выступать от имени всей Церкви, он является только *координатором* инициатив по избранию и наделению таковыми полномочиями нового Патриарха. В противном случае велика опасность подпадения под влияние враждебного Церкви окружения и проникновения в нее неканонического руководителя, не наделенного чрез свободное избрание собором полномочиями говорить от имени Церкви. И до той поры, когда Церковь снова сможет реализовать канонические решения Собора о регулярности поместных соборов - 1 раз в 3 года, и пока не

будет иметь возможность решать на этих свободных соборах, исполнившись Духа, все насущные проблемы своей жизни, центральной власти быть поэтому не должно.

К сожалению, уже Митрополит Петр (Полянский) пробыл в должности Патриаршего Местоблюстителя восемь вместо положенных трех месяцев и ушел не по своей воле и не во исполнение решения Синода. И большинство архиереев пребывало в убеждении, что самое главное - восстановить пирамидальную структуру власти. Это была трагическая ошибка поиска теократии только в лице автократии, совершенно неприемлемой в контексте яростных попыток извне уничтожить или, по крайней мере, на первых порах поработить Церковь.

Именно этим моментом, существенно ослабившим противостояние Церкви ее врагу, и воспользовался сатана для нанесения Русской Церкви самого серьезного удара: небольшая группа архиереев во главе с бывшим "обновленцем" митрополитом Сергием (Страгородским) решила пойти *от имени всей Церкви* (а такого права, таких полномочий им никто: ни каноны Собора, ни мудрое решение Синода, ни свободное волеизъявление народа церковного - не предоставлял) на принципиальный компромисс с богоборческой властью.

В этот компромисс входила не только политическая лояльность, что бывало часто в истории Церкви и что сделал еще до Митрополита Сергия святой Патриарх Тихон, а и изменения канонов и даже вероучения Церкви: отказ от проповеди Евангелия внешнему миру, входящей в первую из трех основных функций священства (Мф. 28, 19), отказ от христианского воспитания детей, от катехизации, от благотворительности, присущей Церкви изначально и неотъемлемо, отказ от свободного соборного волеизъявления, через которое Дух Божий обнаруживает Свою волю, и обусловливание возможности созыва соборов "милостью" атеистической

власти, отказ от права на церковную собственность (храмы, священная утварь и проч.), отказ от руководящей роли духовенства в общинно-приходской жизни и обусловливание его служения "милостью" местной богоборческой власти и решением искусственно создаваемой "двадцатки", формируемой с помощью права "вето" опять-таки местной властью, отказ от служения вне стен храма и проповеди в частных и государственных помещениях, отказ от преподавания церковных дисциплин в учебных заведениях и общественных организациях, отказ от духовного окормления людей в больницах, тюрьмах и армии и т. д.

Совершенно очевидно, что никто из священнослужителей даже под угрозой смерти за Христа не имеет права отказываться от этих Христом установленных священных функций. Самовольный отказ от них митрополита Сергия, наделившего самого себя полномочиями делать это от имени Церкви, является совершенно незаконным и антиканоничным. Причем мотивом такого отказа выступила необходимость именно сохранения центральной власти, т. е. пирамидальной структуры Церкви, которую Синод предписал ради этого не сохранять, а упразднить. Получилось чудовищное дитя незаконных родителей: атавизма бюрократически-автократического представления о Церкви и обновленческого желания пойти на любой плен, даже у богоборцев, лишь бы он был "сладким", лично комфортным.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовался митрополит Сергий, думая о сохранении любой ценой - даже ценой полного отказа от теократии - централизованной автократической власти: было ли это личное "сладкое пленение", или же он действительно так бездуховно мыслил себе Церковь, однако объективно нарушение им канонов ради вероучительного компромисса открывало, как и в обновленчестве, широкий

путь к захвату незаконно воссозданной центральной власти ценой новых и новых, уже откровенно безбожных компромиссов. Сергианская формула "ваши (т. е. атеистические) радости - наши (т. е. христианские) радости" означала, что теперь средством продвижения к высшим эшелонам власти в Церкви стало не служение самой Церкви и не свободная воля Собора, а служение интересам атеистического государства, т. е. предательство Церкви, отказ от теократии во всех возможных формах ее проявления.

Примеров того, как все это воплотилось в жизнь, - не счесть. Скажем, стоило архиепископу Пимену (Извекову) сделать на архиерейском соборе 1961 г. свой знаменитый доклад о необходимости отстранения священника от всех приходских дел, кроме требоисправления, как он тут же, хотя и не имеет никакого духовного образования, стал митрополитом Ленинградским, а впоследствии - патриархом. Иерархи не только предавали основные интересы Церкви, но и сами уничтожали тех, кто пытался личными усилиями эти интересы защищать, т. е. стали жертвовать не собой, а другими ради себя, ради своего личного пребывания в незаконно восстановленной центральной власти. Для услужения атеистам иерархи стали даже благодарить государство за те беззакония, которые оно учинило по отношению к Церкви и ее верным служителям. Руками того же митрополита Сергия была почти уничтожена и лишена возможности свидетельства подлинно свободная и канонически законная катакомбная Церковь, которая была близка к победе над зверем, создав целую сеть православных братств, но свои же архиереи из Москвы стали ее дискредитировать в глазах верующих и предавать в руки ГПУ.

Разумеется, от такого предательства и беззакония пользу (материальную) получили только те, кто стремился предать ради карьеры, Церковь только потеряла.

В 1939 г. действовали только 100 приходов, а на свободе из даже пленивших себя архиереев осталось лишь 4, включая митрополита Сергия. Вынужденные уступки государства Церкви во время II мировой войны были бы сделаны Церкви даже в том случае, если бы она была катакомбной, так как тогда она была бы единственной. И тогда эти уступки пришлось бы на совсем иную почву, т. е. Церковь могла твердо стоять на своих канонах и принципах и отстояла бы все то, от чего так легко отказался никем не избранный и никого не представлявший, кроме себя, сергианский Синод.

То "окно", в которое "инуде" проникла в Дом Божий чуждая сила, лишившая Церковь ее сути - теократичности, - это не сам по себе компромисс, ибо компромиссов в истории Церкви, в том числе и Русской, было много, и даже не слишком широкие границы компромисса, ибо можно говорить одно, а делать другое, - это подготовленная историей, хотя и обличенная Собором 1917 г., подмена теократии автократией посредством пирамидального устройства Церкви *любой ценой*. Каноны церковные предохраняют от этой подмены, но они были исторически извращены, что и подготовило возможность проникновения "лже-дмитрия" с его "чуждым глазом" для паствы Христовой. Борьба врага рода человеческого против теократии в России достигла наибольшего успеха через декларацию митрополита Сергия 1927 года, подчинившую авторитетный для народа внешний облик Церкви Христовой совсем не Святому Духу, а духу "мира сего", который чем дальше, тем больше владычествует в юрисдикции Московской патриархии.

Если митрополит Сергий руководствовался не личной корыстью, а ошибочно понимаемой пользой для Церкви, то очевидно, что богословским фундаментом такого понимания были ошибочные и даже еретические представления о самой Церкви и ее действии в мире. Можно предположить, что эти представления были весьма

близки идее "филиокве": раз Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, значит и наместник Сына ("вице-Христус") может распоряжаться Духом, так что Тот действует через него "экс опере операто" - "в силу совершенного (наместником Сына) действия". Отсюда с необходимостью следует, что совершитель таинств Церкви, "министер сакраменти", должен быть автоматически "непогрешим", ибо непогрешим действующий через него и неотделимый от него Дух Божий. У Церкви в целом должен быть отсюда только один непогрешимый глава, ибо Дух не может Себе противоречить, а при множественности и равночестности глав Церковей противоречия неизбежны. Это классическое латинское учение о примате и непогрешимости папы "экс катедра", т. е. в вопросах вероучения являет собой и классический образец подмены непогрешимой профетической соборности Церкви, воссоздающей с помощью собора образ "макро-человека Церкви", второго Адама - Иисуса Христа, - непогрешимой должностью, инстанцией, которая непогрешима автоматически, по своему статусу. (Наверное, поэтому римо-католики всегда особо настаивали на примате апостола Петра и на том, что статус римской кафедры имеет от него свойства первенства. Таким образом подводится основа под особый авторитет этой кафедры, который и позволяет им претендовать на его "непогрешимость".)

Это подмена теократии через собор автократией президиума собора. Однако эта латинская схема Церкви значительно уступает той схеме, той структуре, которую создал митрополит Сергей. В его схеме собор вообще отсутствует, либо заменяется формальным собранием для утверждения уже принятых решений - по образу съездов КПСС. Место собора в его структуре Церкви занимает отсутствующая у латинян светская власть, лояльность которой становится чем-то вроде догмата. Как уже было показано выше, эта схема стала

возможной потому, что она была подготовлена русской историей. Но если православный царь и православный обер-прокурор в какой-то степени являли собой "малый собор", который по общей направленности не противоречил - по крайней мере, до 1906 г. - умонастроению большинства верующих, то при перемене мировоззрения тех, кто был у кормила светской власти, эта схема приняла еретический характер, так как решения центральной церковной власти, ассоциирующиеся у народа с волей Духа Божия, стали определяться не большим и не "малым" собором, а волей тех, кто хотел уничтожить даже самое представление о Боге (официальная цель второй, "безбожной" пятилетки - полное забвение народом даже слова "Бог").

Таким образом, в родник Истины, в источник волеизъявления Духа Святого был подмешан смертельный яд. Он тем более опасен, что официально прикрывается исторически сложившейся схемой церковной теократии, и оказывается, таким образом, скрытым от не вооруженного знанием канонов и православного вероучения взгляда. Чтобы изобличить и разоблачить его, необходимо вернуться к Собору 1917 г., данного нам милостью Божией, чтобы мы не соблазнились во время распятия Христа, происходящего уже 72 года в России, и среди самых крестных мук не потеряли веры в Воскресение Христа для России и знали путь "ко гробу Жизнодавца".

Московская патриархия, вверив себя вместо соборной воли Духа злой богоборческой воле большевиков, являет собой как раз образ такого соблазна неверия во всемогущество и Божественное достоинство Христа, Который Один только и может спасти и сохранять Церковь и неложно обещал, что "врата адовы не одолеют ее", это подмена такой веры надеждой на свои собственные человеческие силы, которые сумеют спасти Церковь, так как через них действует Дух не ка-

нона и Предания Церкви, а "экс опере операто", "исходя" от "непогрешимой" верхушки иерархической структуры. Подобная подмена автоматически приводит и к тому, что "непогрешимый" статус верхней инстанции распространяется на личности, эту инстанцию представляющие, так что критика кого-либо из этих личностей рассматривается чуть не как покушение на Церковь и даже каноны! Отсюда и "жертва другими", а не собой.

Историческая борьба дьявола против теократии в России во всех формах ее проявления в XX веке имела успех. Сбылись пророческие слова В. С. Соловьева:

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России :
Ты - третий Рим, ты - третий Рим...

О Русь! Забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть...

Но это победа врага временная, как временным было схождение во ад Спасителя мира. Мы сейчас в аду, и Спаситель сходит к нам, чтобы вывести нас для нашего воскресения. Но да не прельстимся опять утопией третьего Рима, ибо тогда опять произойдет подмена теократии "непогрешимой земной инстанцией". И тогда идея третьего Рима может наполниться уже окончательно своим библейским смыслом: четвертому Риму не

быть, т. е. третий - последний, в него придет Антихрист, а за ним - конец этого мира; третий Рим - царство Антихриста, человека, который доведет подмену теократии автократией до полного логического конца, выдав себя самого лично за Бога. Антихрист - это человек, "превозносящийся выше всего, называемого Богом и святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, *выдавая себя за Бога*" (2 Фес. 2, 4).

Почести от большевиков, которых долго добивалась и, похоже, добилась Московская патриархия, - не благо для Церкви и ее миссии, а знак того, что патриархия угодна этому богоборческому миру, лжесвидетельствуя о нем, скрывая его подлинные цели и уверяя народ в благодатности и даже богоугодности этого мира. Похоже, что дело идет к тому, что патриархия будет свидетельствовать, и уже свидетельствует, что нынешнее положение Церкви и ее симбиоз с госатеизмом - это и есть теократия. Это лжесвидетельство обличают слова Спасителя, сказанные Им истинной Церкви, святым апостолам:

"Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё, а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир" (Ин. 15, 19).

(Окончание в следующем номере)

Ф. НЕЗНАНСКИЙ, А. ЮГОВ

Девятый вал

(Причины роста преступности в СССР)

Александр Югов. Преступность и перестройка. Эти два слова все чаще произносятся вместе. Говорят, что над процессами обновления нависают сразу два топора. И каждый из них может погубить перестройку. Первый - это резкое ухудшение экономического состояния народа. Второй - разрастающийся вал преступности. К 80-му году число преступлений возросло с 1 до 1,5 миллионов, а через 3 года оно уже перевалило за 2 миллиона случаев...

Фридрих Незнанский. Передо мною сводка преступности, обнародованная информационным центром МВД. В 1989 году было зарегистрировано 2,5 млн. преступлений. Это на треть больше, чем в 1988-м. И на треть выросло число граждан, ставших жертвами преступников. За последние полтора года от преступлений погибло около 80 тыс. человек. Почти 140 тыс. получили ранения и увечья. Более миллиона человек пострадало от краж, грабежей, вымогательств. Как никогда выросла групповая преступность. И обстановка продолжает ухудшаться. Криминологи предупреждают: в ближайшие 2-3 года преступность достигнет рубежа 3-х млн. случаев в год.

А. Ю. Многие люди у нас начинают связывать этот устрашающий рост преступности с перестройкой, полагая, что именно перестройка выпустила на улицы

убийц, насильников, гангстеров. На наших глазах происходят заметные качественные изменения в характере правонарушений. Ведь лица, совершающие бандитские налеты, погромы, умышленные убийства, все чаще и чаще используют огнестрельное оружие.

Чтобы завладеть оружием, преступники совершают нападения на склады с боеприпасами, на милиционеров, военнослужащих, несущих караульную службу. Они крадут оружие из воинских подразделений, покупают его. На сегодня в розыске находится около 9 тыс. единиц нарезного оружия, в том числе 732 автомата и 180 пулеметов. В 1989 г. при пресечении преступлений погибло почти 200 сотрудников милиции и около 1000 ранено.

В последние годы появились неизвестные или малораспространенные ранее в СССР преступления - угоны самолетов, международный терроризм, заложничество, похищения малолетних детей с целью получения выкупа, бандитские налеты на инкассаторов и банки, спекуляция контрабандными товарами, совместные операции с преступниками из-за рубежа.

Вас как юриста, меня как экономиста не может не беспокоить проблема преступности.

Ф. Н. Тема эта важная. Даже на фоне сумгаитских и ферганских злодеяний трагедией прозвучала для меня новость о начале, по сути дела, гражданской войны в Азербайджане и Армении, где уже убиты сотни людей, где воюют с помощью вертолетов, кораблей, орудий и минометов. Погромы, поджоги и зверские убийства в Баку и других городах Азербайджана потрясают своей жестокостью.

Вообще так называемая "перестроечная" преступность сопряжена с невиданным насилием. Любого нормального человека не может не беспокоить рост тяжких преступлений в его стране. Смотрите: число умышленных убийств возрастает в 3,7 раза быстрее,

чем вся преступность, краж - в 9,6 раза, грабежей - в 11,7 раза. А многомиллионная преступность экономического характера? Это же айсберг: на поверхности видна лишь малая его часть.

А. Ю. Когда речь заходит о массовом хищении продукции, обо всех этих "несунах", "грызунах", "хищниках", мне вспоминаются знакомые с детства песни-лозунги: "Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей", "Всё вокруг - народное, всё вокруг - моё". По сути общенародная собственность - ничья. Защищена у нас только собственность теневой экономики. На ее охране стоит организованная преступность, а она вооружена до зубов. Государственную и общественную собственность очень удобно разворовывать. Н. Травкин, менеджер нового типа, правильно сказал на съезде, что внизу у нас - "несуны", в середине - мафия, сверху - коррупция; тащи кому не лень!

Ф. Н. Десять лет назад я говорил о цифре в 20 миллионов. Речь шла о числе лиц, вовлеченных в сферу экономической преступности латентного (скрытого) характера. Позже подошел к цифре в 30 млн. Известный экономист Т. Корягина, занимающаяся проблемами теневой экономики, также считает, что в орбиту теневой экономики вовлечено нынче не менее 30 млн. человек. Правда, есть иные мнения. Писатель Р. Солнцев говорил на съезде: "на теневую экономику завязано, по последним данным, где-то около 50 млн. человек".

А. Ю. Проблема преступности взволновала даже правительство: впервые за 72 года советской власти в повестку дня законодательного органа был внесен вопрос о преступности. На 2-м съезде народных депутатов с небывало откровенным докладом об организованной преступности выступил министр внутренних дел Бакатин. Да и генеральный прокурор Сухарев

привел интересные факты. В связи с этим меня беспокоит вопрос: почему именно сейчас, в период перестройки произошел этот небывалый взрыв преступности?

Ф. Н. Специалисты считают, что переходные периоды в жизни народов часто сопровождаются ростом преступности. Так было в Испании после смерти Франко. Подобное наблюдается в Польше и Венгрии, где рост преступности за последние годы составил 50%. Так было и у нас в 1953-м, в год смерти Сталина, когда по "ворошиловской" амнистии освободили миллионы бывших эзков; по стране прокатилась тогда эпидемия преступлений, совершенных уголовниками. Поэтому можно утверждать, что одна из причин резкого скачка преступности действительно связана с переходным периодом, наступившим после брежневского застоя. Джинна как бы выпустили из бутылки. Вот преступность и разбушевалась.

А. Ю. Значит, люди правы: гласность и перестройка привели к буйству преступности?

Ф. Н. В определенном смысле - да. Но это лишь одна половинка гнилого яблока. Для меня, как и для других криминологов, задолго до перестройки было ясно, что преступность в нашей стране растет не по дням, а по часам. Я писал в "Посеве", что в Советском Союзе совершается не менее 23 миллионов преступлений в год. Двадцать - скрытая беловоротничковая преступность (в основном, преступления должностных лиц и правонарушения в области экономики) и 3 миллиона случаев открытой, так называемой уличной преступности. (Но и она связана с экономикой. Еще в 1930 г. известный эстонский криминолог Х. Рейман в качестве наиважнейшей причины всех видов преступности указывал на материальное положение человека.)

Цифра 23 миллиона в год достаточно красноречива, особенно если учесть, что речь идет лишь о тех преступлениях, сведения о которых в той или иной форме

доходят до властей. На эту цифру вышло закрытое исследование, проведенное в конце 60-х годов. Я принимал в нем участие.

Я писал, что власти, конечно, принимают меры к сокращению преступности, но направляют усилия лишь на заглушение открытых преступных проявлений. С латентной же преступностью партократия ничего сделать не может, потому что здесь нужны меры политического, экономического и социального характера, восходящие на уровень экономической и социальной революции. Поэтому, считал я, без кардинальных мер цифра 23 миллиона преступлений в год уже через 10 лет подойдет к рубежу 30, а то и 40 миллионов. Этот девятый вал преступности в итоге может захлестнуть нашу страну. Я предупреждал: если в ближайшие годы власть в корне не изменит своего отношения к тем трудностям, которые испытывает наше население, через 10 лет Советский Союз захлебнется в потоке массовой преступности.

А. Ю. Как это ни горько отмечать, увы, вы оказались правы.

О причинах бурного роста преступности в "перестроечный" период советская пресса сейчас много пишет. Одни причины она высвечивает добросовестно, другие же, боясь, очевидно, скомпрометировать перестройку, затушевывает. Я бы лично эти причины сформулировал таким образом.

1. Тотальный дефицит всего необходимого вызывает раздражение и озлобленность людей, что легко переходит в преступные акты.

2. Усилившиеся межнациональные конфликты тоже немало способствуют росту преступности.

3. Этому же способствует чересчур быстрое и во многом совершенно несправедливое социальное расслоение.

4. У многих неподготовленных молодых людей, осо-

бенно в провинции, поток разоблачений, вскрытых преступлений прошлого вызвал растерянность, полный нигилизм и цинизм, что не может не способствовать росту преступности.

5. Для борьбы с преступностью очень вредны резкие перепады в тенденциях судебных приговоров. Такие резкие перепады, основанные на полной зависимости судей, характерны для тоталитарного правосудия. Период перестройки за короткое время уже дал полный перепад (от необычных для советского правосудия оправданий и отсылок дел на следствие до "чрезвычайных мер" по борьбе с преступностью).

Ф. Н. Корни преступности нужно искать в советском образе жизни: в затратной экономике, в тоталитарной системе управления, в отсутствии духовных ценностей, в государственном атеизме. Но и ваша схема во многом верна. Хотя с некоторыми положениями я готов поспорить. Я не согласен, например, с вашим утверждением, что виновник скачка преступности - дефицит. Вы говорите также, что социальное расслоение выявилось лишь в период перестройки. А мне кажется, оно было всегда.

А. Ю. Конечно, всегда. Но раньше оно было латентным, скрытым. Как писал еще Галич, сталинские соколы кушали шашлык "за семью заборами, за семью запорами". И эти заборы и запоры тщательно укрывались от взглядов рядового человека. Но сейчас быстро богатеть начал твой сосед, - а это совсем другое дело. Широкие массы психологически не подготовлены к резкому социальному расслоению. Я писал об этом еще в 1983 году, анализируя известный "новосибирский" доклад Т. И. Заславской ("Посев", № 10, 1983 г.). Наши ученые издали не хотели замечать этот феномен, сосредоточившись на борьбе с идеологическим и социальным барьерами. А сейчас пресса полна высказываний о порочном "уравнительном менталите-

те". А как могло быть иначе после 72 лет интенсивной идеологической обработки населения?

Хуже всего то, что нынешнее социальное расслоение действительно, по большому счету, несправедливо. Богатеть должны были бы в первую очередь те, кто непосредственно создает материальные ценности, головой или руками. Богатеть за счет интенсивности и качества своего труда.

Это - крестьяне, индивидуальные торговцы, частный извоз, в том числе грузовой, различные области обслуживания. А стремительно богатеть стали в первую очередь спекулянты-перекупщики.

Естественно, так же стремительно пошел в гору рэкет и все сопутствующие ему преступления. Конечно, рэкет во всех вариантах был неминуем. Но не в таком масштабе. Перестройка, как я уже писал 2 года назад, началась не с того конца. Произошла своего рода трагическая по последствиям "перестановка ходов".

Ф. Н. Вы говорили также, что наш суд склонен "к измене и перемене". Согласен: система юстиции у нас ужасная, это я испытал на собственной шкуре. Ведь борьба с преступностью идет у нас кампаниями: в этом году, допустим, мы, засучив рукава, боремся с убийствами, а в следующем получим установку перекинуться на борьбу со взяточничеством. Это и есть директивное право в действии.

А как может быть иначе, если государство у нас до сих пор полицейское? Но дело не только в перепаде наказаний. Общество совсем не занимается теми, кто возвращается из лагерей и тюрем. А судимых в стране 35 млн., и 10 млн. из них - рецидивисты! По словам Бакатина, сейчас в лагерях содержится более 300 тыс. заключенных, имеющих 3 и более судимостей. Одним словом, вы подкинули сухие дровишки в костер нашей беседы.

А. Ю. У нас в стране небывалая инфляция. Официальный индекс инфляции в потребительском секторе экономики уже составляет 11%. Но еще существенней трансформация в растущую дефицитность всего и вся. Почти 320 млрд. руб. лежит на счетах в сберкассах. Около 100 млрд. - на руках у населения. Неудовлетворенный спрос оценивается в 165 млрд. (Деньги черного рынка - разговор отдельный.) А печатный станок работает вовсю: государство выпускает купюры, не обеспеченные товарной массой. Только что крупно прибавили зарплату партаппарату, Совмину, КГБ и МВД. Все это чревато печальными последствиями. По мнению экономистов, на каждый рубль приходится товаров лишь на 18 копеек! Будто при выступлении иллюзиониста, товары исчезают с прилавков с молниеносной быстротой. Теперь только 5% продовольственных товаров продаются свободно. С перебоями уже идет торговля хлебом и картофелем.

Перестройка обернулась для советского человека пустыми полками магазинов, карточками-талонами на товары первой необходимости, жульничеством в торговле как постоянный фактор. Она обернулась вспышкой убийств, разбоев, краж. Ростом хищений, спекуляции, мошенничества. Именно тотальный дефицит всего элементарного и привел к озлобленности, а затем к преступности.

Ф. Н. К вашим рассуждениям, думаю, требуется уточнение. Не секрет, наше общество больно. И прежде всего у нас больная экономика. И эта экономика на 8-ю часть теневая. Значит, существующая директивная затратная экономика и отсутствие свободного рынка товаров и услуг - одна из главных причин преступности в СССР. Корень дефицитности и инфляции лежит в слабости рынка предложения. А нужно, чтобы рост доходов товаропроизводителей контролировался рынком спроса и предложения. Выход

один: чтобы оздоровить обстановку, надо перейти к свободному рынку. Иного не дано.

Поэтому я бы говорил о больной экономике, а не о дефицитности. Вы правы: дефициты, расслоенность общества, постоянное ощущение несправедливости и привели к агрессивности людей, к массовой преступности. Но все это было всегда при советской власти. Я бы обратил внимание на 3 сугубо перестроечных катализатора, приведших в итоге к своеобразному "уголовному восстанию" против существующей системы.

Первый - это социальный взрыв, вызванный сменой на верхах власти, то есть переходным периодом. Второй - гласность. Именно гласность способствовала значительно более глубокому осознанию народом тяжести переживаемого страной кризиса. И третье - несбывшиеся надежды. Народ устал от ожидания. А, если помните, Горбачев, объявив перестройку, пообещал совершить чудо: дать народу хорошую жизнь за 2-3 года. Но в период перестройки жизнь простых людей стала даже хуже, чем при брежневском застое.

Многим только теперь стало ясно: без кардинальных реформ в экономике, политике и социальной сфере не может быть изменений к лучшему. Человеку нужно создать достойные условия жизни. Как материальные, так и духовные. Материальное достоинство и личная свобода - вот два основных условия для отсечения самых глубоких корней преступности. Нищенское существование (более 80% нашего населения живет за чертой бедности) и бездуховность создают базу высокого уровня преступности.

С неуважением к человеческой личности, с грубостью и хамством люди сталкиваются у нас всюду: в кабинетах власти, на работе, в магазинах, на транспорте и, разумеется, у себя дома. Этот двойной гнет - материальный и духовный - и привел к отчуждению человека от этого самого "советского" общества, к

снижению в его глазах ценности как чужой, так и собственной жизни.

Что касается последнего, то согласно опубликованным данным, в 1984 г. в СССР покончили с собой 81 417 человек. В пересчете на 100 тыс. это - около 30 человек в год. В США аналогичный показатель в 80-е годы никогда не поднимался выше 13 человек, в Англии находится на уровне 8-10, в Греции - 3-4 человека. Преступность - болезнь всего общества. Поэтому и лечить ее можно лишь одним способом - оздоравливать само общество. А дефицитность товаров и услуг - все же часть глобальной проблемы.

А. Ю. Когда я сказал о тотальной дефицитности, я имел в виду не только отсутствие товаров первой необходимости. Вся социальная сфера нашего общества никуда не годится. Ее кризисность уже не вызывает возражений даже со стороны Горбачева и Рыжкова.

Сошлюсь на Т. И. Заславскую ("Социологические исследования", 1989, № 6). Она ранжировала накопившиеся в обществе проблемы в зависимости от того, какая доля населения настаивает на их очередности. Вот этот ряд: загрязнение природной среды, нехватка и плохое качество продовольствия, недостаток жилья, узкий ассортимент и низкое качество промтоваров, несправедливость в распределении благ, высокий уровень розничных цен.

Ф. Н. Основной спор у нас в том: когда возникла массовая преступность? До или в период перестройки? Если вы склонны обращать внимание на перестроечные катализаторы, то я на корневые причины. А они накапливались десятилетиями. Говоря о преступности, на 1-е место я бы поставил не материальную, а духовную проблему: бездуховность советского общества. На 2-е - низкий уровень жизни. (По личному потреблению на душу населения СССР находится на 77-м месте в мире). На 3-е место я бы поставил - социально-эконо-

мическую дифференциацию общественных групп. Сейчас отчетливо видны полюсы бедности и богатства. На 4-м месте, конечно, обострение межнациональных отношений.

Сейчас у нас много говорят о социальных деформациях в обществе: о преступности, алкоголизме и наркомании, о межнациональных конфликтах и распространенности корыстных устремлений, о коррупции в среде партократии, о бездуховности общества. Но негативное заслонило все позитивное. Почти не говорится о том, о чем нужно говорить в первую очередь. О положительных моделях поведения человека. О том, что человек должен нормальным путем повышать свое положение в обществе: учиться, совершенствовать профессиональные знания, творчески работать и цивилизованно проводить свой досуг, совершенствоваться духовно. И разумеется, хорошо получать за свой труд.

А. Ю. И не только получать, но и отоваривать заработанное. Нужно на каждом шагу разъяснять людям, что для создания человеческой жизни необходимо, чтобы каждый обладал чувством экономического достоинства. Но этого не может произойти до тех пор, пока реальная власть принадлежит не народу, а номенклатуре.

Я не нацеливаю на то, чтобы каждый хапал как можно больше, хватал то, что плохо лежит. Главное, обилие доступных благ, возможность в любой момент получить любой товар или услугу. Получить всё это без привилегий и блата, расплачиваясь лишь трудом, то есть купить. Только эта возможность рождает чувство экономического достоинства, основу человеческого бытия вообще.

Ф. Н. Оказалось, что положительные модели человеческого поведения были созданы вопреки советской идеологии. В борьбе с нею сформировались личности

типа Сахарова, Солженицына, Галанскова, Григоренко, Шаламова, Марченко. Немало положительных примеров дала и эмиграция. А всё, воспетое советской пропагандой, оказалось сплошной липой: все эти павлики морозовы, ангелины и стахановы. Да и сейчас не лучше. Послушаешь Горбачева или Лигачева, и получается, будто кроме марксистско-ленинской утопии цивилизацией ничего и не создано. А где же общечеловеческие ценности? Где простые нормы человеческой нравственности: милосердие, честность, прямота, забота об обездоленных? Все это, увы, провалилось в бездну реального социализма.

Что советский человек получил взамен? Диктат партократии, произвол в экономике, социальной и духовной сферах. Получил равнодушие номенклатуры к правам и нуждам трудящихся, бездуховность общества. Все это напрямую связано с проблемой преступности.

А. Ю. Для динамичного развития любого общества нужно, чтобы своевременно обновлялись структура и функции государственных учреждений, формы экономических отношений, идеалы и конкретные цели, к достижению которых направлена деятельность людей. Солидаристы посвятили этой теме десятки работ. Но советская власть отмахивалась от наших рецептов. Власть учила другие страны и народы, как жить, а сама не менялась 70 лет.

Более того: перемены постоянно шли лишь в худшую сторону. Где-то лет 12 назад заголовок одной моей статьи звучал так: "От пороков экономики - к порокам морали". Первое постоянно индуцировало второе. Это уже тогда было очевидно. Но нарастание пороков в экономике всё время шло по возрастающей. Период перестройки - наивысшая точка подъема этой возрастающей. Пороки экономики остались, и по-прежнему именно они определяют жизнь общества. Критика этих пороков сейчас во многом переместилась из Самиз-

дата и Тамиздата на страницы официальных изданий. Но одна лишь критика без кардинальных реформ не предотвращает этого индуцирования. Наоборот, если такое состояние затягивается, то дополнительно появляются усилительные коэффициенты цинизма, нигилизма и неверия в возможность положительных перемен. В отношении к преступности усиливается "эффект васькизма": "А Васька слушает, да ест"...

Ф. Н. Да, и в обществе растет крыловское требование: "слов не тратьте по пустому, где нужно власть употребить". "Власть употребить" через юридическую призму - это ужесточить законы, удлинить сроки, усилить борьбу с рецидивом. Это - усилить контроль, еще более детализировать учет, ужесточить нормы и правила. То есть, тенденция - обратная той, которая появляется при стремлении либерализировать экономику. Здесь заложено крупное противоречие всего переходного периода перестройки. И необходимость усиленной борьбы с преступностью, в свою очередь, увеличивает это противоречие.

А. Ю. Где-то около 40% граждан уже сегодня готовы голосовать за сильную руку в государстве. Они считают, что только диктатор в состоянии замедлить волну преступности. Слышны уже предложения: "око за око", "действовать по принципу тушения степных пожаров, останавливать огонь встречным огнем". Вспоминают Андропова. Он, мол, без всякой перестройки ударил по мафии и хулиганам. Иными словами, рост насилия предлагают подавить насилием: усилением репрессий, ужесточением наказания. А как вы думаете, даст ли ответное насилие государства положительные результаты?

Ф. Н. Со времен Каина жестокость никогда и никого не исправляла. Ужесточение наказания может дать лишь временный эффект, но вала преступности это не остановит. Я против смертной казни вообще.

Даже за убийства или за хищения и взяточничество. Сейчас много сторонников введения в практику массовых казней, но это очередной абсурд: изощренное насилие лишь калечит людей. Мало кто знает, что мы и сейчас на первом месте по жестокости наказания. В течение года советская юстиция казнит от 700 до 1000 человек. Это больше, чем в Иране, отличающимся особой жестокостью. Можно себе представить, какого накала может достичь насилие в нашем обществе, пьяном от жестокости.

Неотвратимость наказания - дело другое. Особенно важно наказывать провинившихся из мира власти. Причем действующей власти, а не из числа пенсионеров. Есть, допустим, показания на Лигачева. Так возбудите дело, расследуйте его по всем правилам демократического процесса.

Или общеуголовная преступность. У нас сейчас более 2 млн. нераскрытых дел. Из каждого 3 преступника 2 разгуливают на свободе! Сколько преступлений они совершат сегодня, завтра? Значит, нужны меры и правовые, и социальные, и экономические, и политические. Применение же одних репрессий приведет лишь к еще большему увеличению преступности. Эта тенденция уже просматривается.

Возьмем убийства. Американцы пока что в целом убивают больше своих граждан, чем мы. Но учтем, что по абсолютному количеству убийств мы с США практически сравнялись, а в отдельные годы даже превосходили. В 1985 г., к примеру, в США было совершено 17,5 тыс. убийств, а в СССР - 23 тысячи! Реально погибших от рук убийц в СССР больше, чем сообщается. К ним следует добавить немалое число людей, числящихся пропавшими без вести. Как практик скажу, что в большинстве это - нераскрытые убийства. И еще одно соображение. На руках у американцев находится свыше 100 млн. единиц огнестрельного оружия. Пред-

ставьте, что бы случилось, если бы такое количество оружия оказалось у нашего населения?

А. Ю. Министр обороны Язов недавно сказал, что в одном только Азербайджане вооруженная ополченческая армия насчитывает 40 тысяч. Не слишком ли стало доступным оружие в нашей стране, если вспомнить автоматы, вертолеты и орудия, используемые этими ополченцами? А в Новороссийске обнаружен эшелон с танками новейшей модификации. Кооператоры из Ногинска намеревались их продать. Так что разрыв с Америкой на глазах сокращается.

Надо же тоже дифференцировать преступность по видам. Может быть, на Западе больше грабят банки. Но наверняка там, особенно в высокоразвитых странах, меньше квартирных краж, меньше мелких грабежей, меньше хулиганства по пьянке. Это все больше советские преступления, от бедности, от дефицита всего. На Западе такого рода преступления становятся неоправданными, нерентабельными, если хотите, даже бессмысленными, как массовый вид. Отдельные исключения, разумеется, всегда были и будут. А в Советском Союзе все эти виды преступности еще и растут, как мы видим по статистике последних лет. И будут, очевидно, расти дальше, коль скоро экономическое положение страны не улучшается, а наоборот, ухудшается.

Ф. Н. Ситуация с убийствами - самая характерная, но, увы, Россия в числе мировых лидеров и по количеству изнасилований, грабежей, воровства, мошенничества. А если взять мелкие хищения? Кто может сравниться с нашими "несунами" и "грызунами"? Но ни Крючков, ни Бакатин не сообщили многих цифр. Вы правы: большую пользу в анализе причин преступности могла бы дать публикация данных о структуре преступности. В отличие от Запада, где преобладают корыстные преступления, у нас громадную их долю со-

ставляют преступления на бытовой почве и так называемые безмотивные. Вот муж, будучи пьяным, убивает жену. Сосед калечит соседа. Группа подростков зверски убивает прохожего...

Анализируя преступность, я писал в "Посеве": "Царица преступности в СССР - хулиганство. Это, на мой взгляд, чисто "советское" преступление, которому нет прямого эквивалента на Западе. Обычной ссоре в коммунальной квартире, драке на почве ревности, взаимным оскорблениям двух сослуживцев - придается привкус нарушения общественного порядка... Многие теоретики и практики высказывают недовольство тем, что треть осужденных по статье о хулиганстве фактически составляют мужья, посаженные своими женами за рукоприкладство при выяснении семейных отношений" ("Посев", № 5, 1979).

А. Ю. Сколько осуждается таких мужей-хулиганов?

Ф. Н. Не менее 70 тыс. каждый год.

А. Ю. И не криминологу ясно: большинство нашего населения живет в тесных квартирах или коммуналках и постоянно страдает от очередей, дефицита, давки в транспорте. А это как-то не способствует любви к ближнему.

Ф. Н. Другая очевидная причина высокой преступности - отсутствие каналов выхода энергии, особенно у молодежи. Большинство преступлений совершается ими без особого умысла, просто так, по пьянке. А ведь еще в 1912 г. русский ученый С. Первушин отметил, что самое страшное для ухода от бессмыслицы существования - это наркотическое потребление спиртного (с целью забыться, снять напряжение, отвлечься от тягот жизни). Тут неудовлетворенность собою и окружающим миром, противоречие между безграничностью человеческих устремлений и ограниченностью средств для осуществления.

А. Ю. Для решения этой проблемы требуется коренная переделка всего общественного бытия. Кризис социализма - основная причина преступности.

Ф. Н. Происходящий сейчас кризис советской власти - и есть основная причина роста преступности. КПСС создала как бы два общества. Первое - миф, лубочная картинка. Всем нам вдалбливали еще в пионерских отрядах: инакомыслие - бяка, интересы государства выше всего. Даже песню придумали: "Прежде думай о родине, а потом о себе"...

А второе, реальное общество сурово. Номенклатурным детишкам - теплые местечки, а детям рабочих и крестьян - фи́га на постном масле. Это и есть построенный в боях социализм. Спрашивается: для чего были бои?

А. Ю. Объективные законы общественного развития жестоко мстят людям, когда те с ними не считаются. И время мести настало. Именно поэтому советский социализм (придуманная тщеславными людьми утопическая схема) вошел в стадию небывалых конфликтов и напряжений. На наших глазах эта тоталитарная модель с ее мифами и миражами рассыпается как карточный домик.

Ф. Н. Вот, вот. Диссонанс между мифическим социализмом и социализмом реальным и привел к великому потрясению. Поэтому-то я и утверждаю, что это всенародное потрясение (кризис социализма) и есть - основная причина того взрыва преступности, который мы наблюдаем. Когда преступность принимает такие масштабы, то напрашивается вывод, что виноваты на самом деле не преступники, а система и законы, их породившие.

Нигде, кроме СССР с его сателлитами (некоторые из которых в прошлом году, слава Богу, ушли из-под советского влияния), взаимовыгодный обмен, при котором выигрывает и продавец, и покупатель, преступле-

нием не считается. За выпуск недоброкачественной продукции карает рынок - ее просто не покупают. А хищениями заниматься гораздо труднее, когда у добра есть хозяин. Я думаю, что Горбачев тоже понимал все это, когда решил начать расковывать, наконец, те громадные силы, что раньше полностью уходили в подпольную экономику. Другое дело, что отношения в обществе так искалечены 70-летием насилия государства, что процесс выздоровления при любых условиях будет нелегким.

В числе причин преступности перестроечного периода вы назвали социальное расслоение. Я же считаю, что оно - постоянный спутник социализма. Не спорю: дифференциация доходов между семьями, имеющими низкие доходы, и семьями номенклатуры и дельцов из теневой экономики, достигла небывалых размеров. Некоторые экономисты даже считают, что эта разница - одна из самых больших в мире. Подпольных миллионеров в СССР сейчас около 30 тыс. человек. Они обладают деньгами, имуществом и ценностями в размере 50-55 млрд. рублей.

А партократия, коррумпированная и некоррумпированная? Кто определит ее доходы, привилегии, богатства? Лет 13 назад мне довелось побывать в дачном поселке технического персонала Совмина. Увиденное ошеломило меня. Все эти мелкие клерки, помощники, референты жили на всем готовом. За бесценок их снабжали свежими продуктами, импортной одеждой, деликатесами. А ведь это был низший персонал, старшим по чину был там какой-то помощник Мазурова. Как же живут функционеры из высшего эшелона власти?

Черных "Волг" и "Чаяк" со скучающими шоферами насчитывается в стране более 1 млн. А сколько закрытых распределителей, закрытых столовых и буфетов, санаториев и больниц? Сколько понастроено от-

личных домов из красного кирпича, сколько дач и вилл? Сколько денег скопили все эти секретари и предрики? Сколько заведателями, директора торгов и председатели потребсоюзов, а также прочие нахлебники и захребетники? Разве депутат Примаков рассказал на последнем съезде всю правду о привилегиях номенклатуры, о дворцах и виллах членов Политбюро?

Гласность сыграла с партократией злую шутку. Она позволила смелым журналистам обнажить существовавшие со времен зарождения советской власти, но замалчиваемые партократией случаи невиданной бесхозяйственности, морального разложения, злоупотреблений властью, взяточничества и расхищений народного добра - со стороны номенклатуры. Но не подготовленное к такой откровенности общественное сознание восприняло этот шквал негативной информации, свидетельствующей о кризисе власти, как беспорядок, случившийся лишь в период перестройки.

Этот шок наложился на рост социального размежевания людей, на систематически воспроизводимый дефицит даже на низкокачественные товары, на падение престижа и низкую производительность труда, на ведомственное наступление на природу и материальную культуру прошлого. Шок вызвал такие социальные проблемы, как массовая преступность.

А. Ю. А почему вы ничего не говорите о так называемых деградирующих личностях: о пьяницах, бродягах, наркоманах, токсикоманах? Их число возросло небывало. Прокуратура СССР исчисляет их сотнями тысяч, помимо 4,6 млн. хронических алкоголиков. Некоторые ученые называют даже цифру в 10 млн. пьяниц и алкоголиков. Социальная деформация этих личностей - не только вид саморазрушения, но и питательная среда для массовой преступности.

Ф. Н. Хорошо, поговорим об алкоголизме. Инте-

ресный факт: в 1983 г. было совершено 21 тыс. убийств. Уже в 1986 - 14 тысяч. Почему?

А. Ю. Видимо, и потому, что, придя к власти, Горбачев первым делом провел антиалкогольную кампанию и сократил продажу спиртного. Народ немного протрезвел, и число убийств спало.

Ф. Н. Но Горбачев не учел силу самогонщиков. На смену "монополке" пришел самогон. Уровень алкоголизации населения стал восстанавливаться, народ снова стал платить кошмарную дань - убийствами и грабежами.

А. Ю. Теперь вы скажете, что в усилении алкоголизма в стране виноват Горбачев?

Ф. Н. Это уже сказал за меня экономист Шмелев. И повторил премьер Рыжков. Что и говорить, Горбачев бросился в воду, не зная броду. Вот таблица, приведенная в "Аргументах и фактах" (1989, № 46). Она показывает, что рост преступности связан с возрастающим потреблением алкоголя. В первом полугодии 1989 г. по сравнению с соответствующим периодом 1988 г. преступность возросла на 32%, а продажа алкогольных напитков - на 28.

А. Ю. А проблема профессиональной преступности? По подсчетам специалистов, в стране сейчас 10 млн. людей, избравших нормой жизни преступную установку. По указу от 18 июня 1987 г. за 2 года было амнистировано 800 тыс. человек. Это - половина заключенных страны. Но решение это было принято без глубокого анализа всех возможных последствий. Какой "урожай" собран? Об этом говорят сводки роста преступности. Да и в местах лишения свободы, где остался сейчас наиболее криминогенный состав осужденных, положение создалось критическое. Свидетельство тому - в десятки раз подскочившее за эти же 2 года число случаев захвата заложников.

Ф. Н. Выяснилось, что 10 лет назад я назвал в "По-

севе” верную цифру: в советских лагерях содержалось тогда не менее 1,6 млн. заключенных. Кроме того, доля участия профессиональных преступников в нынешней вспышке правонарушений значительна. Во многом вспышка эта обусловлена и самим государством. Это же закон социализма - власти тратят огромные усилия на то, чтобы преодолеть ими же самими созданные препятствия. Около миллиона человек было выпущено на свободу из лагерей, но государство не позаботилось об их трудоустройстве, быте и досуге.

А. Ю. Вот я и считаю, что для борьбы с преступностью очень вредны резкие перепады в отношении преступников со стороны обвинительной власти. То прекращают дела о взятках и хищениях, то дают на полную катушку за семейную ссору или нарушение правил уличного движения. Возьмем нынешнюю ситуацию со взяточничеством. Суды вдруг ударились из одной крайности в другую: практически каждый отказ от показаний на следствии стал приниматься на веру. И дела отправляются на следствие, прекращаются. Преступники из номенклатурного слоя пользуются этим всюду.

Ф. Н. Я уже говорил, что кампанейщина - характерная черта советского права. Но это было во все годы советской власти. Вспомните ”сталинские колодки”. А кампания всепрощения при Хрущеве? Тогда дела об убийствах передавались в товарищеские суды. Перед Олимпийскими играми хозяин Москвы Гришин собрал в МГК судей, следователей и прокуроров и угрожал: ”Узнаю, что за кражу или хулиганство дали меньше 2-х лет, отберу партбилет!” Это - принцип предрешенности в советском уголовном процессе. Перестройка не дала тут ничего нового.

А. Ю. Не согласен. Правосудие в период перестройки использует какой-то особый метод. Я бы назвал его методом ”американских горок”. Меняются команды

администрации необычайно быстро. То сажали тех, у кого якобы были нетрудовые доходы. Вдруг перепад: "Освободить всех хозяйственников, последователей Худенко. Они делали доброе дело!" Потом новый указ с требованием: "Сажать всех, кто выступает против Конституции!" Потом отбой: "Заняться профилактикой преступности!" Сейчас создаются временные комитеты по борьбе с организованной преступностью. И тут, как говорится, загреметь может всякий. В печати уже приводятся случаи, когда гнев правосудия обрушивается на честных кооператоров и арендаторов, а не на работников райкомов и исполкомов, вымогающих взятки.

Ф. Н. Да, не дай Бог попасть под эту гильотину. Сейчас модно бороться с рэкетирами и кооператорами. Тут не будут разбираться: кто прав, кто виноват? Но все же это - прежнее директивное право, умноженное на ускорение в период перестройки. Отмечу, что вся эта кампанейщина, все эти перепады не задели пока профессиональных преступников из номенклатурного слоя. Я веду речь о беловоротничковой преступности. Несмотря на огромный прирост насильственных преступлений, в структуре преступности несомненно доминируют корыстные посягательства. Но парадокс: количество преступлений, выявляемых по линии БХСС (Борьбы с Хищениями Социалистической Собственности), и особенно хищений, совершенных путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, а также взяточничества сократилось.

Правда, В. Рунышков, начальник главка БХСС МВД СССР, пытается отстоять свое ведомство. Он рассказал в "Правде" (6. 1. 1990) об успешных делах его сотрудников. Разоблачена группа на Ставропольском ликероводочном заводе - сбыла водку налево, нажива - миллион. Обезврежена другая группа, занимавшаяся подпольным производством "под импорт" черной икры.

В Литве разоблачена группа спекулянтов мебельными гарнитурами. Но дел-то кот наплакал. И это при 30-миллионной преступности в сфере экономики!

А. Ю. А может, их действительно стало меньше? После ряда громких дел взяточники притихли. Так ведь и "невыгодно": на что деньги тратить? Зарывать их в землю?

Ф. Н. В землю, вы угадали, зарывают. В одном из процессов выяснилось, что подпольный миллионер любил перед сном покурить на воздухе. Он садился на стул как раз в том месте, где под асфальтом хранились зарытые им сокровища: золотые монеты, бриллианты и миллионы в валюте.

Отнятое у народа номенклатурное жулье вкладывает в драгоценности, в картины, в антиквариат, в конвертируемую валюту. А взяточники, Александр Михайлович, не притихли. Просто такие преступления неочевидны. Их выявление и раскрытие требуют высокой квалификации, кропотливого труда и бойцовских качеств. Попутно скажу, знаю это по собственному опыту борьбы с организованной преступностью времен Хрущева: политическая кампания борьбы Горбачева с коррупцией в верхнем эшелоне власти, увы, закончилась. Не те времена, не те нравы. Вот почему Гдлян и Иванову достается сейчас на орехи.

Еще одна причина спада борьбы с коррупцией: непосредственные интересы людей от таких преступлений, как правило, не страдают. Поэтому граждане так редко сообщают о таких делах. И если сейчас говорят об ослаблении борьбы с преступностью, то это касается в первую очередь должностных и хозяйственных преступлений, совершенных из корыстных побуждений. Если три года назад только в Москве ежеквартально передавалось в суды до 100 дел о взятках, то за весь 1988 г. всего - 49 дел.

Тут есть и третья причина. О ней должен был ска-

зять Рунышков, но не сказал: многие сотрудники ОБХСС обросли преступными связями с взяточниками и дельцами. Каждый месяц их подмазывают, чтобы не очень-то копались в накладных и путевках. Помню дело Гавриченкова из УБХСС Москвы. Он и его сотрудники в дни зарплаты получали конверты с деньгами от работников московской торговли. Вы спросите: за что получали? Да ни за что: за пассивность, за невмешательство в воровские дела.

Служба УБХСС себя изжила. Это тот "кот", который уже не ловит "мышей". Пора упразднить это сталинское детище. Оно не в состоянии остановить вал хозяйственных правонарушений.

А. Ю. Я тоже не верю в уменьшение числа хозяйственных преступлений, случаев коррупции и служебных злоупотреблений. Статистика тут наверняка врет. Пенитенциарной системе просто уже не до того, она и так не справляется. Почему не верю? Давайте посмотрим, что лежит в основе хозяйственных преступлений. Это всегда ножницы между формой владения и характером присвоения прибыли.

Владелец сам у себя воровать не будет. Высокооплачиваемый функциональный управляющий, менеджер, тоже не будет: ему это невыгодно, попросту не нужно. Ворует и злоупотребляет своим положением временщик, знающий, что надо пользоваться моментом. Тем более, что подавляющее число хозяйственных руководителей в СССР существенно недооплачиваются, если учесть их ответственность, опыт, профессиональные знания и т. п. Их зарубежные "коллеги" зарабатывают в десятки, а то и в сотни раз больше. Да и как может хорошо оплачиваться советский начальник, если их такой огромный процент, невиданный ни в одной нормальной экономической структуре? Разрыв между их зарплатой и их реальными возможностями и правами и создает труднопреодолимый соблазн. Ру-

ководитель сначала "добирает" до, как он считает, справедливого уровня, а потом входит во вкус...

Сейчас, в период перестройки, эти ножницы еще больше расходятся. Права растут, появились новые возможности, ответственность же по-прежнему формальная - по показателям. К тому же перед глазами соблазнительные примеры предприятий "групповой собственности", среди которых тоже нет, увы, полноценной конкуренции по ценам и качеству товаров и услуг. А раз так, то рост злоупотреблений неминуем.

Ф. Н. Вот вы говорили о временщиках. Меня не удивило, кстати, сообщение "Социалистической индустрии" (10. 7. 1988 г.) о том, что в мафиозных операциях советского банка в Цюрихе были замешаны Брежнев, Гришин, Кириленко и Кунаев. Советская бюрократия и теневая экономика - сиамские близнецы.

Существует директивное право, то есть свод инструкций, с помощью которых партаппарат отдает свои команды. Но есть и теневое право. Оно правит в подпольном мире. Следует сказать, что мораль преступного мира отличается жестокими традициями. Не дай Бог нарушить эти правила. Плата за заказное убийство сейчас 30-50 тысяч. Бакатин привел примеры: в Баку за вознаграждение в 50 тысяч убит директор "Бакпиво" Ширалиев, в Чарджоу полковник милиции договорился с убийцами за 40 тысяч. Только что прочитал: за голову комвзвода спецназа ("краповые береты") лейтенанта Семина обещана награда в 50 тыс. руб.

А. Ю. В своих интервью Владимир Крючков указывает, что в связи с трудной обстановкой, Комитет госбезопасности отныне займется борьбой с организованной преступностью. Даст ли это плоды?

Ф. Н. Если даст, то несъедобные. Я помню, кстати, как КГБ боролся с валютчиками. Вмешательство аппарата КГБ в расследование этой категории дел нанесло

лишь вред правосудию. Как правило, комитетчики принимали к своему производству только отборные дела, создавали дутые процессы, построенные на донесениях агентуры. Но количество валютных махинаций от этого не снизилось.

Вот Бакатин говорит, что на основе подписанного им совместно с Крючковым приказа определена стратегия и тактика оперативно-розыскных мер по борьбе с организованной преступностью. КГБ и МВД вместе пойдут в атаку на мафию. Но позвольте, как могут координировать работу эти ведомства, если их сотрудники десятилетиями не терпят друг друга? Комитетчики считают милицейских взяточниками и коррупционерами. А оперативники говорят, что в КГБ работают одни выскочки и неучи. Получают, дескать, они много, а расчищать авгиевы конюшни приходится милиции.

Могу подтвердить: у КГБ слабые, неквалифицированные кадры, набранные в партии, в комсомоле. В этом отношении экс-полковник Карпович прав. Не берусь судить, как они ловят шпионов. Но валютчиков, фальшивомонетчиков и контрабандистов они ловят из рук вон плохо. Не в силах они и раскрыть запутанное убийство или завуалированное хищение. Меня, к слову, не удивил факт, описанный следователем В. Калиниченко.

На окраине Москвы был обнаружен труп мужчины. Выяснилось, что это ответственный сотрудник КГБ. Весь чекистский аппарат был брошен на раскрытие убийства. Но тщетно. Тогда Андропов поручил расследование следователям прокуратуры. Они быстро установили, что убили чекиста сотрудники МВД.

Решение о том, что чекисты отныне займутся организованной преступностью - очередная кампания, обреченная на поражение.

А. Ю. А что бы вы предложили?

Ф. Н. Нужно создать независимое следствие, не связанное с КГБ, МВД, Минобороны, Прокуратурой - Следственный Комитет. Его можно организовать в системе Минюста, поставить под прокурорский надзор, под контроль парламента и общественных организаций. В рамках этого Следственного Комитета уже можно будет отстроить структуру по борьбе с организованной преступностью, мафиями и гангстеризмом.

А. Ю. А как вы думаете, каков финансовый потенциал левой, теневой экономики? По данным МВД и Госкомстата, материальный ущерб по выявленным хищениям составил в 1988 г. 154,6 млн. руб. Но вот вопрос: отражает ли эта цифра истину?

Ф. Н. Нельзя ориентироваться на уголовную статистику. Здесь учитываются только выявленные факты. А криминологи считают, что это всего около 5% от числа совершенных преступлений. Некоторые исследователи называют 70-90 млрд. в год, другие 100-150 млрд. руб. Но и эта цифра явно занижена. Ближе всего к истине, по моему, подошел завсектором проблем борьбы с экономической преступностью ВНИИ Прокуратуры СССР А. Ларьков. Он утверждает, что криминальный капитал составляет 300-350 млрд. руб. ("Аргументы и факты", 1989, № 37).

А. Ю. Получается, что в целом цена теневой экономики сопоставима с объемом годового розничного товарооборота страны. Это невероятная сумма. По более умеренной оценке, теневая экономика составляет по отношению к валовому национальному продукту примерно одну восьмую часть, это - около 100 млрд. руб. в год. Но созданного продукта там не более половины, так как существенное место в левой экономике занимают хищения, взятки, спекуляция.

Ф. Н. Теневая экономика есть совокупность альтернативных социализму экономических структур. Ее характеризуют три составляющие: стихийная (противо-

законная) индивидуальная трудовая и артельная деятельность, черный рынок, а также деятельность организованных преступных групп в экономике.

А. Ю. На наших глазах происходит бой между нормальной рыночной и теневой рыночной экономиками. И подпольная экономика, пожалуй, сегодня посильней сторонников открытой рыночной экономики. С помощью своих людей из эшелонов власти она достает сырье, оборудование, помещения. В ее руках на 480 млрд. руб. сверхнормативных запасов ресурсов.

Ф. Н. Да, коррупция идет снизу вверх очень высоко, вплоть до Политбюро. Дельцы используют в своих целях политические силы. Уже известны случаи выдвижения кандидатов в народные депутаты преступными группами. Недавно в руки милиции попал новейший "Кодекс" воровского мира. В нем выдвигается требование распространения влияния на все экономические и политические сферы.

А. Ю. Как вы думаете: когда возникла организованная преступность? Во всяком случае, факты говорят о том, что сейчас она активизировалась небывало.

Ф. Н. Перестройка не должна "хвастаться" организованной преступностью как своим детищем. Она существовала давно. Вот не говорили о ней не случайно. В брежневские времена мафиози внедрились в самые высшие эшелоны власти. В своих целях влияли не только на развитие экономики, но и на законодательство, и на прессу.

В кланы мафий в разное время входили члены Политбюро. Фрол Козлов, в частности, был разоблачен как участник "ленинградской мафии". Он был связан с мэром города, имел долю в деле по продаже квартир. В аналогичном бизнесе, но в Москве действовала Фурцева. Я принимал участие в расследовании дела о злоупотреблениях и взятках в Моссовете при распределении жилья. Будучи разоблаченным, начальник жил-

управления дал показания: "...сотни тысяч рублей передал первому секретарю горкома Фурцевой". А на какие деньги она уже позже построила шикарную виллу (зарплата министра не столь уж велика)?

Сейчас выяснены кошмарные подробности преступлений Чаушеску, Живкова, Хонеккера. А что вы думаете, такого не было у нас? Еще ждут своего следователя дела о злоупотреблениях Тихонова, Алиева, Романова, Соломенцева, Кунаева, Рашидова, Гришина, Кириленко, Щербицкого и шишек меньшего калибра.

А клика Брежнева? Всё генсековское семейство погрязло в мафиозной преступности. Леонид Брежнев, его брат Яков, дочь Галина, сын Юрий, свояк Цвигун, зять Юрий Чурбанов хорошо знали паханов из узбекской, закавказской, кубанской, молдавской, днепропетровской мафий. Оказывали им услуги, получали свою долю.

А. Ю. Я прочитал всё это в ваших детективах еще за несколько лет до разоблачения Чурбанова. Но ответьте: как быть? Как приостановить рост преступности вообще, и экономической в частности?

Ф. Н. В последнее время мы всё чаще сталкиваемся с довольно многочисленными случаями, когда массы людей идут не только на нарушение общественного порядка, но и на преступления. Однако механизм формирования психологии толпы не изучен. Большинство ведь и не помышляло о совершении преступлений. Но, попав в определенную ситуацию, пошло на это. Одни, - неожиданно для себя поддавшись общему настроению. Другие, - внутренне подогрев себя к любым поступкам. События в Азербайджане, Армении, Нагорном Карабахе, Абхазии, Осетии, Фергане не могут не привлечь внимания криминологов. Но одним криминологам этих проблем не поднять. Национализм, сплывающий массы, - это еще и проблемы экономики, и социальной сферы, и политики.

Почти никто у нас не занимается виктимологией, изучением личностей, потерпевших от преступления. В условиях деятельности организованной преступности потерпевших уже десятки тысяч. Или проблема изучения феномена личности партаппаратчиков, погрязших в коррупции. С одной стороны, они повседневно совершают преступления. С другой, - ежедневно они же требуют выполнения государственных планов, руководят районом, областью, отраслью. Они же командуют выборами народных депутатов, судей. От них зависит выдвижение руководителей подразделений КГБ, начальников милиции, прокуроров, следователей. Это они требуют сурово наказывать за общеуголовные преступления.

Криминологи, сами находясь под гнетом партаппаратчиков, до сих пор не исследовали социальную ситуацию, в которой преступники становятся руководителями партийных и государственных органов. Не изучили механизм сращивания должностной и общеуголовной преступности.

Надо разобраться: как представители власти и профессиональные преступники находят друг друга. Ведь совсем недавно партаппаратчики презирали воров и убийц. А те, в свою очередь, считали партаппаратчиков и хозяйственников врагами страны. Сегодня же - метаморфоза сращивания этих групп. Расхитители и взяточники уже обращаются к профессиональным убийцам. Они готовы к тому, чтобы убирать с дороги неугодных, не останавливаясь перед насилием и убийством. Примеры в Фергане и Азербайджане служат подтверждением этой мысли.

А. Ю. А я считаю, что полезно бы было легализовать применение видеозаписей, как это делается в Америке. Тогда бы и подсудимые, и свидетели не отвернулись от своих показаний. Я думаю, что нужно резко повысить зарплату и следователям, и судьям,

создать им достойную жизнь. А для борьбы с организованной преступностью нужны особые отряды, подчиненные центру, а не местной власти.

Ф. Н. В Институте государства и права было обсуждение этой проблемы. Проф. Яковлев высказал похожую мысль. Он предложил расширить доказательственную базу. В качестве доказательства он предложил признать магнитную ленту с записью телефонного разговора, а также киноплёнку. Его мысль: надо усилить как следствие, так и защиту.

Теперь уже советские криминологи признают социальную природу преступности. Но это запоздалый шаг. Пошлая теория о "родимых пятнах капитализма" загубила такую науку, как криминология. В СССР не проводился региональный анализ преступности в связи с национальными особенностями. Не изучалась степень зависимости преступности от политической (командно-административной) системы. В стране отсутствуют стратегические перспективы системы уголовной юстиции, не проводится анализ новых форм преступности.

А каков уровень использования научно-технических достижений? Американские юристы, посетившие СССР, удивлялись низкому уровню криминалистики и информационной службы в МВД и Прокуратуре. До сих пор эти службы не компьютеризированы.

Отдельно стоит вопрос политизации советской юстиции. Мы с вами уже говорили об уголовных кампаниях, проводящихся под руководством Политбюро и ЦК КПСС. Власти проводят уголовную политику непродуманно, непоследовательно, жестоко.

А. Ю. А какие направления вы бы сами выделили в деле борьбы с преступностью?

Ф. Н. Преступность нужно понимать как явление социальное. На него влияют почти 250 факторов: экономических, социальных, политических, идеологических. Но надо знать, что ведомства юстиции могут

непосредственно влиять лишь на 50 из них. Экономические трудности следует преодолевать экономическими мерами, а политические - политическими, а не уголовно-правовыми.

Борьба с преступностью - это единство пяти направлений действий: предупреждения преступности, деятельности по выявлению совершенных преступлений, привлечения к ответственности, определения справедливого наказания, мер по адаптации бывших заключенных в обществе после отбытия наказания.

В только что вышедшей монографии "Социология экономической преступности" А. Яковлев утверждает, что экономическая преступность есть результат расогласования регулятивных, административно-управленческих, морально-воспитательных и экономических (стимулирующих) норм. Главный же авторский вывод, который может быть положен в основу стратегии борьбы с экономической преступностью, состоит в том, что необходимо признать ограниченность возможностей государства повлиять на уровень правонарушаемости уголовно-правовыми, административными и тому подобными средствами.

Успеха можно достичь в том случае, считает Яковлев, если будет обеспечено поощрение желательных, общественно полезных, экономически эффективных форм поведения, которые вытеснят из социальной практики несовместимые с ними формы негативного поведения, противоречащие принципам социализма. Последнее требует перестройки всего хозяйственного механизма, заложенного в годы господства командно-административной системы, первые шаги которой уже сделаны.

Он, однако, не говорит о том, как конкретно должен быть перестроен хозяйственный механизм для повышения эффективности профилактики экономических преступлений.

А. Ю. Во многих своих выкладках Яковлев прав. Но он меня разочаровал в той части, где ведет речь о "принципах социализма". Я его ценю за высокую публицистику, но не за туманные формулировки о социализме.

Ф. Н. Меня это тоже корбит. Это еще один пример неподготовленности права к ситуации, возникшей в стране. Яковлев понимает экономическую преступность как относительно самостоятельное явление, у которого во всяком случае есть свои специфические причины. Я же считаю, что социальная ситуация в стране определяет все виды преступности, в том числе и экономическую. Особенности общественных процессов, протекающих в сфере экономики, обуславливают лишь специфику формы проявления общих причин преступности в экономической сфере. Поэтому совершенствование хозяйственного механизма при относительной неизменности общей социальной ситуации в России не сократит преступность, а лишь изменит ее, повлияет на структуру, способы преступлений. Исторический опыт показывает, что преступность быстро приспосабливается к изменениям, и при сохранении социальной ситуации мгновенно восстанавливается.

А. Ю. Ясно одно: необходимо срочно изменить общую социальную ситуацию. Нашей стране нужны кардинальные реформы, а не полумеры. Лишь кардинальные реформы в экономике, политике, социальной области и праве в состоянии остановить девятый вал преступности в России.

Ф. Н. Совершенно верно.

Приручение*

В 1904 году, за два года до выхода в печать "очень своевременной" книги А. М. Горького "Мать" и оставшейся без ленинской рецензии пьесы "Враги", марксист и широко образованный молодой человек Анатолий Луначарский напечатал брошюру "Основы позитивной эстетики".

Эту работу, по мнению Александра Гангнуса, высказанному в журнале "Новый мир" № 9, 1988 г., "есть все основания считать предвестником богостроительства, "религии социализма" и первым (самым честным и точным) наброском "ведущего метода социалистической культуры".

Один из главных пунктов своей позитивной эстетики Луначарский формулирует так:

"Искусство должно быть ориентировано не на сущее, а на фантом - придуманное или предписанное будущее. На веру принимается, что фантом полнее и реальнее, чем сама реальность."

Анализируя высказывание Луначарского, можно прийти к выводу, что социалистический реализм - не эстетика и не творческий метод, это в конечном счете замаскированная религия, без которой не могла обойтись задуманная Сталиным, а вернее, украденная им у Троцкого, идея империи казарменного социализма. Упрощая, можно сказать, что христианские муки на земле и загробная жизнь в райских кущах заменялись на жизнь мучительного труда и лишений сейчас - ради светлого неясного по срокам будущего. Впрочем, однажды срок был назначен - "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме".

* Александр А в д е е н к о. "Отлучение". Журнал "Знамя" №№ 3-4, 1989, Москва.

Жрецами этой религии, проповедующими "придуманное или предсказанное будущее" (кем? разумеется, партией и ее вождями) должны были стать художники, писатели, музыканты... Непонимающие уготованной им должности творцы - слишком писатели, слишком художники - при всем своем старании и лояльности подлежали устраниению без объявления причин (надо самим понимать). Отсутствие таланта и даже элементарной культуры не было препятствием для творческой карьеры - главное: угодить и угадать желание партии.

Неизвестно, читал ли в то время Луначарский, будущий нарком просвещения в "самом образованном правительстве Европы" (почему Европы? но это попервости, потом счет пойдет на "лучший в мире". Судя по всему, члены кабинета, к примеру, Великобритании, Оксфордов и Кембриджей не кончали. Этот миф потребовался для оправдания, что вот, мол, к власти пришли, захватили, пролетарии и крестьяне, а они, как оказалось, самые образованные и скоро "каждая кухарка научится управлять государством"), так вот, Луначарский или не читал или запамätовал Александра Пушкина:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Ну, наконец, мы добрались и до нашего героя, Александра Авдеенко. Его воспоминания начинаются летом 33-го года, когда он, молодой рабочий Магнитки, приехал в Москву, где в альманахе "ГОД 16", руководимом Горьким, выходила его первая повесть "Я люблю".

Именно в этом, 33-м году А. В. Луначарский делает... но о нем позже...

После встреч с Леопольдом Авербахом, Всеволодом Ивановым, редактировавшим его повесть, Авдеенко был включен в число 120 писателей, которым предстояло совершить поездку на Беломор-канал. Загрузившись в поезд, составленный из спальных вагонов, и став "гостями чекистов" (замечательное выражение - "гость ЧК", сколько миллионов гостей встретили добродушные хозяева?):

"С той минуты... для нас начался коммунизм. Едим и пьем по потребностям, ни за что не платим. Копченые колбасы. Сыры. Икра. Фрукты. Шоколад. Вина. Коньяки. И это в голодный год!" - пишет Авдеенко, вспоминая для контраста поезд Магнитогорск - Москва, как вдоль

железнодорожного полотна стояли оборванные, истощенные дети, старики – просили хлеба! В этом голоде, по мнению Авдеенко, "виноваты перегибщики, дураки, которые не сеют и не жнут..." Но их "головокружение от успехов" уже осудил товарищ Сталин! Можно выпить с симпатичными чекистами "Цинандали", а можно коньячку за товарища Сталина и сбывшуюся мечту Горького собрать писателей под одной крышей и убедить в необходимости единства. И мчатся единые писатели: бывшие "чистопролетарские" и попутчики, литфронтовцы и левовцы, перевальцы и налитпостовцы, конструктивисты и локафовцы, "кузнецы" и "Серапионовы братья", сочувствующие и полусочувствующие...

Первый – рекламный – Съезд Советских писателей еще впереди...

А сейчас приручаются, под улыбочивые взгляды чекистов – пей до дна, пей до дна, за вождя народов Сталина...

Ну, значит, приехали в Ленинград. Опохмелились. И на открытых "линкольнах" куда? Правильно. В Эрмитаж. Рембрандта с Рафаэлем глядеть. А на кой черт, к примеру, конструктивисту и "кузнецу" Рафаэль? Но повезли. Писатель ведь – культура!

И декрет в Эрмитаже висит еще в старой орфографии, где есть слова (привожу в новой): "Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы – всё это ваша история, ваша гордость! Помните, что всё это почва, на которой вырастает Ваше новое народное искусство".

Конечно, Авдеенко и большинство писателей не могли знать в то время о продаже эрмитажных сокровищ за валютные гроши, но зимой 31-го уже был взорван храм Христа Спасителя. А по всей стране сколько динамита перевели? Может, буквально поняли про "почву"? Ходили слухи, что и Исаакиевский собор взлетит, но уцелел...

Рядом с собором в банкетном зале "Астории" чекисты приготовили "немыслимые, роскошные угощения", после которых "нет сил подняться". Авдеенко вспоминает, не в силах съесть третий десерт, о вписанной Горьким в его рукопись строчке: "Он жалел, что так много хорошей пищи было съедено зараз". Но ничего, вереница "линкольников" доставит...

Вот и Медвежья гора. Беломор-канал. Но "и тут – роскошный завтрак, после которого мы отправились осматривать лагерь".

Лагерь был, конечно, образцово-показательный, другого просто не могло быть, стоило везти писате-

лей, чтоб показать им дырявые палатки. Тут песчаные дорожки, двух цветов песок (желтый и белый), газоны, цветники, скамейки. А люди здоровые и веселые, "перекочовавшие" уголовнички и отвечают весело и без запинки. (Ты, сволочь, запнишь попробуй.) А в столовой меню висит.

Обед

Щи (1,2 кг на человека)

Каша пшенная с мясом (300 г)

Котлета рыбная с соусом (до 75 г)

Пирожки с капустой (по 100 г)

Конечно, не "Астория", но "по нынешним голодным временам каналаармейцы едят хорошо", - замечает Авдеенко.

А вдоль дороги дети и старики стоят - Хлеба, хлеба! И ни в чем не виноватые. Не убийцы, не мошенники...

Необузданна фантазия "улыбчивых чекистов". В 1929 году ГПУ сняло фильм о Соловецком лагере, в котором демонстрировалась голодной стране райская жизнь преступников. Фантазия подвела, но вовремя одумались, фильм не вышел на экраны. А что оставалось бы делать голодающим гражданам Страны Советов - украсть и в тюрьму - отъедаться?

Вот тут самое место вспомнить опять Луначарского - его доклад 33-го года о столь любимом им социалистическом реализме - этот доклад еще аукнется грядущими докладами и постановлениями. Вот что Луначарский докладывал тогда о правде:

"...правда - она не похожа на самое себя, она не сидит на месте... и нужно ее видеть именно так, а кто не видит так - тот пессимист, нытик и зачастую мошенник и фальсификатор, контрреволюционер и вредитель... Высказывает печальную правду, но с точки зрения социалистического реализма это не правда - это ложь, подмена жизни мертвечиной".

"Жить - стало лучше, жить - стало веселей, товарищи!". Но это вождь позже скажет, Луначарский же предугадал...

В лагере Беломор-канала уже создана правда социалистического реализма. Вот она, ее можно пощупать, пройти по ней, поговорить с ней... Все остальное - вредительство.

Бывший князь, проживший 15 лет за границей, начитавшийся классиков марксизма-ленинизма, вернувшись

в СССР и став литературным критиком Мирским, сомневался в этой правде и сказал Авдеенко: "Здесь на каждом шагу упрятана тайна... Чаще всего народные бедствия начинались с благих намерений и заверений..." "Ничего, - подумал Авдеенко, - дайте время, перекуется и он. Правда нашей жизни всемогуща".

Через несколько лет Мирский, видимо, не поддавшийся перековке, пропал в "гостеприимном" ГУЛаге. Но это потом...

А пока каналомец Алымов, поэт Сергей Алымов, автор "По долинам и по взгорьям", таскает здесь тачку, за колючей проволокой. "Он-то за что?" - спрашивает себя Авдеенко...

Этот же вопрос возникает у него, когда он знакомится с заключенными строителями канала "Москва-Волга", на строительство которого он был направлен редакцией газеты "Правда".

Генрих Ягода, нарком НКВД, советует ему ехать туда под чужой фамилией в качестве чекиста с двумя ромбами.

"Хватит? - спрашивает он. - Всего на два меньше, чем у меня". И напутствует: "Но как бы ни было трудно, всегда будьте правдивы. Всё пойму, кроме неправды. В наших органах неправда преследуется законом. На том стою и того же требую от каждого человека. Так нас воспитывает ЦК. Иной раз нам трудно и страшно сказать правду секретарям ЦК, страшнее, чем умереть, а мы все-таки говорим".

Известна судьба Ягоды - за "правду", видимо, пострадал... Всепобеждающая теория Луначарского об этой самой "правде" распространяется на всех.

В тот же день, перед отъездом на канал, Авдеенко получает однокомнатную квартиру в Москве и в новой генеральской форме уезжает жить и работать в Дмитров, в уютный особняк с ординарцем...

В своих воспоминаниях Авдеенко, описывая те годы, "как это было на самом деле, а не как должно быть", показывает механику *приручения* молодого писателя, попавшего нежданно-негаданно в центр "социальной культуры" того времени. Я далек от того, чтобы заподозрить автора той поры в подхалимстве и конъюнктуре, мне кажется, он был искренен в своих мыслях, поступках, творчестве, вернее, он "сам понимал" и был заряжен тем энтузиазмом, который долго удавалось эксплуатировать партии, и еще, скорей всего, он был всё же не "слишком писателем" и понимал литературу в контексте известной ленинской статьи - не индиви-

дуальным делом, а "частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого... механизма, приводимого в движение... авангардом рабочего класса".

Будучи законспирирован на канале "Москва-Волга" в должности заместителя начальника строительства и немного разобравшись в фальшивости этого чекистко-потемкинского метода перевоспитания, да и просто узнав, что за люди считаются теперь "уголовниками" и "вредителями", он пытался своими "ромбами" как-то влиять на процесс, но был без объяснений выставлен со строительства "правдолюбивым" наркомом. Но всё же, когда канал был закончен, ему было доверено помахать с башни "флагом победы" и напечатать два больших очерка в самой правдивой газете мира. Авдеенко не цитирует их, но мы легко можем представить, что это были за очерки.

Выше я намеренно заострил внимание на описанных Авдеенко деталях быта приручаемых: обедах, ромбах, квартирах и двухэтажных особняках, автомобилях отечественных и зарубежных, огромных тиражах книг сразу в нескольких издательствах, да мало ли всяких благ сыпалось на них из рога изобилия (любимого атрибута сталинской архитектуры), которых народ, чьим именем клялись с каждого партийного амвона, был начисто лишен и не мог даже мечтать иметь, кроме как в "светлом будущем".

В круг приручаемых попадали не только писатели и художники, но ученые и военные, летчики и ударники — библейски выражаясь, "каждой твари по паре". Но эти "пары" должны были быть преданны своим благодетелям, готовы "понимать" и славить и пропагандировать идеи вождей в массах. Естественно, в такой круг трудно было попасть "слишком художником", имеющим свое мнение, да они там были и не нужны, но если и попадали, то изменялись в нужную партии сторону. Становились, по выражению Луначарского, "плугом, который хорош не сам по себе, а лишь на пахоте".

Круг должен быть узок, потому как накладно многих потчевать, а большинство (любимое партийное слово) должно стремиться всеми правдами, а, вернее, неправдами попасть в этот круг жителей "острова коммунизма".

Авдеенко приводит историю своего знакомого ударника Стаханова.

Алексей Стаханов за 5 часов 45 минут добыл 102 тонны угля при норме 7 тонн, установив всесоюзно-разрекламированный рекорд. В постановлении парткома шахты, где говорилось о предоставлении "рекордсмену"

различных благ и льгот, есть и пункт 10, в котором записано: "Пленум парткома считает необходимым заранее указать и предупредить всех тех, кто попытается клеветать на тов. Стаханова и его рекорд как случайность, выдумку и т. д., парткомом они будут расценены как самые злейшие враги, выступающие против... нашей страны".

Видите, как - "заранее указать", чтоб не сомневались в откровенной "липе".

Ну, конечно, Стаханов после такого "рекорда" пошел в длительный загул и даже потерял в пьяной драке вместе с пиджаком орден Ленина и партийный билет, что является ужасным проступком для коммуниста, но ничего, "ударнику" выдали дубликаты.

Попасть в "комрай" было нелегко, но само попадание не гарантировало вечного блаженства, очень легко быть изгнанным, и не за какие-то проступки (случай Стаханова) и не за выражение несогласия, а просто, по очередной прихоти вождя или его свиты. В назидание другим, остающимся, чтоб больше ценили доверие, больше боялись...

И вдруг! Одним ранним летним и, разумеется, солнечным утром 40-го года, когда Авдеенко прогуливался по Киеву, ожидая встречи с кинорежиссером для работы над новым сценарием, он увидел, как расклейщик афиш заклеивал рекламу его фильма, премьеры которого должна была состояться в этот день. Оказывается, вышла "Правда" с разгромной статьей под названием "Фальшивый фильм" на кинокартину "Закон жизни", поставленную по его сценарию. Фильма, до этого считавшегося "новым достижением советского киноискусства".

И закурилось. "Ночью сотрудники НКВД разъезжали на мотоциклах по кинотеатрам Киева: опечатывали коробки с кинолентой. Фильм запрещен, признан анти-советским..."

Правительственная телеграмма. Жданов предлагает явиться в ЦК.

Приехав в Москву, Авдеенко зашел к Столперу, одному из режиссеров-постановщиков злополучного фильма.

"Глядя в его суматошные, полные ужаса глаза, слушая бешеную скороговорку, я понял, что меня ждет", - вспоминает автор.

"...свобода от мелочного страха, от трусости получается лишь ценою привычки к ужасному" - А. В. Луначарский.

Но не подвал "гостеприимных чекистов" ждал Авдеенко, а совещание в ЦК. На котором присутствовали от партии - Жданов, Андреев, Маленков и... спрятавшийся за большой колонной Сталин. От братьев-писателей - члены Президиума Союза писателей (Фадеев, Тренев, Катаев, Асеев и другие).

После выступления Жданова, камня на камне не оставившего от творчества и личности коммуниста Авдеенко, еще вчера, благодаря этому творчеству и личности, преуспевающего писателя и сценариста, депутата-коммуниста, из-за колоны, доселе невидимый собравшимся, со словами: "Тянет его туда... за границу" - вышел Сталин.

Авдеенко показалось, что это загримированный под вождя актер, бездарно исполняющий роль великого.

"Актер" рассуждал вслух о Шекспире, Гоголе, Чехове, о литературной плотве и китах, доводил до сведения находившихся в зале писателей, какой манере письма отдать предпочтение...

Называл Авдеенко "барахольщиком" за его заграничные пиджак, рубашку, галстук...

"Но что такое творится со Столпером? Почему нагнулся над столом и лихорадочно шарит у себя на груди? Развязывает галстук? Развязал, скомкал, спрятал в карман". Выполнил руководящее указание о заграничном "барахле"...

Как же Сталин определил, что пиджак и рубашка у Авдеенко заграничные? Что же, этикетки смотрел? За ворот заглядывал? Просто по качеству: хорошее качество - заграница, а если мешок какой-нибудь - то "Москвошвей". Не выдумали еще вожди лозунг - "Советское - значит отличное!"

Ну, естественно, все руководящие писатели на стороне руководителей партии. Какой только чуши ни несут на проштрафившегося собрата. Фадеев (Саша, ближайший товарищ) выкрикивает с места, "что нужно освободить Союз от таких людей, как Авдеенко. И вообще провести генеральную чистку Союза писателей". Но не угадал...

Сталин снова вышел из-за своей колонны, строго посмотрел на Фадеева и сказал: "Ишь какой! Слон в посудной лавке. Ишь как разошелся! Чистка Союза писателей ему понадобилась!"

Фадеев смертельно побледнел и сел...

"Приучить человека спокойно относиться к трагическому, испытывать красоту ужаса... - великая задача", - а это опять А. В. Луначарский.

Но все-таки пока не удалось выполнить задуманную задачу. И пугают их и стращают, каждый день, на каждом шагу, а все же "смертельно бледнеют".

А через шесть часов, ближе к полуночи (ведь это же надо шесть часов заниматься бредом, еще чаем угощали с фруктами), подводя итог уже с трибуны, внимательно посмотрев в зал, Сталин произнес: "Может быть, я и ошибаюсь в отношении товарища Авдеенко. В душу человека не влезешь".

Так и хочется продолжить слова Вождя - Отрадню, товарищи, что мы не забываем вот так собираться и находим время для коллективного сумасшествия. Но было все на полном серьезе...

Авдеенко ждал ареста. Прямо в зале, в коридоре, у себя на квартире, каждую последующую минуту ждал...

Ночью ему приснился Сталин. "Знаешь, почему я на тебя разгневался, почему прорабатываю? Пять лет назад с трибуны Большого Кремлевского Дворца ты поклялся, что, когда у тебя родится сын, первое слово, которое он произнесет, будет не "мама", а "Сталин!". Обманул народ! Не сдержал клятву!"

Эта реальная экзальтированная "клятва" в свое время произвела впечатление и на будущую жену Авдеенко, и она, откладывая свое замужество до окончания института, сразу согласилась на его предложение.

А сон этот вполне мог быть явью, весь этот бред совершенно спокойно мог произнести Сталин и на заседании ЦК, и с той же самой трибуны во Дворце. Представляю негодующую реакцию депутатов - "Измена!", "Распни его!".

Но нашего героя не арестовали (видно, вождю хотелось посмотреть, как поведет себя придушенная мышка), его просто изгнали и из редакции "Правды", и из писательского Союза, и из партии, что было для Авдеенко самым страшным.

Руководящая роль партии записана в конституции. Все, что делалось и делается в стране, делается ее именем и ее членами. Партия никогда не ошибается, она ни в чем не виновата, виноваты ее отдельные члены, даже если они ее Генеральные секретари.

Так нас учили с детского сада...

Приходит из детсада девочка и говорит родителям: "Нас всех спасла партия". "От кого?" - спрашивают удивленные родители. Девочка отвечает: "От медведей".

Но где была партия, когда ее вожди допускали всевозможные, подчас губительные для страны просчеты? "Партия начала перестройку", - гордо заявляют коммунисты. А кто довел страну до кризиса? Или мы все

семьдесят с лишком лет пребывали в постоянном кризисе. И когда скрывать это стало просто глупо (и так все знают), партия гордо указала на это. И ловко придуманный термин "административно-командная система", которая, как выяснилось во всем виновата, не спасает положение. Какие такие - "командиры" и "администраторы", когда Политбюро ЦК КПСС решает вопросы, связанные с поставками мыла или овощей...

Тогда обком несколько недель решал - достоин ли "бывший" Авдеенко работы помощником машиниста на шахте и койки в общежитии.

Партия - это фантом или божество, именем которого постоянно клянутся ее оракулы или первосвященники в образе Генерального секретаря. И миллионы советских людей, коммунистов и просто граждан верят не столько в партию, сколько в ее вождя.

Верили и в тридцатые, и сороковые, и в последующие "атые"... Верили, что Сталин не знает, от Хрущева скрывают, Брежнева спаивают, а Горбачеву не дают... Извечная "русская вера" в "хорошего царя".

Но каково же было Авдеенко, когда весь тот бред, который вывалили на него, он получил, так сказать, из первых рук, или из уст, самого Сталина?

"Рассказывая членам бюро горкома о своей встрече со Сталиным, я вдруг почувствовал, что говорю об этом подозрительно охотно, чуть ли не с гордостью, что мне выпала такая честь - быть объектом гнева самого Сталина. Вот когда мне стало страшно, вот когда я почувствовал себя на дне пропасти".

Надо отдать должное Авдеенко, он мужественно вел себя в роли разоблаченного (и кем!), но не арестованного "врага народа".

И после всех передраг, произошедших с ним, он чувствует себя несказанно счастливым, когда на фронте он узнал, "что после напечатания его романа "Большая семья" в "Новом мире", ему не заказан путь в партию". В ту самую партию, которая, поиздевавшись над ним, ошельмовав, отлучила, но потом кивнула - можешь возвращаться.

Заканчиваются воспоминания у гроба вождя. Авдеенко уже прощенный, уже восстановленный, специальный корреспондент "Огонька", на похоронах еще пока "гения всех времен и народов". С заплаканными глазами он описывает всенародную скорбь. И чем-то ужасным, кошмарным показались ему слова старого большевика, комиссара Верховых, человека со сходной судьбой (в 37-ом посажен, потом освобожден). Верховых говорит:

"Кончился временщик. Испустил дух. Дутое величие обернулось прахом... В прах превратятся доклады, указания, изречения".

Золотыми буквами можно выбить эти слова в колонном зале Дома Союзов, для всех вождей, которых провожали в нем, они подходят.

Начал писать свою повесть Авдеенко в 1956 году, а закончил в 88-м словами: "Жизнь, переосмысленная, свободная от рабского культа "Хозяина". Завидую вам, молодые писатели, которым предстоит написать об этой эпохе. Завидую вам, мои дорогие сограждане, которым предстоит жить в обновленной стране".

Интересно, в каком году были написаны эти строки?

Все-таки удалось воспитать партии безудержных оптимистов, безоговорочно верящих в "светлое будущее".

А что же не будет этого светлого будущего?

Обязательно будет... Но только тогда, когда на каждом партийном комитете, в его теперешнем понимании руководящего органа, будет висеть табличка: "Партком закрыт - все ушли на пенсию".

Евгений Крохмаль

Война и мир, который её вел

Война... Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Перефразируя известную поэтическую фразу о Москве, именно так можно определить содержание записок фронтовика московского скульптора Владимира Лемпорта в пятьдесят восьмом номере журнала "Континент"* . И добавить: как много нелепого, горького и трагического сплелось в этом звуке для жителя страны Советов и для тех жителей любой другой страны, в которых не вытравлено чувство сопереживания чужой беде.

Страна наша, занимающая в географическом плане одну шестую часть света, в человеческом плане необъятна. Но еще более необъятна глупость, царящая в прямом и

* В. Л е м п о р т. "Невидимый противник, или Вшивая эпопея". "Континент" № 58. Париж.

переносном смысле в этой одной шестой части много-страдальной планеты Земля. Однажды, взяв на вооружение книжный "Капитал", обрушились революционеры со всей силой своего неразумения на капитал истинный, стерли его с лица земли вместе с его атрибутами: красотой, нравственностью и другими человеческими ценностями, стерли "до основанья, а затем...". А затем и наступило то царство идиотии в смеси с политической шизофренией, которое преобразило реальность двадцатого века, придав ей (особенно для жителей нашей страны) черты ненависти и жизни в состоянии непреходящего ужаса.

О результатах всего этого, ярко проявившихся во время самой страшной и кровопролитной войны за всю историю человечества, и рассказывает Владимир Лемпорт, участник этой войны, в своих воспоминаниях "Невидимый противник, или Вшивая эпопея".

Он пишет о лжи, которой покрывают величественное здание этой войны, покрывают бывшие фронтовики и нюхавшие пороха писатели, покрывают так, чтобы нельзя было за этой ложью обнаружить истинное лицо войны вообще и этой войны, в частности. И эту ложь во спасение официальной советской версии Великой отечественной войны разоблачает Владимир Лемпорт.

Его рассказ напоминает по искренности и бытовым деталям известную книгу "На западном фронте без перемен" Ремарка. То же превращение интеллектуальных существ в организованную массу механизированных животных, стремящихся выжить самим и убить как можно больше точно таких же животных из противоположного, вражеского стана. Убить и выжить. Выжить и убить. Акценты могут быть смещены в зависимости от чувства ярости к врагу или жалости к себе, но суть остается прежней. И на эту самую по себе бессмысленную суть накладывается страшный отпечаток того, о чем я говорил выше - отпечаток советского идиотизма...

И вот гонят под пулеметом в атаку через реку не умеющих плавать солдат-степняков, из которых еще до столкновения с врагом не утонуло только несколько человек, гонят командиры, сами находящиеся под угрозой расстрела за невыполнение приказа свыше, бедных солдат в баню в пристрелянную немцами деревню Котлубань, гонят солдат на верную гибель днем через простреливаемое место, и всё кончается тем, чем и должно это кончиться - массовой бессмысленной смертью.

А что же разумные люди из нижнего эшелона вла-

сти, понимающие, чем могут кончиться тупые экзерсисы верхнего эшелона с солдатскими жизнями? А вот что:

— А что напишут ваши батарейные сексоты? — холодно возразил полковник. — А что скажет особый отдел? А как завоюют проверяющие Армии, присланные в Котлубань, когда их лишат такого шоу?”

И дальше: “Собственно, всем было ясно, что уклониться от выполнения нелепого в данных условиях предписания невозможно, и мысленно уже подсчитывали потери”.

Вот так. Уклониться от выполнения нелепого приказа означало расстрел, выполнить его — смерть подчиненных, а может быть, и своя собственная. Выбор был почти всегда однозначен. Так тупость начальства, ставшего перед войной раньше времени на место репрессированных опытных и разумных в своем большинстве командиров, приводила к массовой бессмысленной гибели, ибо “наверху” требовали только беспрекословного выполнения приказаний, а горы трупов — в результате этого — только подчеркивали в глазах еще более высокого начальства их рвение и стремление выполнить задачу во что бы то ни стало. Милосердие, стремление сохранить жизнь подчиненных — всё это буржуазные “слюни и сопли”, им нет и не должно быть места в доблестной Красной армии рабочих и крестьян. И эта армия действительно была красной — так много крови было попусту выпущено из нее ретивыми бездарными холуями, возвращенными и выдвинутыми этим единственным в истории строем, уничтожившим почти все самое лучшее из людского материала, созданного, как казалось этому строю, только для его безумных экспериментов.

И бесконечно прав Владимир Лемпорт, охарактеризовав всю эту непостижимую для нормального разума ситуацию: “Мрут люди — значит, стараются. Живут — халтурят. И когда теперь проходят мимо вечных огней, а репродукторы печально сообщают, что в Великой Отечественной мы потеряли двадцать миллионов жизней, я всегда думаю: а не заплатили ли за победу в десять раз дороже?”

Да заплатили. И платим до сих пор. И сколько еще нам придется платить, знает один только Бог...

А. Роз

Отходная Тамиздату?

В январе этого года в Москве произошло нечто такое, что трудно поддается однозначному объяснению, нечто, что можно по необъяснимости сравнить только с НЛО (неопознаваемыми летающими объектами).

Посреди белокаменной, в доме, удачно названном главным организатором события "цитаделью социалистического реализма" - в Центральном доме литераторов, при стечении всякого литературного и околотитературного народа состоялся... (даже страшновато произнести) - "Вечер издательства «Посев» и журнала «Грани»". Какого, какого издательства? Да того самого, антисоветского, это который еще и НТС... И какого журнала? Да того же, антисоветского, который тоже еще и НТС... Не может быть! Невозможно! Что-то тут не так! А куда ж наши славные органы смотрят? Куда, наконец, писательское Правление смотрит?! Нет, нет, что-то тут не так!..

★

В нынешней ситуации в стране можно четко определить, пожалуй, только три позиции. Другие тоже есть, но они относятся к разряду, условно говоря, "качающихся".

Первая позиция - идти с властью в ногу и делать то, что она позволяет, не больше. Позволено вытаскивать из спецхранов (книги, фильмы, документы) - вытащим, но и поправим, если что-то еще всё же вылезает за рамки сегодня дозволенного властью, причем здесь на полную катушку работает прежде всего самоцензура.

Вторая позиция - если в стене пробита дыра, надо ее расширять самим, снизу, выматывая это самое дозволенное до предела, испытывая его на разрыв, на прочность, играя на противоречивости дозволенного и недозволенного, тем самым самым расширяя рамки сиюминутного дозволенного.

Третья позиция - в предельной форме: или всё, или ничего. Хотя в такой форме эта позиция не подвергается испытанию сегодня. Люди, стоящие на ней, конечно, тоже так или иначе пользуются дозволенным, но в той же степени и смысле, в какой раньше они пользовались тем же самым, хотя это входило в разряд недозволенного. Ибо они считают, что есть вещи, неотъемлемые от человека, как, скажем, воздух. Разрешит власть дышать или нет, это ее дело, но человек просто должен дышать - тут и обсуждать нечего. И для них дозированное разрешение дышать - то же самое, что запрещение вообще дышать, которое они и раньше не принимали, хотя дышать им часто приходилось за колючей проволокой.

Эти три позиции были представлены на вечере "Посева" в Москве.

*

Если взять отдельно сам по себе только вечер в ЦДЛ, то ощущение неудобства остается, ибо есть во всем этом привкус, пусть слабый, но все же ощутимый, - двусмысленности. Привкус этот был и у кое-кого из сидевших на сцене, не говоря уже о присутствующих.

Хорошо, нашему устройтелю - море по колено. Владимир Батшев еще хорошо помнит (да и его помнят) памятные для многих выступления юных поэтов с постаментов памятника Маяковского в начале 60-х годов. Тогда эти юные пытались "штурмом" брать и ЦДЛ. Так что для него этот вечер как бы был завершением того давнего штурма молодости. С его напористостью он мог бы теперь жалеть, что не устроил этот вечер во Дворце съездов, да еще во время очередного пленума или съезда, потеснив "их" на один вечерок. Устройство бросил "начиненный мячик", а на другой стороне его кто-то возьми и подхвати. Кто и куда бегал с этим "мячиком"? Что-то было - под чьим-то управлением вечер стал почти цэдээловским мероприятием, а наш устройтель вроде как и не при чем. Иначе, как объяснить ведущего этот вечер? Как объяснить атмосферу официальных "похорон", когда над гробом умершего произносятся горячие, теплые или полутеплые слова, но смыслом один: покойный сделал свое дело, пусть спит спокойно - мир праху его. И как только на похороны съезжаются иной раз родственники, рассорившиеся много лет назад, так и тут сошлись авторы, которых давно уже за одним праздничным столом не соберешь - у каждого из них свой праздник. Кому "Апрель", а ко-

му "Отечество"... И только битый-перебитый ээк всё еще пытался сказать, что покойный жив, дышит и еще может пригодиться.

*

Так бы и пришлось остаться этому вечеру "двусмысленным". Но было на этом вечере одно выступление – заочное, сам выступающий не присутствовал – это прочтенное вслух, хотя и оставленное ведущим без обсуждения письмо члена редколлегии журнала "Посев" Валерия Сендерова, с объяснением, почему он не счел для себя возможным принять приглашение устроителей участвовать в этом вечере. Он человек, придерживающийся третьей позиции.

Для многих участников письмо В. Сендерова прозвучало неприятным диссонансом, той самой палкой, вставленной в колесо едущей телеги. Письмо отнимало у участников комфортабельное ощущение хорошо организованных похорон, отданных последних благодарностей и во время поставленной точки. Оно же снимало именно двусмысленность, как бы расставив правильные акценты...

Ниже мы публикуем материалы, полученные из Москвы в течение января-февраля этого года. Мы также считаем своим долгом приветствовать Владимира Семеновича Батшева в качестве представителя издательства "Посев" в Москве.

* * *

Михаил УТЕВСКИЙ

Одним январским вечером...*

Первый в Советском Союзе вечер издательства "Посев" и журнала "Грани" прошел в Москве 10 января 1990 г. И не в клубе молочной фабрики или кожевенного комбината, а в большом зале Центрального дома

* Название дано редакцией. Печатается без изменений и сокращений. – Ред.

литераторов имени А. Фадеева. Незадолго до этого газета "Московский комсомолец" объявила о подписке на журнал "Грани" на 1990 год.

Билеты на этот вечер распроданы, зал полон. При входе висит афиша, где указаны участники вечера: А. Битов, Ю. Карабчиевский, Ю. Кублановский, В. Сендеров, Б. Ахмадулина, В. Солоухин, Л. Бородин.

В фойе два стенда с книгами издательства "Посев" – романы Максимова, Владимова, книги Ф. Незнанского и многие другие. Здесь организована подписка на "Грани" и розданы листки с письмом Валерия Сендерова организаторам и участникам вечера.

Открыл вечер критик Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ. Он принес извинения за то, что он, а не объявленный ранее Лев Аннинский, будет вести этот вечер. Он отметил, что две или три ноты могут присутствовать в разговоре. "С одной стороны, мы недавно по разным поводам впадали в эйфорию – могло ли это быть еще вчера? С другой стороны, начала возрастать такая нота, что радоваться рано. И доведенная до крайности – радоваться нечему. Но все-таки это не так". Лесневский сказал, что предстоит реальная работа по изучению огромного материка, связанного с русским и "советским" зарубежьем, со всем тем, что издавалось "там", потому что не могло быть издано "здесь".

Лесневский говорил, что до сих пор в СССР редким документом является Всеобщая декларация прав человека, которая лишь недавно была напечатана в Литературной газете и Книжном обозрении, – в частности статья 119 – "каждый человек имеет право на свободу убеждений... на свободное выражение их"; это право включает "...свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от государственных границ".

Лесневский отметил, что несмотря на то, что СССР подписал и недавно подтвердил, что разделяет эти принципы, "один из наших коллег – журналист Сергей Кузнецов пережил тяжелую драму, – просидел год в Свердловске только в порядке предварительного заключения и недавно был освобожден не потому, что он был невиновен, а потому что ему подыскали какую-то другую, более мягкую вину, приговорив к одному году в административном порядке". Лесневский сообщил собравшимся, что сейчас идет борьба за признание Кузнецова невиновным, так как всё его преступление заключалось в том, что он на митинге пытался зачитать текст, который только что был зачитан и "во исполнение которого мы здесь собрались".

Держа в руках проспекты издательства "Посев", журнала "Грани" и журнала "Посев", Лесневский говорил о "захватывающих списках книг", которые "мы жаждем прочесть". "Мы хотим, чтобы у нас был магазин русского зарубежья, чтобы у нас был центр русского зарубежья... чтобы были библиотека, читальня, чтобы все это можно было прочитать". (Жаль, что Лесневскому не сообщили, что в Москве существует независимая библиотека, где можно прочесть некоторые книги из "захватывающих списков" - М. У.)

Лесневский вспомнил встречу в 1964 году в Комарове с Анной Андреевной Ахматовой, когда она показала ему небольшую книжечку "Реквием", присланную из Мюнхена. Лесневский сказал:

"Мне было страшно брать в руки эту книгу, мы еще не успели отойти от того образа врага, который мы создавали из этих издательств и которым мы должны поклониться не только за "Реквием" Ахматовой, но за "Голой год" Пильняка, за "Доктора Живаго" Пастернака, за книги великого русского писателя Александра Исаевича Солженицына, за книги Л. К. Чуковской, за то, что великий гражданин нашей эпохи Андрей Дмитриевич Сахаров там издавался и там звучал его голос, звучал для того, чтобы мы могли здесь, сегодня, его услышать. И мы испытываем только чувство благодарности к тем издательствам, которые совершили это".

Лесневский высказал мнение, что механизм, заключенный в п. 119 всеобщей декларации прав, в западном обществе способствует его стабилизации, разрешению сложных моментов, а то же самое, "примененное к нашему обществу, способствует сплошь и рядом его дестабилизации и в "этом большая сложность". Лесневский сказал: "Мы хотим его (общества. - М. У.) демократизации, хотим его совершенствования, хотим, чтобы это происходило мирно в рамках культуры".

Лесневский рассказал о напечатанной в газете "Литературная Россия" статье литератора Александра Проханова "Трагедия централизма", которого критик Алла Латынина назвала "соловьем Генерального штаба". Лесневский отметил, что эта ярко написанная и содержащая много справедливого статья пронизана ненавистью к Западу. Проханов утверждает, что СССР никогда не был так слаб, как сегодня, и делает вывод - "во всем виноваты либералы".

"Либерализм, дух свободы - это есть основа культуры, - говорит Лесневский, - и пора перестать потакать людям, которые в нашем обществе, столь нуждающемся в умном и глубоком либерализме, превращают

это слово в ругательство. Под этим знаком мы и начнем эту встречу”.

Лесневский сообщил, что из тех, кто обещал нам участвовать, нет Андрея Битова (из зала слышен голос: "Сендерова нет!"), и некоторые тексты будут зачитаны по поручению тех, кто по тем или иным причинам не смогли быть на вечере.

Лесневский объявил первого выступающего – критика и прозаика Юрия Карабчиевского. Книгу Карабчиевского о Маяковском Лесневский не принимает ни по ее позиции, ни по тону, ни по ее этике, но выступил перед издательством "Советский писатель", защищая эту книгу и ее право на издание. Он напомнил слова Вольтера: "Я с Вами не согласен, но готов отдать жизнь за то, чтобы Вы имели право свободно высказывать свои убеждения”.

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ сказал, что очень неприятно быть автором одной книги и что он надеется в ближайшее время с помощью некоторых советских издательств и редакций доказать, что это не так.

Карабчиевский сообщил, что большинство его произведений было напечатано в журнале "Грани". Первая публикация была в 1975 году, статья "Товарищ Надежда" о песнях Булата Окуджавы (должна появиться в 1-м номере журнала "Искусство кино" в 1990 году). Говоря о вечере, Карабчиевский назвал его "странным мероприятием". "Перестаешь чему-то удивляться, и снова, и снова удивляешься. Как-то с этой эйфорией надо бороться”.

Рассказывая о готовящейся телепередаче о "Метрополе", Карабчиевский отметил, что их сейчас считают большими героями за то, за что другие люди в то же время сидели в лагерях, а "мы там что-то напечатали”.

Ю. Карабчиевский вспоминает, как со страхом воспринимался знак "Посева" – земной шар с буквой П. В то время, как другие журналы ("Время и мы", например) еще можно было держать в руках, то "Грани" – только в портфеле. Карабчиевский привел слова героя Битова, его деда, который говорил, что "посадить он сам бы себя посадил на месте этой власти, а вот чего он не может выдержать – это позора реабилитации”.

Задавая себе вопрос, – "почему разрешен этот вечер? – или для чего это нужно?" – Карабчиевский отвечает, что может быть для того, чтобы держать "их" в рамках сегодняшних приличий. А вот в чем могут состоять сегодняшние приличия по отношению к журналу "Грани"? А в том, наверное, чтобы "каждый из нас, выйдя к это-

му микрофону сказал, что журнал "Грани" вовсе не был антисоветским, а это был некий свободный эмигрантский журнал, публиковавший независимых представителей русской литературы и остро критиковавший командно-административную систему".

Карабчиевский в связи с этим вспомнил первые вечера А. Галича (на афише одного из них было написано - вечер, посвященный 125-летию К. С. Станиславского). На этих вечерах выступала Е. С. Вентцель (она же писательница И. Грекова) и убеждала, что Галич никогда не был антисоветским.

Карабчиевский отметил: "Вот те на! А за что же мы его любили?! Журнал "Грани", конечно же, антисоветский журнал, за это мы его и любим, самый острый и самый резкий". Он сказал, что тогда некоторые работы в журнале отталкивали противоречивостью и пропагандой наоборот.

Карабчиевский обратил внимание на внешнее оформление журнала "Грани" - лаконичная, чистая, гладкая обложка с краткой надписью, - "в отличие от "светского" облика других журналов, например "Время и мы", "Континента". Он сказал, что на допросе в КГБ понял, что внешний вид - эманация внутреннего содержания. Карабчиевский считает, что обложка "Граней" напоминает шинель, "наверное, не красноармейскую". Ему кажется, что разница между "Гранями" и "Временем и мы", как между Би-Би-Си и радио "Свобода". Слушая Би-Би-Си, представляешь человека, удобно устроившегося в кресле и на хорошем русском языке добросовестно читающего информацию, до которой ему дела нет. Слушая передачу радио "Свобода", представляешь себе блиндаж в три наката, кругом свистят большевистские пули, и человек читает оперативную сводку. "Вот таким для меня был журнал "Грани", - сказал Карабчиевский.

Карабчиевский сказал, что расстался с этим журналом, не имея к нему никаких претензий, хотя в какой-то момент был несколько раздражен. Раздражение было вызвано тем, что одна из его последних публикаций в "Гранях" - повесть "Тоска по Армении" - (сейчас опубликована в журнале "Литературная Армения") была напечатана с чудовищными искажениями. Карабчиевский отметил, что опечатки вообще - неотъемлемая черта западных публикаций. Из-за отсутствия у редакций денег корректоров и редакторов не хватает. Но в "Тоске по Армении" были не только опечатки, но и "чудовищные исправления, искажения, чужой текст". С помощью Георгия Владимова, который привел Карабчиев-

ского к сотрудничеству с "Гранями", Карабчиевский передал в редакцию возмущенное письмо. На это письмо Карабчиевский получил подробное объяснение в письменном виде.

Карабчиевский рассказал, что его письмо и ответ были взяты на обыске у Г. Владимова. Он подробно описал, как проходил обыск и как "восемь черных та-раканов шарили по всем местам".

Карабчиевский выразил благодарность тамиздатовским журналам: "Многие годы мы почти ничего не читали, что публиковалось здесь".

Карабчиевский сказал о своей встрече с В. Перельманом в Нью-Йорке и Р. Нудельманом в Иерусалиме, которые редактируют хорошие журналы, "которые были нашим дыханием вместе с журналом "Грани", конечно, еще и с "Континентом". Он отметил "очень, очень хороший журнал "Страна и мир" и сказал несколько слов о бедственном положении литературно-художественных журналов на Западе.

В конце выступления Карабчиевского пытались остановить из зала, но получили резкий отпор Лесневского и Булата Окуджавы.

Булат ОКУДЖАВА рассказал детективную историю, происшедшую лет 25 назад. Он узнал, что в издательстве "Посев" у него вышла небольшая книжка, находился "в полубморочном состоянии" и старался скрыть этот факт. Однако никто его не беспокоил, и через год он с делегацией поехал в Мюнхен. В Мюнхене с Окуджавой познакомился сотрудник издательства "Посев". На случай приезда представителя "Посева" в Москву они договорились о пароле, разорвав на две части книжку Риммы Казаковой. Половину книжки получил Окуджава, а со второй половиной должен был появиться "эмиссар" "Посева". Прошел, вероятно, еще год, и в квартире Окуджавы появился "незнакомый молодой человек лет 30-ти, несколько загранично, но скромно одетый". Этот человек достал из кармана обложку книги Казаковой, потом вспорол подкладку плаща, вытащил маленькую брошюру, положил на стол, попрощался и ушел. Это был меморандум Сахарова, опубликованный за рубежом.

С тех пор в издательстве "Посев" вышло много книг Окуджавы. В начале 70-х годов "наверху" решили устроить "дело Окуджавы". В одной из книг Окуджавы примерно 15-летней давности в предисловии отыскивали не особенно лестный отзыв о советской армии. Окуджаву вызвали и сказали, что надо в какой-нибудь газете резко ответить автору. Поэт пытался отказаться, ссы-

лаясь на давний срок, на то, что советские читатели не знают предисловия. На него давили, но Окуджаву отказался. Затем на парткоме Окуджаву прорабатывали 15 человек, поносили его около пяти часов. Было решено исключить его из партии, и все единогласно проголосовали за исключение. В течение года его нигде не печатали, но почему-то исключение не утвердили. Окуджаву снова вызвали на партком, где сидели те же 15 человек и говорили о нем так лестно, что он "сидел и краснел от стыда". Все эти люди живы и занимают разные должности и сейчас.

После этого Окуджава несколько раз бывал на западе и встречался с работниками издательства "Посев". Последний раз он был во Франкфурте в позапрошлом году и побывал в самом издательстве, и конечно, не предполагал, что примет участие в вечере "Посева" в ЦДЛ.

Окуджава сказал несколько слов о вышеуказанной статье Проханова из "Литературной России". По мнению Окуджавы, это "обыкновенное прохиндейство", желание испугать и доказать преимущество административно-командной системы. Окуджава вспомнил выступление Проханова 5 лет тому назад по телевидению, где он радовался победам "наших замечательных воинов" над "отвратительными душманами".

По мнению Окуджавы, в издательстве легкая паника, так как "им почти нечего издавать". Со слов Кублановского, Окуджава сообщил собравшимся, что издательство прекращает свою деятельность, потому что, "остальные вещи выходят у нас".

Заканчивая свое выступление Окуджава сказал:

"Независимо ни от чего это издательство приносило серьезную пользу и помогало нам. У меня кроме слов благодарности по отношению к ним ничего нет".

Говоря о давлении со стороны руководства СП СССР, Булату Шалвовичу стоило бы вспомнить о письме против "Посева", на которое его вынудили и заставили и напечатать в конце 70-х годов.

От имени Валерия СЕНДЕРОВА выступил редактор независимого журнала "Христианский вестник", выходящего в Москве, Евгений ПОЛЯКОВ. Он зачитал письмо члена редколлегии журнала "Посев", адресованное организаторам и участникам вечера (это письмо публикуется ниже. - Ред.).

Лесневский выразил сожаление, что Сендеров не пришел и не выступил сам, поблагодарил Полякова за сообщение: "Знать это нам необходимо". Подробно

обсудить причины отсутствия Сендерова Лесневский не захотел, так как "слишком много времени нужно, чтобы конкретно во все это углубляться".

Выступившая поэтесса Белла АХМАДУЛИНА обратила внимание на смешную сторону происходящего. Она рассказала, как в конце 60-х годов вышла книга ее стихов "Озноб" в издательстве "Посев". Составитель в предисловии написал, что собрали стихотворения Ахмадулиной по журналам, публикациям и магнитофонным записям. Через некоторое время ее вызвали на Старую площадь и предложили отречься от этого сборника. Ахмадулина пыталась объяснить, что в "Ознобе" ее подлинные слова и подлинные тексты, что в вышедшей в СССР в то же время книге "Уроки музыки" половина каждого текста отсутствует. Несмотря на давление, Ахмадулина отказалась написать отречение. Белла Ахатовна справедливо сказала, что сейчас появился дурной тон так трагически вспоминать о неприятностях, выпавших в определенные годы. "Ну, давили чуть-чуть. А что мне, собственно, за это было. - Никогда никуда не поедете, печататься никогда не будете! - не по ихнему вышло".

Ахмадулина сказала: "Я говорила, чтобы как-то соотносить себя и благородное издательство "Посев".

Ахмадулина прочла два стихотворения, вошедшие в "Озноб": "Памяти Мандельштама" и "Варфоломеевская ночь".

Взял слово писатель Владимир СОЛОУХИН.

Он начал свое выступление с ответа на записку из зала: "Неужели Ваши произведения издаются в зарубежных издательствах? Какие произведения там изданы - назовите пожалуйста?"

Солоухин сказал, что в "Посеве" у него не издано ничего, что бы не было издано в СССР, как, впрочем, и у Булата Окуджавы.

Отвечая автору записки, Солоухин сообщил, что у него выходили книги в ФРГ, Франции, США, не говоря уже о Болгарии, Польше, Чехословакии. Кое-что издавалось в русском издательстве "Посев". Солоухин отметил, что ему всегда приятно было взять в руки изданную ими книжку. Для Солоухина журналы "Грани", "Посев" и издательство слиты в одно целое. "Издано все, что издано у нас, но с какой разницей! Во-первых, пораньше, чем у нас. Во-вторых, - так, как я их написал, эти произведения. И в этом есть принципиальная разница".

Солоухин вспомнил, как молодым автором принес в "Новый мир", еще симоновский, свою лирическую прозу "Владимирские проселки" и как его заставили согласиться печатать с большими купюрами. Заместитель Симонова, А. Ю. Кривицкий, сказал: "Отец, у нас Церковь отделена от государства, а литература к нему присоединена, поэтому убирай все лишнее и приноси".

Подобная же история произошла, когда Солоухин принес "Черные доски" в редакцию журнала "Москва". 153 купюры заставили его сделать при издании "Черных досок".

"Приходится жертвовать частью, чтобы сохранить целое". Солоухин считает, что если бы он отказался печататься из-за цензуры, то не было бы писателя, "каким я сейчас перед вами стою".

Солоухин отметил приятное ощущение, когда при издании все сохранено, как написано самим писателем. Книги издательства "Посев" на русском языке распространяются мало, русскоязычная аудитория небольшая, издательство "Посев" не коммерческое, а цель его - просвещать публику в Советском Союзе. "Собственно корысти почти никакой, но приятно". Далее Солоухин рассказал о том, как после выхода двух его рассказов в "Гранях" - "Первое поручение" и "Колокол" - его вызвал в секретариат СП СССР Альберт Беляев, нынешний главный редактор "Советской культуры". Беляев потребовал объяснений, - как рассказы попали в "Грани". Солоухин ответил, что сам отдал их французскому издательству для перевода. Обошлись без административных выводов. Повесть о детстве "Смех за левым плечом" вышла в издательстве "Посев" на несколько месяцев раньше, чем в журнале "Москва". "Там без купюр. Здесь пришлось, конечно, какими-то абзацами, фразами пожертвовать" (и это в конце 1989 года! - *Ред.*).

В "Гранях" были опубликованы два стихотворения Солоухина, которые сейчас опубликованы в журнале "Наш современник". Вышла брошюра "Читая Ленина", которая сейчас опубликована журналом "Родина". (Солоухин не сказал, что в "Родине" опубликован только отрывок из этой работы.)

Солоухин рассказал, что в 1985 году его так же единогласно, как Булата Окуджаву, исключали из партии. Недавно не только сняли взыскание, а отменили решение 85-го года как необоснованное.

Солоухин отметил, что выступал и против войны в Афганистане.

Он сказал: "Удивляться надо тому, как в тех условиях, когда нельзя было ни одного рассказа напеча-

тать без потерь, без уронов и без изъяна, наша литература еще выжила, выстояла, существует, и я думаю, что вот это издательство на русском языке "Посев" сыграло большую положительную роль. Это была та отдушина, где можно было увидеть свое произведение, опубликованное в таком виде, в каком писатель его написал". "Сам факт этого вечера странен и неожиданен, но это тоже знамение нашего времени, и я рад, что такой вечер состоялся и я принимаю в нем участие". Солоухин прочел стихотворение "Три поэта", посвященное историческому факту, когда в первые годы советской власти Луначарский решил собрать творческую интеллигенцию в Таврическом дворце и поговорить о судьбе Родины, и пришли три поэта – Блок, Маяковский и Рюрик Ивнев.

Далее Лесневский представил поэта Юрия КУБЛАНОВСКОГО, который эмигрировал в 1982 году, а сейчас уже три недели находится в Москве.

Кублановский сказал, что очень рад выступить на вечере издательства "Посев" и журнала "Грани", поскольку являлся многолетним сотрудником "Граней" и "Посева". Кублановский отметил удивительность и фантастичность этого вечера, но "три недели находясь в отечестве", перестал удивляться. Двадцать лет, живя в отечестве, Кублановский писал стихи и ни разу не выступал в ЦДЛ, а за три недели после приезда из-за границы выступает в этом зале уже 4-й или 5-й раз.

Впервые Кублановский напечатался в "Гранях" еще в 60-е годы, когда ему было 20 с небольшим лет и, "что самое пикантное, не просто напечатался, но и письменно попросил прислать гонорар в валюте, послав письмо с уведомлением. Получил справку – уведомление, что письмо пришло к адресату, а через некоторое время получил в валюте небольшой гонорар. После отъезда в 1982 году стал сотрудничать с "Посевом", получив возможность публиковать произведения своих друзей и знакомых. Благодаря издательству "Посев" Кублановский издал роман В. Кормера "Наследство", который объявлен к изданию в журнале "Октябрь" на будущий год. В издательстве "Посев" Кублановский опубликовал стихи поэтессы Ирины Ратушинской, которая в то время находилась в мордовских лагерях.

В конце своего выступления Кублановский прочитал стихотворение, посвященное Иосифу Бродскому.

Станислав Лесневский выразил надежду, что придет день, когда состоится вечер журнала "Континент" и

писателя Владимира Максимова. Он думает, что среди тех имен, перед которыми виновен Союз писателей, имя Максимова должно быть названо одним из первых. Он предложил обратиться к Союзу писателей, чтобы Максимова были принесены извинения и отменено решение о его исключении, как это было сделано с Войновичем. По мнению Лесневского, то же следует отнести к В. Аксенову, Ф. Светову и к "многогострадальной Зое Крахмальниковой". "Тут должен быть назван Георгий Владимов. Перечень имен очень велик".

Лесневский назвал возмутительным тот факт, что Союз писателей "дозирует акты справедливости", что не было дано никакого анализа происшедшего, а люди, которые за все это отвечают, нигде не сказали об этом, не говоря уже о каком-то покаянии.

Лесневский сказал: "Вместо того, чтобы устраивать исполненный ненависти пленум СП РСФСР, где собралась толпа озлобленных писателей - пусть бы люди собрались, объединенные чувством вины перед теми людьми, кого они изгнали". Лесневский напомнил, что о своей вине перед Войновичем написал.

Лесневский сказал, что люди, которые в свое время нагромоздили гору лжи перед Солженицыным, сейчас надеются, что он встанет под их знамя. Лесневский считает, что вечер "Посева" - шаг в направлении мира, согласия, диалога, ведь "душа русской идеи - этот диалог прежде всего".

Представляя писателя Леонида Ивановича БОРОДИНА, Лесневский зачитал аннотацию из каталога издательства "Посев".

Леонид Бородин сказал, что дважды обязан "Посеву". Один раз за то, что сел, и второй раз за то, что раньше вышел. В 1982 году, когда сажали Бородина, главным пунктом обвинения была публикация в "Посеве", тогда вышли две книги. Потом были годы отсидки, а когда в 1987 году Бородин "как из мешка вывалился в эту действительность", то обнаружил, что он - писатель. До этого он был диссидент, отщепенец и слово писатель с собой не сопоставлял.

В "Посеве" к этому времени вышло 5 книг, переводы на французский, английский, итальянский.

Если бы не было этих книг и переводов, Бородин сидел бы до конца 1988 года, когда вышел последний политзаключенный из особой зоны. А за полтора года всё могло случиться - люди умирали и получали тяжелые болезни.

Бородин высказал уверенность, что его раннее осво-

бождение связано с той известностью, которую на Западе ему сделало издательство "Посев".

В 1970 году впервые в журнале "Посев" была опубликована статья Бородина, которую он написал в лагере и которая долгим и трудным путем через проволоку, через малую и большую зоны появилась без подписи, так как издатели не знали, можно ли ставить подпись или нет. На сегодняшний день в издательстве "Посев" работают очень близкие Бородину люди.

Бородин побывал в Англии, жил в семье посецев. Во время пребывания в Италии Бородину устроили прощальную встречу с людьми, которые приезжали в Москву и привозили литературу издательства "Посев", журнал "Грани" и книги. Эти люди сохранили удивительно теплое отношение к России. Бородин в глазах этих людей читал особую симпатию и чувство дружбы. В 1976 году Бородин на квартире в Москве встретился с двумя молодыми итальянцами - посланцами "Посева", которые, не зная русского языка, очень тепло и дружелюбно приветствовали его. По мнению Бородина, эту атмосферу сочувствия создал "Посев".

Бородин сказал, что трудно отделить "Посев" от НТС, являющегося политической организацией, ставящей конкретные цели. В КГБ были уверены, что Бородин - нелегальный, законспирированный член НТС, хотя он никогда не мог понять идею солидаризма. Бородин отметил, что организационные формы ему надоели, так как он с 18 лет во всяких подпольных организациях.

Л. Бородин назвал двух друзей из "Посева", с которыми он общался в Англии и Италии.

Прежде всего, это директор издательства "Посев" - Жданов. У Бородина сложилось чрезвычайно хорошее, доброе впечатление об этом человеке. Они много общались в Англии и Италии, несмотря на занятость Жданова. "Это человек, способный воспринимать различные мнения, умеющий очень тактично спорить и возражать и упирается до последнего на своем". По мнению Бородин, Жданов - русский человек западного типа, воспитанный западной школой и западным образом жизни. Это сочетание "глубочайших" русских корней и западного характера и понравилось Бородину в Жданове.

Второй человек - Борис Миллер, представитель издательства "Посев". Работа Миллера заключается в том, что он загружает в багажник своей машины 300-400 килограммов книг, едет в Италию, Францию, другие страны - продает, переводит, пропагандирует. Это энергичный, контактный, веселый, подвижной человек.

Бородин жил в его доме 40 дней и пользовался настоящим русским гостеприимством. Он познакомил Бородину с русской общиной в Англии. Бородин высказал благодарность этим людям, которые очень много для него сделали, и несмотря на то, что были приложены большие усилия, чтобы рассорить его с издательством, он сохранил отношения с "Посевом" и по-прежнему думает печататься в этом издательстве. Бородин поблагодарил организаторов вечера, хотя и не знает организатора и инициатора.

Бородин выразил надежду на следующем вечере "Посева" увидеть директора издательства и их литературного агента, и тогда это будет настоящий вечер издательства "Посев".

В заключение выступил официальный представитель издательства "Посев" Владимир БАТШЕВ.

Батшев сказал, что Юрий Михайлович Кублановский рано похоронил "Посев". Издательство не собирается закрываться, оно меняет свой профиль, будет больше литературы издаваться для России, чем для русского зарубежья. Первый показатель - организация в Москве представительства "Посева" и увеличение тиража журнала "Грани", слияние двух журналов "Посев" - ежемесячного и квартального - в один двухмесячный объемом 160 страниц.

Батшев сообщил, что редакции журналов "Грани" и "Посев" забиты рукописями из страны очень хорошего уровня. Бородин не сказал, что его новая повесть печатается в 155 номере "Граней" (первом номере за 1990-й год). "Посеву" в этом году исполняется 45 лет.

Батшев сказал, что НТС - политическая организация, она взяла своей целью ненасильственное свержение существующего строя. Разделять издательство "Посев" и НТС так же наивно и неправильно, как разделять издательство "Правда" и КПСС.

Батшев рассказал о редакторах "Граней" - писателе Сергее Максимове, авторе романа "Денис Бушуев", писателе Леониде Ржевском, Наталье Тарасовой, Георгии Владимове. По мнению Батшева, Владимов раздвинул рамки журнала и делал его под "Континент". Сейчас "Грани" редактирует Екатерина Алексеевна Самсонова-Брейтбарт. Батшев повторил что присутствующие на сцене писатели издавались в разное время в издательстве "Посев" и в "Гранях".

Батшев отметил, что у издательства сейчас масса проблем в связи с открывшейся гласностью. "Это и хорошо и плохо, запретный плод, который был сладок,

уже не так запрещен". Батшев сказал, что ему не верится, что будет издано все, что выходило и выходит в "Посеве" и других зарубежных издательствах. "Наша гласность - это не свобода слова. Путем кропотливой работы издательство "Посев" добилось того, что с 1990 года читатели СССР будут получать журнал "Грани" (30 рублей стоит подписка в представительстве "Посева", 35 рублей - в других районах страны). Принимаются заказы на книги издательства "Посев", пока разрешено Главлитом к ввозу 70 наименований, в этом году ожидается - на 89 книг. Цены - реальные, от 7 до 12 рублей, кроме трех детективов Ф. Незнанского. Три очень дорогие книги - "Гибель царской семьи" (по материалам Гуверовского архива), "Путеводитель по монастырям и святым местам России и святой горе Афону", и книга "Разрушенные и оскверненные храмы" будут продаваться по 150 рублей.

28 января устраивается большой вечер "Посева" в доме культуры "Красная Пресня", там будет организована подписка и продажа.

На вопрос из зала - печатался ли Батшев в "Граних", он ответил, что нет, не печатался, только недавно в "Континенте", благодаря Ю. М. Кублановскому.

В другой записке вопрос - почему в списке предложенных книг нет ни Лимонова, ни Соколова. Ответ - они не печатались в "Посеве".

На вопрос, кто конкретно подготовил и организовал этот вечер, Лесневский сказал, что это инициатива ЦДЛ, в частности, Елена Васильевна Еленская принимала большое участие и конечно "это организовано перестройкой, нашим временем". Лесневский пожалел, что Горбачев не пришел к власти 50 лет назад.

Москва, январь 1990 г.

ОРГАНИЗАТОРАМ ВЕЧЕРА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"
И ЖУРНАЛА "ГРАНИ"

Дорогие друзья!

Я получил любезное приглашение на вечер. К сожалению, я не могу его принять. Считаю своим долгом объяснить причины этого.

Журнал "Грани" и издательство "Посев" внесли огромный вклад в дело сохранения русской культуры. Сейчас отечественная литература, слава Богу, возвращается в страну: может и свободно распространяться, и издаваться на родине.

Однако я представляю в СССР не издательство "Посев", а одноименный журнал. Положение с ним принципиально иное, нежели с книгами издательства. Журнал "Посев" – общественно-политический, он является органом Народно-Трудового Союза. Наша организация базируется на христианстве и солидаристической философии, нам дороги интересы народов России. Это обуславливает борьбу с коммунизмом, которую мы всегда вели, ведем и будем вести впредь.

Боремся мы исключительно словом, и в демократической стране были бы легальной оппозицией находящейся у власти коммунистической партии.

Увы, в СССР дело обстоит совсем не так. За распространение нашего журнала не дают лагерных сроков, как прежде. Однако мне известно много случаев, когда госбезопасность методом шантажа и угроз заставляла людей "выдать" имеющиеся экземпляры. Ни один из посланных по почте номеров "Посева" до меня, – члена редколлегии журнала! – не дошел. На таможне журнал тотально изымается; последний известный мне случай изъятия годового комплекта произошел за несколько дней до нового года.

Прежде власти с равной беспощадностью преследовали как книги издательства, так и журнал. Эта тождественность сохранилась в сознании многих. Боюсь, что мое участие в вечере могло бы быть истолковано

* Письмо также опубликовано в журнале "Посев" № 2/1990 г.

как свидетельство "легализации", хотя бы частичной, властями СССР журнала "Посев".

К сожалению, это толкование было бы ложным. А содействовать даже в самой малой мере лжи я не хочу.

С искренним уважением к организаторам и участникам вечера.

Москва, январь 1990 г.

Владимир БАТШЕВ*

"Посев" в Москве

16 ноября 1989 года в газете "Московский комсомолец" в разделе современных чудес мелькнуло сообщение о том, что на Пушкинской площади около стенда "Московских новостей" висит объявление о подписке на "Грани". Заметка скептически оценивала сей факт, хотя балтийские газеты Народных Фронтов "Атмода" и "Со-гласие" еще раньше сообщили о том же.

24 декабря 1989 года на первой полосе "Московского комсомольца" появилось интервью с полномочным представителем издательства в Москве под интригующим названием "Новые всходы «Посева»", а 30 декабря та же газета уже половину второй полосы посвятила издательству, журналам "Грани" и "Посев". События нарастали, как снежный ком.

С помощью заведующей литературно-творческого отдела Центрального дома литераторов Е. В. Еленской удалось организовать вечер "Посева" в этой цитадели соцреализма. Билеты на вечер были проданы за неделю. Ажиотаж достиг апогея в день выступления, когда у Еленской неожиданно потребовали программу выступлений и список участников для представления в горком КПСС. По ее собственному признанию, подобного не было уже три года.

В вечере участвовали Белла Ахмадулина, Леонид Бородин, Юрий Карабчиевский, находящийся в Москве Юрий Кублановский, Булат Окуджава, Владимир Соло-

* Материал также опубликован в журнале "Посев" № 2/1990 г.

ухин. Вел вечер известный советский критик Ст. Лесневский.

Вечер прошел спокойно. Писатели с юмором рассказывали, как опасно было печататься в "Гранях" в эпоху застоя.

"Всплыли на поверхность" многочисленные "закрытые" встречи и контакты писателей с работниками издательства "Посев" в долгие годы застоя. Почти все выступавшие высказывали свою благодарность издательству и журналу "Грани" за поддержку в эти мрачные годы.

Б. Окуджава, сославшись на Ю. Кублановского, заметил, что "жаль, что издательство «Посев» закрывается", на что выступивший последним представитель издательства заявил, что уважаемый Юрий Михайлович несколько рано прекратил деятельность "Посева", после чего рассказал историю издательства и охарактеризовал выпускаемую им журнальную и книжную продукцию.

В фойе Дома литераторов активисты РАМС (Радикальной ассоциации за мир и свободу) вели подписку на журнал "Грани" и принимали заказы на книги издательства.

Нельзя не упомянуть о прозвучавшем на вечере письме члена редколлегии журнала "Посев" В. Сендерова, который в знак протеста против запрета на ввоз журнала в СССР отказался участвовать в вечере. Его письмо зачитал редактор независимого журнала "Христианский вестник" Евгений Поляков.

15 января 1990 года новая еженедельная газета "Коммерсант" (под редакцией сына Егора Яковлева, редактора "Московских новостей" - В. Яковлева) выступила с двумя статьями: "Советские авторы антисоветского «Посева»" и "Издательство «Посев»: легальный бизнес в Москве". Обе статьи положительно оценивали вечер в Доме литераторов.

А 20 января в субботней телепрограмме "Добрый вечер, Москва!" на "Посев", НТС и на В. Батшева вылили ушат злобных выпадов, от которых телезрители, казалось бы, начали отвыкать. Подтасовки, вранье, вырванные из интервью цитаты, провокации, разглашение коммерческих тайн - все, как в лихие годы безвременщины.

Однако, несмотря на выпад консервативных сил (московская программа ТВ находится в руках ОФТ - объединенного фронта трудящихся, реакционной организации, созданной Б. Гидасповым и его сторонниками), в тот же вечер по радиопрограмме "Маяк" прозвучало сообщение о предстоящем вечере 28 января и о заканчивающейся подписке на "Грани".

28 января дом культуры "Красная Пресня", прославившийся тем, что в нем присходят всевозможные скандальные вечера - от общества "Память" до независимого журнала "Выбор", - буквально гудел. Фойе и зал были увешаны плакатами: "«ПОСЕВ» - 45 лет на службе России", "А ты подписался на «Грани»? ", "В каждый дом - книгу «Посева»", "Книги издательства «Посев» - лучший подарок!".

Бойко шла торговля старыми номерами "Посева", 153 и 154 номерами "Граней", выполнялись заранее сделанные заказы и принимались новые, велась подписка на журнал.

Снова помогали активисты РАМСа, независимые журналисты продавали свои издания - "Свободное слово", "Голодовка", "Гласность", ксерокопированные номера "Посева" и "Путь к будущей России", программы политических партий, возвания независимых библиотек. Штатных стучачей тут же указали, как и работников райкома КПСС, но выступающие их откровенно игнорировали.

Выступали авторы "Граней" 1963-89 годов: автор "Феникса-61" Анатолий Шукин, смогисты Александр Васютков, Борис Дубин (он же читал стихи покойного смогиста Сергея Морозова), Игорь Голубев, автор "Русского слова" (1966 г.), новые авторы "Граней", выступившие под собственными именами, без псевдонимов - Галина Володина, Сергей Ларионов, Евгений Данилов, Владимир Капианидзе, Александра Казарновская. Барды Юрий Аделунг и Борис Муратов исполнили песни на слова Л. Бородина и И. Ратушинской, а композитор Виталий Галутва и ансамбль "Московские ведомости" исполнили песни на слова В. Батшева.

Ведущий - автор этой заметки - и выступающие ответили на огромное количество записок, присланных из зала. Присутствующие минутой молчания почтили память А. Д. Сахарова, А. Т. Марченко, Ю. Т. Галанскова, А. А. Галича.

Вечер закончился в половине первого ночи - что объясняется как интересом публики к теме вечера, так и к неизвестным ей авторам.

29 января, в понедельник, единственная выходящая в этот день в СССР газета "Правда" произвела выстрел по НТС и "Посеву". Была использована пищаль средневековья - небезызвестный Юрий Жуков выступил с набором таких штампов и стереотипов, что телевизионный выпад 20 января показался игрой первоклашек.

Полный набор имеется в этой полосной статье: ЦРУ, СИС, антикоммунистические силы, внутренние враги

(Сендеров), наймиты (Батшев), внешние старые враги (Поремский), баллотирующиеся в депутаты новые (Евдокимов) и т.д.

Вот тут уже надо было отвечать. Если телевизионный выпад проигнорировали специально, то "Правду" игнорировать было нельзя. Но никто из официальных органов связываться с "Правдой" не захотел. Звонили читатели и подписчики, давали советы, сочувствовали. Активисты РАМС Михаил Лапыгин и Петр Фадеев сумели проникнуть к Ю. Жукову с целью взять у него интервью. Но ничего не вышло.

— Я не желаю говорить об НТС — организации, которая стремится к свержению советского строя, — заявил 83-летний лауреат всех мыслимых премий, бывший член ЦК, депутат Верховного Совета и пр.

— Но ведь и Демократический союз, и социал-демократы тоже стремятся к изменению политической системы, — пытались доказать интервьюеры. Но мастодонт остался непреклонен.

3 февраля поздно вечером молодежная программа Всесоюзного радио "Вечерний курьер" соединилась со мной по телефону и попросила выступить непосредственно в прямом эфире. Я выступил и сказал, что считаю статью Юрия Жукова осколком ждановско-сусловских идеологических проработок, что сегодня такое выступление не то что смешно, а просто архаично.

5 февраля председатель кооператива "Дедал", который сотрудничает с "Посевом" и упоминался и в телевизионной передаче, и в жуковской статье в "Правде", был вызван в Тимирязевский райисполком для объяснений по поводу выступления центральной прессы. Председатель кооператива Дмитрий Калюжный, человек с железной логикой, сумел разобъяснить районному начальству вздор выступления "Правды", доказав, что сегодня принимать ее статьи за "руководство к действию" — глупо. Несмотря на это, кооперативу было предложено перерегистрироваться при другом учредителе, ибо нынешний — завод керамзитовых изделий — вступил в конфликт с кооперативом и был в числе клеветников в телепередаче.

В тот же день стало известно, что вечер издательства "ПОСЕВ" в Ленинграде не состоится: не договорились с тамошними властями. Но 8 февраля поступили два предложения об организации вечеров — в одном из НИИ и в подмосковном научном центре Черноголовка.

Так что, на войне как на войне.

Москва, февраль

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

А н д р е е в Герман Наумович родился в 1928 году. По образованию - филолог. В СССР много лет преподавал русский язык и литературу в школах. До разгона в 1971 году (по решению ЦК КПСС) преподавательского коллектива Московской математической школы № 2 работал в ней завучем. Эмигрировал в 1975 году и поселился в Зап. Германии. Был преподавателем факультетов славистики в университетах Гейдельберга и Мангейма. В настоящее время - профессор славистики в университете Майнца. Много работает в русской эмигрантской периодике. Является обозревателем газеты "Русская мысль". Печатался в журналах "Континент", "Страна и мир", "Грани" и др. Сотрудник редакции немецкой версии журнала "Континент". Литературный обозреватель радиостанции "Немецкая волна" (на нем. яз.).

Б а р а н с к а я Наталья Владимировна родилась в С.-Петербурге в 1908 году в семье профессиональных революционеров. В 1926 году окончила среднюю школу в Москве. Затем училась на Высших литературных курсах Моспрофобра. Работала в разных издательствах, Литературном музее, занималась научной работой, печаталась в специальных литературоведческих изданиях. С 1958 года по 1966-й работала заместителем директора по научной части Государственного музея Пушкина (ГМП), где руководила сначала созданием, а затем расширением экспозиции музея. Уход из музея был вынужденным - ее "выдавили", как говорится, за излишнюю самостоятельность, выразившуюся, в частности, в отказе подписать в 1958 коллективное письмо от имени сотрудников музея, осуждавшее Б. Пастернака за роман "Доктор Живаго", или в 1966 году - в организации вечера памяти А. Ахматовой, на который она пригласила - всего лишь гостем - И. Бродского.

После ухода из музея Н. Баранская посвящает себя литературе, а именно - прозе. В 1968 году "Новый мир" напечатал первые два рассказа Баранской, а в 1969-м - повесть "Неделя, как неделя", имевшую большой и заслуженный успех у читателей. После этого с разными перерывами - не по ее вине иногда очень длительными - печаталась в журналах "Юность", "Сибирь",

"Звезда" и др. В 1977 году вышел первый сборник ее рассказов (для юношества) и повесть о Наталье Пушкиной "Цвет темного меду". В 1979 году была принята в Союз писателей. В 1981-84 гг. работала над романом "День поминовения", а затем еще пять лет тянулось его "издание". И только в 1989 году роман увидел свет.

Более подробно о своей жизни Н. Баранская рассказывает в очерке "Автобиография без умолчаний", опубликованном в этом номере "Граней" (№ 156).

Б а т ш е в Владимир Семенович - живет в Москве, занимается литературно-сценарной работой. В юности - поэт-смогист, входивший в одно из первых, как сегодня сказали бы, неформальных литературных объединений - "СМОГ". За активное участие в демократическом движении был приговорен к ссылке в Сибири, которую и отбыл. Вернувшись в Москву, окончил сценарный факультет Московского государственного института кинематографии. Спектр его литературных интересов очень широк - от поэзии до документальных сценариев. С осени 1989 года - представитель издательства "Посев" в Москве.

Г р и г о р ь я н Леонид - автор живет в Ростове-на-Дону. Преподаватель латыни в Ростовском медицинском институте. Печатался в советской периодике.

К о л к е р Юрий Иосифович родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института. Публиковать свои стихи начал с 1972 года. Помимо стихов пишет публицистические, критические, литературоведческие статьи. Эмигрировал в июне 1984 года. В настоящее время живет в Лондоне.

М а к с и м о в а Наталья Олеговна родилась в 1953 году. В 1970 окончила среднюю школу с золотой медалью, в 1977 году - мехмат МГУ с отличием и была оставлена в аспирантуре при кафедре дифференциальных уравнений МГУ. В 1982 году защитила диссертацию по теории фильтрации. Член Московского математического общества. Автор трех десятков литературных статей, опубликованных в центральных журналах. Член литературного объединения Московского Дома ученых.

Незнанский Фридрих Евсеевич родился в 1932 году в г. Журавичи, БССР. Окончил Московский юридический институт. 25 лет работал в органах юстиции. Занимался научной деятельностью и печатался в научной периодике. Выехал из СССР в 1977 году. На Западе с большим успехом на более чем 10 языках вышли его книги: "Журналист для Брежнева или смертельные игры", "Красная площадь" (обе в соавторстве с Э. Тополем), "Ярмарка в Сокольниках" и "Операция 'Фауст' ". На нескольких языках (кроме русского) также вышла его книга "Земля преступлений" (1983) - анализ преступности в СССР. В 1989 году в издательстве "Посев-США" была опубликована книга "Записки следователя". Ф. Незнанский - член редколлегии журнала "Посев", в котором регулярно печатаются его статьи. См. также статью в "Гранях" № 149, 1988 г. ("Прыжок на пропасть").

Ржевский Леонид Денисович (1905-1986). Родился в Москве, закончил филологический факультет Московского университета и аспирантуру Московского Государственного педагогического института им. Ленина, где затем и преподавал до начала войны на филологическом факультете.

В результате перипетий войны после ее окончания оказался на Западе. До 1953 года работал для Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене. С 1953 по 1955 - главный редактор журнала "Грани". 1955-1963 - преподаватель русского языка и литературы Лундского университета в Швеции. Затем переезжает в США. 1963-1964 - профессор русской литературы Оклахомского университета в г. Норман, штат Оклахома. 1964-1974 - профессор, а затем почетный профессор ("профессор эмиритус") Нью-Йоркского университета. В 1975 году ушел в отставку, но до последних дней жизни продолжал регулярно читать лекции в Летней школе языков Норвичского университета, шт. Вермонт.

В эмиграции Л. Ржевский сложился как замечательный писатель и литературовед, носитель классических традиций русской литературы. Далеко не полный перечень его произведений включает: роман "Между двух звезд" (изд-во им. Чехова, 1953); повесть "...пока-завшему нам свет" (изд-во "Посев", 1960); сборник из трех повестей "Двое на камне" (Товарищество зарубежных писателей, 1960); сборник повестей и рассказов "Через пролив" (Товарищество зарубежных писателей,

1966); роман "Две строчки времени" (изд-во "Посев", 1972); роман "Дина" (издание "Нового русского слова", 1979). В 1976 году вышел большой сборник литературоведческих работ Л. Ржевского "Прочтение творческого слова". Многочисленные его публикации появлялись в разных эмигрантских изданиях - "Гранях", "Мостах", "Новом журнале", "Континенте" и др.

Сендеро в Валерий Анатольевич родился в 1945 году в Москве. После окончания средней школы в 1962 году поступил в Московский физико-технический институт (МФТИ), где с третьего курса полностью переключился на математику. В 1968 году перед самой защитой диплома был исключен из института со стандартной формулировкой - "за поведение, недостойное звания советского студента", которое проявилось в чтении, распространении и обсуждении философской литературы. В 1970 году, после двух лет упорных жалоб в Министерство высшего и среднего образования РСФСР, диплом было разрешено защитить. В том же году В. Сендеров поступил в аспирантуру Московского областного педагогического института, откуда через год был отчислен за написание работы "Философия Ницше". После этого занимался математической деятельностью. К настоящему времени - автор около двух десятков работ по функциональному анализу, один из авторов задачника для школьников "Физико-математические олимпиады" (М., "Знание", 1977 г.)

В 1980 году вместе с Б. Каневским написал самиздатскую работу "Интеллектуальный геноцид", в которой авторы протестовали против дискриминации евреев при поступлении в вузы. Сам В. Сендеров - православный.

В апреле 1982 года у В. Сендерова был проведен обыск, во время которого были изъяты рукописи, книги, материалы НТС. Сознывая неизбежный арест, он сделал заявление для прессы, в котором просил считать момент ареста моментом его самоприема в Народно-Трудовой Союз российских солидаристов. 17 июня 1982 года В. Сендеров был арестован, ему было предъявлено обвинение в издании Информационных бюллетеней СМОТ, в распространении их в России и передаче материала в "Посев". Приговор: 7 лет лагерей плюс 5 - ссылки.

В связи с горбачевской "перестройкой" был выпущен осенью 1987 года и тут же, как и прежде, включился в общественную деятельность, став открытым представителем НТС в Москве. В настоящее время он также является

председателем Московской группы Международного общества прав человека. Продолжает заниматься научной и педагогической работой.

Ю г о в Александр Михайлович род. в Москве в 1931 году. Окончил Одесский политехнический институт в 1954 г. Работал на инженерных, административных и научно-исследовательских должностях ряда заводов и НИИ страны. Эмигрировал из СССР в конце 1971 года. С января 1972 года сотрудничает в журнале "Посев", где за 17 лет опубликовал несколько десятков статей, преимущественно на социально-экономические темы. С 1974 до 1982 года работал ответственным секретарем журнала "Посев", затем до 1989 года входил в его редколлегию. С конца 1989 года А. Югов - главный редактор двухмесячного журнала "Посев". В издательстве "Посев" выходит сборник его публицистических статей. См. также статьи в "Гранях" № 145, 1987 г. ("Смотреть правде в глаза") и № 148, 1988 г. ("На экономическом ринге").

**Главный редактор
Е. А. Брейтбарт-Самсонова**

Адрес редакции журнала «Грани»:
Grani c/o Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D 6230 Frankfurt a. M. 80
Тел. (069) 34 46 71

Непринятые рукописи не возвращаются.

Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

ЖУРНАЛ "ПОСЕВ"

"Посев" - общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

"Посев" участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал "Посев" выходил также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. С 1990 года сливаются два издания - ежемесячный "Посев" и его квартальное издание. "Посев" в новой форме будет выходить каждый второй месяц на 160 страницах.

